

The background of the cover is a collage of legal symbols. At the top, there is a pair of golden scales of justice on a reflective surface. To the right, a golden gavel is partially visible. At the bottom, another pair of golden scales of justice is shown. The overall color palette is warm, with gold and brown tones against a dark background.

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ

под ред. Пашенцева Д.А.

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
КЛАССИЧЕСКИЕ
И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ

2022

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ

Сборник научных трудов

Под общей редакцией Д.А. Пашенцева

Москва
2022

Department of Education and Science of the City of Moscow
State Autonomous Educational Institution of Higher Education
of the City of Moscow
"Moscow City Pedagogical University"

LEGAL BEHAVIOR: CLASSIC AND MODERN MODELS

Collection of scientific papers

General editor D.A. Pashentsev

Moscow
2022

УДК 340.1

ББК 67.0

П 68

Рецензенты:

Борисова Н.Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета

Рыбаков О.Ю. - доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М. : Саратовский источник, 2022. – 191 с.

ISBN 978-5-6047895-6-8

В условиях современной научной рациональности правовое поведение справедливо рассматривается как важный элемент конструирования правовой реальности. С позиций постклассической юриспруденции, человек как субъект права является центром правовой системы. Под влиянием конвергентных технологий поведение человека в правовом пространстве существенно трансформируется, что влияет на существующие модели правотворчества и правоприменения.

В сборнике представлены материалы выступлений участников секции «Поведение человека в условиях развития конвергентных технологий: эволюция классических и современных правовых моделей», которая проводится в рамках Международной ежегодной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского «Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций». Конференция проходит на площадке Московского городского педагогического университета 21 апреля 2022 года. Материалы конференции выпускаются в 2-х частях, данный сборник представляет собой вторую часть.

Сборник подготовлен в рамках реализации научного проекта РФФИ 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

Для ученых-правоведов, практикующих юристов, преподавателей, студентов, аспирантов юридических вузов и факультетов.

©Коллектив авторов, 2022

УДК 340.1

ББК 67.0

П 68

Reviewers:

Borisova N.E. - Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Rybakov O.Yu. - Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology of the Kutafin Moscow State Law University

Legal behavior: classic and modern models: a collection of scientific papers / general editor D.A. Pashentsev. – M. : Saratov source, 2022. – 191 p.

ISBN 978-5-6047895-6-8

In the conditions of modern scientific rationality, legal behavior is rightly considered as an important element of the construction of legal reality. From the standpoint of postclassical jurisprudence, a person as a subject of law is the center of the legal system. Under the influence of convergent technologies, human behavior in the legal space is significantly transformed, which affects the existing models of law-making and law enforcement.

The collection presents the materials of the presentation of the participants of the section "Human behavior in the context of the development of convergent technologies: the evolution of classical and modern legal models", which was held within the framework of the International Scientific Conference in memory of Professor F.M. Rudinsky "Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects". The conference was held at the Moscow City Pedagogical University on April 21, 2022.

The collection was prepared and published with the financial support of the RFBR, scientific project 18-29-16219 "Innovations in the mechanisms of law-making and legal realization in the conditions of digital technology development".

For legal scholars, practicing lawyers, teachers, students, postgraduates of law schools and faculties.

©Collective of Authors, 2022

Коллектив авторов

Абаканова Вероника Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

Азиззода Убайдулло Абдулло – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Таджикского национального университета

Антонова Наталья Владиславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Астаева Марина Григорьевна - аспирант отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, адвокат Адвокатской палаты Московской области

Бабаева Юлия Григорьевна - кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова

Беденков Владимир Владимирович - старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Алтайского государственного университета

Беляев Максим Александрович - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Ганичева Екатерина Севериановна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Давыдова Марина Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и му-

ниципального права Волгоградского государственного университета

Долинская Владимира Владимировна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

Дудин Павел Николаевич - доктор исторических наук, доцент, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Евлампиева Екатерина Владимировна - кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

Еремина Татьяна Ивановна - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургской юридической академии

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Израелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова

Калмыкова Анастасия Дмитриевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института

права и управления Московского городского педагогического университета

Корчагина Тамара Владимировна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета

Крупеня Елена Михайловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета

Крупнова Татьяна Борисовна - аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Купцова Ольга Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Лановая Галина Михайловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

Ломакина Ирина Борисовна - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Медушевская Наталья Федоровна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Николаев Андрей Игоревич - старший преподаватель Института права и управления Московского городского педагогического университета

Пашенцев Дмитрий Алексеевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического универси-

тета, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Пашенцева Дарья Дмитриевна - аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Писарев Александр Николаевич - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Попова Наталья Николаевна - начальник Управления по развитию инновационных молодежных программ и профориентации Дипломатической академии МИД России

Портнова Алена Андреевна - аспирант юридического факультета Санкт-Петербургского университета технологий, управления и экономики

Чернявский Александр Геннадьевич - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Честнов Илья Львович - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Яблоков Артем Михайлович - аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

Ящук Татьяна Федоровна - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

Authors

Abakanova Veronika Anatolievna - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

Azizzoda Ubaydullo Abdullo - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Tajik National University

Antonova Natalia Vladislavovna - PhD in Law, Senior Researcher at the Department of Social Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Astaeva Marina Grigorievna - Postgraduate student of the Department of Social Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, lawyer of the Moscow Region Chamber of Advocates

Babaeva Yulia Grigorievna - Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu. M. Luzhkov

Bedenkov Vladimir Vladimirovich - Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Altai State University Law Institute

Belyaev Maxim Aleksandrovich - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the O.E. Kutafin University (MGUA)

Ganicheva Ekaterina Severianovna - Candidate of Law, Leading Researcher of the Department of Civil Legislation and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Davydova Marina Leonidovna - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Volgograd State University

Dolinskaya Vladimira Vladimirovna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin University

ty (MSLA), member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of International Law of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Dudin Pavel Nikolayevich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries of the East Siberian State University of Technology and Management

Evlampieva Ekaterina Vladimirovna - Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Civil Law Education of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

Eremina Tatiana Ivanovna - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Academy

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkov

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Kalmykova Anastasia Dmitrievna - Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University

Korchagina Tamara Vladimirovna - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University

Krupenya Elena Mikhailovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University

Krupnova Tatiana Borisovna - Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Kuptsova Olga Borisovna - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor and Environmental Law of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Lanovaja Galina Mikhailovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Lomakina Irina Borisovna - Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Medushevskaya Natalia Fedorovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Nikolaev Andrey Igorevich - Senior Lecturer at the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University

Pashentsev Dmitry Alexeyevich - Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Moscow City Pedagogical University, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Pashentseva Daria Dmitrievna - Postgraduate student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Pisarev Alexander Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after N. V. Vitruk of the Russian State University of Justice

Popova Natalia Nikolaevna - Head of the Department for the Development of Innovative Youth Programs and Career Guidance of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Portnova Alyona Andreevna - Postgraduate student of the Faculty of Law of the St. Petersburg University of Technology, Management and Economics

Chernyavsky Alexander Gennadievich - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Chestnov Ilya Lvovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Yablokov Artem Mikhailovich - Postgraduate student of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

Yaschuk Tatiana Fedorovna - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Д.А. Пашенцев</i>)	19
Раздел 1. Теория правового поведения: от классических моделей к постнеклассическим новациям	21
Правовое поведение: осмысление с позиций постклассической методологии (<i>И.Л. Честнов</i>)	21
Правовое поведение в современном обществе: от классических традиций к цифровым новациям (<i>Д.А. Пашенцев</i>)	24
Правовая деятельность как феномен социальной реальности: антрополого-правовой подход (<i>И.Б. Ломакина</i>)	27
Правомерное поведение индивидуального субъекта: к вопросу смены методологии исследования в условиях развития когнитивных технологий (<i>Е.М. Крупеня</i>)	33
Правовой человек или служебный субъект? (<i>Н.Ф. Медушевская</i>)	39
Проблемы детерминации правозначимого поведения и юридической ответственности в условиях развития конвергентных технологий (<i>Г.М. Лановая</i>)	44
Правовое поведение в условиях конвергенции технологического развития: технико-юридические доминанты и топические основания (<i>О.Б. Купцова</i>)	50
Правосознание как основа правового поведения в цифровую эпоху (<i>Н.Н. Попова</i>)	56
Роль права в регулировании поведения людей в цифровом обществе (<i>А.И. Николаев</i>)	59
Раздел 2. Поведение человека в современном правовом пространстве: теория и практика	
Неопределенность социального порядка как причина трансформации нормативности (<i>М.А. Беляев</i>)	62
Публичная власть и правовое поведение (<i>Ю.Г. Бабаева</i>)	68
Соотношение понятий регулирование и управление в контексте умного правового воздействия на поведение человека (<i>М.Л. Давыдова</i>)	71

Причины неправомерного поведения и их классификация (<i>В.В. Долинская</i>)	76
Противодействие противоправному поведению на современном этапе развития общества (<i>В.А. Абаканова</i>)	81
Антикоррупционное правовое воспитание в контексте формирования правосознания российского общества (<i>В.В. Беденков</i>)	85
Право на образование в условиях цифровизации: поведенческий аспект (<i>Т.В. Корчагина</i>)	89
Правовое образование в высшей школе как основа формирования правового поведения в условиях развития информационных технологий (<i>Е.В. Евлампиева</i>)	92
Социальные обязательства государства и принципы его социальной политики в свете конституционной реформы 2020 г. (<i>А.Н. Писарев</i>)	97
Проблемы правового обеспечения защиты интеллектуального благополучия индивида в условиях цифрового общества (<i>В.Б. Израелян</i>)	103
О правовом обеспечении развития семейного бизнеса в Российской Федерации (<i>С.А. Иванова, Е.С. Ганичева</i>)	108
Категория «врачебная ошибка» в контексте правового поведения и действующего законодательства (<i>А.Д. Калмыкова</i>)	114
Политические свободы и правовое поведение в государстве (<i>А.Г. Чернявский</i>)	125
Свобода волеизъявления как фактор правотворчества: динамика форм (<i>Т.Б. Крупнова</i>)	133
Цифровая среда и социально-трудовые отношения: актуальные направления развития российского законодательства (<i>Н.В. Антонова</i>)	137
Законодательство о дистанционной работе в Российской Федерации: актуальные направления развития (<i>М.Г. Астаева</i>)	143
Некоторые правонарушения, совершаемые в условиях распространения пандемии коронавирусной инфекции covid-19 (<i>А.А. Портнова</i>)	147

Лингвистическое антикриминальное программирование как метод предупреждения преступности (<i>А.М. Яблоков</i>)	153
Раздел 3. Правовое поведение в исторической ретроспективе	157
Становление советского права и особенности развития уголовного законодательства в Таджикистане (<i>У.А. Азиззода</i>)	157
Конструирование образцов поведения в наградной политике государств постсоветского пространства (<i>А.А. Дорская</i>)	164
К вопросу о поиске моделей правового поведения при становлении восточноазиатского правопорядка на рубеже веков (XIX-XX и XX-XXI вв.) (<i>П.Н. Дудин</i>)	168
Этические нормы как регуляторы правомерного поведения государственных гражданских служащих учебного ведомства Российской империи (<i>Т.И. Еремина</i>)	177
Акты волостных судов и их роль в регулировании правового поведения крестьян в Российской империи (<i>Д.Д. Пашенцева</i>)	181
Разработка и обсуждение проекта Кодекса о браке и семье в середине 1920-х гг. как пример проявления правовой активности (<i>Т.Ф. Яцук</i>)	184

Content

Preface (<i>D.A. Pashentsev</i>)	19
Section 1. Theory of legal behavior: from classical models to post-non-classical innovations	21
Legal behavior: Comprehension from the standpoint of postclassical methodology (<i>I.L. Chestnov</i>)	21
Legal behavior in Modern Society: from Classical Traditions to Digital Innovations (<i>D.A. Pashentsev</i>)	24
Legal activity as a phenomenon of social Reality: anthropological and legal approach (<i>I.B. Lomakina</i>)	27
Legitimate behavior of an individual subject: on the issue of changing the methodology of research in the context of the development of cognitive technologies (<i>E.M. Krupenya</i>)	33
A legal person or an official subject? (<i>N.F. Medushevskaya</i>)	39
Problems of determination of legally significant behavior and legal responsibility in the context of the development of convergent technologies (<i>G.M. Lanovaya</i>)	44
Legal behavior in the conditions of convergence of technological development: technical and legal dominants and topical grounds (<i>O.B. Kuptsova</i>)	50
Legal awareness as the basis of legal behavior in the digital age (<i>N.N. Popova</i>)	56
The role of law in regulating people's behavior in a digital society (<i>A.I. Nikolaev</i>)	59
Section 2. Human behavior in the modern legal space: theory and practice	62
The uncertainty of the social order as the reason for the transformation of normativity (<i>M.A. Belyaev</i>)	62
Public power and legal behavior (<i>Yu.G. Babaeva</i>)	68
Correlation of the concepts of regulation and management in the context of smart legal impact on human behavior (<i>M.L. Davydova</i>)	71
Causes of misconduct and their classification (<i>V.V. Dolinskaya</i>)	76
Countering illegal behavior at the present stage of society development (<i>V.A. Abakanova</i>)	81
Anti-corruption legal education in the context of the formation of the legal consciousness of Russian society (<i>V.V. Bedenkov</i>)	85
The right to education in the context of digitalization: behavioral aspect (<i>T.V. Korchagina</i>)	89

Legal education in higher education as a basis for the formation of legal behavior in the context of the development of information technologies (<i>E.V. Evlampieva</i>)	92
Social obligations of the state and the principles of its social policy in the light of the constitutional reform of 2020 (<i>A.N. Pisarev</i>)	97
Problems of legal support for the protection of the intellectual well-being of an individual in the conditions of digital society (<i>V.B. Israelyan</i>)	103
On legal support for the development of family business in the Russian Federation (<i>S.A. Ivanova, E.S. Ganicheva</i>)	108
Category "medical error" in the context of legal behavior and current legislation (<i>A.D. Kalmykova</i>)	114
Political freedoms and legal behavior in the State (<i>A.G. Chernyavsky</i>)	125
Freedom of expression as a law-making factor: dynamics of forms (<i>T.B. Krupnova</i>)	133
Digital environment and social and labor relations: current trends in the development of Russian legislation (<i>N.V. Antonova</i>)	137
Legislation on remote work in the Russian Federation: current directions of development (<i>M.G. Astayeva</i>)	143
Some offenses committed in the context of the spread of the covid-19 coronavirus pandemic (<i>A.A. Portnova</i>)	147
Linguistic anti-criminal programming as a method of crime prevention (<i>A.M. Yablokov</i>)	153
Section 3. Legal conduct in historical retrospect	157
The Formation of Soviet law and the peculiarities of the development of criminal legislation in Tajikistan (<i>U.A. Azizzoda</i>)	157
Designing patterns of Behavior in the Award Policy of the Post-Soviet States (<i>A.A. Dorskaya</i>)	164
On the search for models of legal behavior in the Formation of East Asian Law and Order at the turn of the Century (XIX-XX and XX-XXI centuries) (<i>P.N. Dudin</i>)	168
Ethical norms as regulators of Lawful Behavior of state Civil Servants of the Educational Department of the Russian Empire (<i>T.I. Eremina</i>)	177
Acts of Volost Courts and their role in regulating the legal behavior of peasants in the Russian Empire (<i>D.D. Pashentseva</i>)	181
Development and discussion of the draft Code on Marriage and family in the mid-1920s as an example of the manife station of legal activity (<i>T.F. Yaschuk</i>)	184

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный сборник статей включает материалы выступлений участников секции «Поведение человека в условиях развития конвергентных технологий: эволюция классических и современных правовых моделей», которая проводится в рамках Международной ежегодной научной конференции «Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций».

Конференция проводится на площадке Московского городского педагогического университета 21 апреля 2022 года. Она посвящена памяти известного ученого, правоведа, специалиста в области прав человека Феликса Михайловича Рудинского, долгое время работавшего в МГПУ и создавшего там кафедру прав человека.

Секция «Поведение человека в условиях развития конвергентных технологий: эволюция классических и современных правовых моделей», проводимая в рамках научного проекта РФФИ 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий», собрала обширный и представительный состав участников. Свои материалы для сборника представили ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Душанбе, Волгограда, Омска, Барнаула и Улан-Удэ. Среди авторов – четырнадцать докторов наук, являющихся известными специалистами в теории права и иных отраслях правоведения. Они представляют такие известные научные и учебные организации, как Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ, Российский государственный университет правосудия, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Таджикский государственный

университет, Омский государственный университет, Волгоградский государственный университет и другие.

Проблематика, раскрытая в статьях сборника и соответствующих выступлениях на секции, представляется очень актуальной на современном этапе развития юридической науки. Происходящая технологическая революция влечет переход к новому этапу общественного развития, инициирует наступление постнеклассической научной рациональности. Для современной научной парадигмы характерно особое внимание к человеку, что связано с произошедшим в науке антропологическим поворотом. В правоведе-нии это означает признание главной роли человека в реализации правовых норм и конструировании правовой реальности. В современной юридической теории субъект права все чаще трактуется как центр и главный элемент правовой системы¹. В итоге именно от повседневной деятельности субъектов права зависит эффективность действия права и механизма правового регулирования, реализация принципа законности и укрепление правопорядка.

Современные конвергентные технологии (к их числу, как правило, относят цифровые, био, нано и когнитивные технологии) оказывают существенное воздействие на человека и его правовое поведение. Они способны изменить господствующий тип мышления, повлиять на коллективное и индивидуальное правосознание, то есть, в конечном итоге, на трансформирующуюся социальную и правовую реальность. Происходящие процессы, связанные с динамикой правового поведения в условиях развития конвергентных технологий, нуждаются в научном осмыслении. Попытка проанализировать различные стороны данного процесса предпринята авторами сборника и участниками конференции.

¹ См.: Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 460 с.

Раздел 1
ТЕОРИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ:
ОТ КЛАССИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИМ НОВАЦИЯМ

Честнов Илья Львович

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ
С ПОЗИЦИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация: Правовое поведение – важное понятие юридической науки. Правовое поведение в социологической перспективе значительно отличается от позитивистской его трактовки. Правовое поведение с позиций постклассической методологии – это взаимодействия людей как носителей правовых статусов в контексте конкретной жизненной ситуации, опосредованные нормой права. В правовом взаимодействии люди руководствуются индивидуальными мотивами поведения, удовлетворяют соответствующие потребности, соотнося их с юридическими ожиданиями – ожиданиями адекватного поведения со стороны контрагента по взаимодействию и требованиями нормы права.

Ключевые слова: правовое поведение, постклассическая методология, правовое взаимодействие, ожидания, мотив, смысл.

Правовое поведение, на первый взгляд, очевидное явление: это действия (деяния), совершаемые в соответствии с действующими нормами права. И такой подход, достаточно распространенный в современной социологии права, вполне приемлем. Более того, он гораздо более перспективен по сравнению с юридическим нормативизмом, в котором «действие права» (или действительность, валидность права) – это не более, чем вступление в силу соответствующей формы внешнего выражения нормативности права. Тем самым предполагается, что сила права проистекает из магии «источника права», его имманентной энергии.

Перспективы социологического прочтения правового поведения очевидны. Однако сразу же возникают важные вопросы так понимаемого действия, соответствующего норме права. Кто опре-

деляет это соответствие? Всегда ли субъект (индивид, как носитель статуса субъекта права) осознает, что его поведение соответствует норме права? Как вообще соотносится поведение и его ментальное (психическое или когнитивное) опосредование? Последний вопрос относится к знаменитой философской «психофизической проблеме» и транслируется в не менее философские сложные дискуссии о свободе воли и детерминизме поведения.

Другая проблема связана с парадоксом «следования правилу», сформулированному Л. Витгенштейном. «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия» [1, § 201]. Имеется множество комментариев на счет этого афористичного (как почти все у Витгенштейна). Важно то, что нет логически выверенного алгоритма, позволяющего всегда находить однозначные критерии того, соответствует ли какое-либо деяние заданному образцу или нет. Отсутствие единственного метанаблюдателя свидетельствует о множественности (или конфликте, по П. Рикеру) интерпретаций и юридических квалификаций любого более или менее сложного поведения.

Правовое поведение с позиций постклассической методологии – это взаимодействия людей как носителей правовых статусов в контексте конкретной жизненной ситуации, опосредованные нормой права. При этом нормы права, как утверждает Э. Паттаро, это верования, которые вносятся «в мозги человека социокультурным окружением. Или они могут быть выведены приверженцем из другой нормы (нормы, которая уже существует у него в сознании) в сочетании соотносением надлежащего знака к типу обстоятельства, изложенного в этой другой, предшествующей норме». [2, с. 311]

В правовом взаимодействии люди руководствуются индивидуальными мотивами поведения, удовлетворяют соответствующие потребности, соотнося их с юридическими ожиданиями – ожиданиями адекватного поведения со стороны контрагента по взаимодействию и требованиями нормы права. При этом образ нормы права может быть эксплицитным (если субъект – профессиональный юрист), но как правило он – образ – является смутным социальным представлением. Именно на него накладываются индивидуальные мотивы и смыслы, приписываемые ситуации (включая ожидания поведения другого субъекта). В то же время в подавляющем большинстве юридически значимых ситуациях человек не рефлексировывает (калькулирует) свои действия, а руководствуется типизациями или стереотипами поведения, сложившимися на основе его личного опыта. Тем самым типичное (наиболее распространенное, не предполагающее наличие «сложных дел» по Р. Дворкину) правовое поведение образует юридическую повседневность – правовые ритуалы, «институты, воплощенные в людях», [3, с.117] воспроизводящие правовую реальность.

Правовое поведение, несомненно - это многоаспектное, многосоставное явление. Его адекватное изучение требует привлечение знаний из разных областей современного научного знания. И это не «размывает» предмет юридической науки. Только такая междисциплинарность, свойственная постклассической методологии, позволит выявить всю глубину этого сложного феномена.

Список источников

1. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. М., 2009.
2. Паттаро Э. Нет права без норм // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. д-ра юрид. наук А. В. Полякова. СПб., 2009.
3. Wittgenstein L. Philosophical Investigation. Blackwell Publishing, 2006.

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ОТ КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ К ЦИФРОВЫМ НОВАЦИЯМ²

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий»

Аннотация. Право выступает важнейшим регулятором отношений в обществе и правового поведения их участников. В условиях современного технологического развития и процесса цифровизации утрачивают свое значение некоторые правовые традиции, что неизбежно влияет на трансформацию правового поведения. Сделан вывод о необходимости корректировки правовой политики государства с учетом конструируемого характера правовой реальности.

Ключевые слова: правовое поведение; цифровизация; правовые традиции; конструирование правовой реальности

Вопросы правового поведения представляют особую важность для юридической науки и практики в связи с тем, что именно поведение субъектов общественных отношений играет важную роль в процессе конструирования правовой реальности.

Конструирование новой правовой реальности – это процесс, который постоянно происходит в обществе и состоит из трех стадий. Первая стадия – создание знаковой формы для новых правовых норм, реализуемое в результате правотворчества. Вторая стадия – осознание смысла и значения новых норм участниками общественных отношений, выработка у них позитивного эмоционального фона по отношению к новациям. На этом этапе большое значение приобретают правовое просвещение и правовое воспитание [1, с. 43]. Третья стадия состоит в воплощении новых норм в повседневном поведении субъектов общественных отношений.

² При написании статьи использованы материалы СПС «КонсультантПлюс»

Таким образом, именно от правового поведения зависит успешное завершение процесса конструирования новой правовой реальности, полноценная реализация на практике новых правовых норм.

Правовое поведение нельзя сводить к упрощенной схеме, предполагающей противопоставление правомерного и противоправного поведения (иногда выделяют еще нейтральное по отношению к праву поведение). Поведение человека в обществе далеко не всегда укладывается в такие рамки, оно имеет множество граней, каждая из которых может быть истолкована неоднозначно и контекстуально. Режим законности в современном понимании означает не только неукоснительную реализацию принятых норм, но и осознание их смысла, назначения, нравственную оценку содержания как основу последующего выбора модели поведения в каждом конкретном случае. При оценке правового поведения стоит учитывать не только текст соответствующих правовых норм, но и правосознание – индивидуальное и коллективное, правовые и иные связанные с ними ценности, а также мотивы.

Правовое поведение существует в определенном социально-культурном контексте, отражает и реальные общественные процессы, и их восприятие в общественном и персональном сознании. Поведение отражает реальную жизнедеятельность людей, основанную на постоянном соотнесении своего поведения с имеющимися образцами, закрепленными правовыми нормами.

Правовое поведение детерминировано совокупностью обстоятельств общественного развития [4, с. 51-52], а также комплексом факторов, которые лежат не только в рациональной, но и в иррациональной сфере: психо-эмоциональных, религиозно-традиционных, идейно-интуитивных и т.д. При этом развитие общества нередко оказывает решающее воздействие на те модели правового поведения, которые преобладают в нем на том или ином конкретном этапе.

Важным фактором общественного развития, опосредованно, но существенно влияющим на правовое поведение, выступает смена технологического уклада. Новые технологии, которые сего-

дня активно внедряются во все сферы жизни общества и государства, существенным образом изменяют модели экономического и социального развития, влияют на динамику правовой сферы. Среди них на настоящем этапе наиболее сильно прослеживается воздействие цифровых технологий, что позволяет ученым говорить о становлении цифрового общества как нового этапа социального развития [3, с. 45-46].

Цифровизация существенно влияет на юридическую теорию и практику, затрагивает и вопросы правопонимания [2, с. 39-40]. Она становится определенной угрозой для существующих правовых традиций, которые в течение длительного времени играли (и продолжают играть) важную роль среди детерминант правового поведения. Она влечет за собой много серьезных рисков. Один из них – воздействие с помощью новых технологий на поведение человека. В период пандемии человечество убедилось в том, что с помощью цифровых технологий легко ограничить права и свободы граждан, включая право на свободу передвижения, установить за ними тотальный контроль, заставить вести себя определенным образом. Новые модели поведения, первоначально провозглашенные временной мерой, скоро вполне могут превратиться в постоянные и общепринятые, любое отклонение от этих стандартов будет выявляться, осуждаться и пресекаться. Фактически речь идет даже не о программировании поведения, которое стало частью социальной реальности, а о его кодировании, что предполагает замену привычных социальных регуляторов алгоритмами. В итоге роль права как главного регулятора правового поведения может измениться, что повлечет за собой сложно прогнозируемые последствия для всего общественного развития. Выход следует искать на основе разработки и реализации научно обоснованной правовой политики государства, предполагающей оптимальный баланс традиций и новаций в регулировании общественных отношений как среды правового поведения.

Список литературы

1. Корчагина Т.В., Николаев А.И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 42-47.
2. Малахов В.П., Азнагулова Г.М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2. С. 37-44.
3. Николаев А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4. С. 44-48.
4. Ростиславлев Д.А. О причинах революций XVII–XVIII веков в странах Запада // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1. С. 50-61.

Ломакина Ирина Борисовна

ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Аннотация: В статье с позиций антрополого-правового подхода рассматривается правовая деятельность как феномен социальной реальности. Отмечается, что понятие правовая деятельность должна быть подвергнута критическому анализу, поскольку классические парадигмы не могут дать вразумительного ответа на вызовы современной, изменяющейся реальности. Правовая деятельность с позиций антрополого-правового подхода существенным образом отличается от позитивистской его трактовки. В статье утверждается, что правовая деятельность контекстуально обусловленный феномен. Так, например, для западных правовых культур, правовая деятельность конституируется принципом свободной воли индивида и верховенством права. Неправовая регуляция, по крайней мере на уровне доктрины, имеет отрицательное значение, так как противоречит идее правового государства. Для восточных же культур с коллективистским вектором развития – юридическая деятельность имманентно содержит в себе правовые и неправовые механизмы регуляции.

Ключевые слова: правовая деятельность, постклассическая методология, контекст, антрополого-правовой подход.

Современная усложненная и расщепленная реальность (Бауман) требует новых подходов к пониманию «старых», устоявшихся в науке терминов и понятий. К числу прочих социальных феноменов, требующих нового «прочтения», относится правовая деятельность. Правовая деятельность, только на первый взгляд, кажется простой. Иллюзорной выглядит идея о том, что о правовой деятельности всё сказано и все написано. Новые импульсы и стимулы, наполняющие нашу жизнь, продолжают становиться все более сложными и разнообразными, и хотим или не хотим, мы всё же вынуждены подвергать сомнению «истории, написанные однажды». Из этого следует, что даже самые устоявшиеся, «выверенные» наукой и практикой на предмет истинности стереотипы, порой играющие роль спускового крючка для исследователей, не срабатывают в нужном направлении. Новое понимание правовой деятельности как раз показывает, что стереотипные модели суждений в ряде случаев выглядят не всегда удобоваримо, с точки зрения запросов социальной практики. Адекватное «прочтение» правовой деятельности с учетом изменяющихся условий существования человека (человечества) ставит перед научным сообществом ряд вопросов, например, о свободной воле индивида. Является ли наличие свободной воли индивида онтологическим основанием правовой деятельности? Правовая деятельность всегда индивидуализирована или она может быть плодом коллективных усилий и выступать в деперсонифицированном варианте? Не менее важным является так же вопрос о соотношении правовой деятельности и юридической деятельности. В каких случаях уместно допускать синонимичность этих понятий, а в каких случаях нет.

Рассмотрим юридическую деятельность с точки зрения устоявшихся в науке подходов – юридического позитивизма и юснатурализма. Так, например, юридический позитивизм, достаточно долго отождествлял правовую деятельность с юридической деятельностью. Магия права, как остроумно отметил И. Л. Честнов, проистекала из форм внешнего выражения нормы права [5, с.34-39]. Поэтому юридическая деятельность понималась как деятель-

ность, включающая профессиональный, трудовой, государственно-властный ресурс по вынесению юридических решений компетентных на то органов. Эта деятельность понималась в контексте её нацеленности на выполнение общественных функций и задач: создание законов, осуществление правосудия, конкретизацию права и т. д. [3, с. 12]. Облачая правовую деятельность в обезличенный «казенный мундир», классический позитивизм фактически отождествлял её с государственной, экономической, политической деятельностью. При таком подходе можно усмотреть разницу лишь в субъектах, поэтому правовая деятельность (юридическая) это – разновидность государственной деятельности в лице государственных органов, а также уполномоченных на то лиц, которым государство делегировало свои полномочия [1. с.84.].

Юснатурализм, будучи тоже классическим типом правопонимания, в отличие от позитивизма гипотетически разводил понятия правовая деятельность и юридическая деятельность, но только в случае несоответствия юридического правовому, то есть в случае противоречия между частными (правовыми) и государственными (могущим быть неправовыми) интересами. В рамках данной статьи не представляется возможным рассмотреть все идеи юснатурализма на предмет понимания правовой и юридической деятельности. Поэтому ограничимся лишь позицией Р. Дворкина. В правовой деятельности он усматривает судебную защиту субъективных прав человека. При таком подходе, судьи как и теоретики права, призваны, по его мнению, так интерпретировать на основании принципов права законодательные и судебные материалы, чтобы обеспечить их наилучшее моральное оправдание [2. с.178]. В таком варианте понимания правовой и юридической деятельности, по сути снимается их дуальность. Эти два вида деятельности диалектически проникают друг в друга правовая в юридическую, а юридическая в правовую, при этом сам Р. Дворкин, концептуально не апеллирует к диалектическому методу, как методу восхождения от абстрактного (правового) к конкретному (юридическому).

Даже при беглом взгляде, представленные подходы к пониманию правовой деятельности выглядят небезупречно, они весьма очевидно «грешат» односторонностью. В них высвечивается лишь один момент (модус по А. В. Полякову) бытия права. Альтернативное видение предлагает постклассическое направление юридической мысли. В рамках постклассического типа правового понимания существует как минимум несколько различных концепций понимания правовой деятельности (концепция коммуникативного действия Юргена Хабермаса, ориентированного на взаимопонимание), концепция структуризации Э. Гидденса и др. Вполне логично можно вписать в постклассику и антрополого-правовой подход. С позиций антрополого-правового подхода правовая деятельность предстает как многомерный феномен, проистекающий из природы человека, при этом «природа человека» с позиций антропологии права, имеет иную интерпретацию, отличную от естественно-правовой трактовки. Природа человека обуславливается культурой. Вполне уместно апеллировать к мнению С. Пинкера, что в своей деятельности «...мы сверяемся с природой человека, когда нам нужно убедить или пригрозить, сказать правду или обмануть. Природа человека советует нам, как жить в браке, как воспитывать детей, как контролировать наше собственное поведение. Представления о том, как человек осваивает знания, влияют на нашу образовательную стратегию, представления о мотивации оказывают влияние на экономическую политику, преступность и законодательную систему» [4, с. 121].

Если рассматривать правовую деятельность с антропологических позиций, то необходимо акцентировать внимание на контекстуальности природы человека (во всех его определенностях существования от индивида, статусной группы до сообщества в целом). Поскольку человек в единичном, особенном и всеобщем аспектах своего существования включает в себя всю культуру творцом и творением, которой он одновременно является. Однако и культура, в свою очередь, формирует сущностные черты (характер) правовой деятельности, наполняя её определенными

смыслами и ценностно нагружая мифологемами и идеологемами, по крайней мере, в части её официального номинирования.

Рассмотрим правовую деятельность контекстуально. В самом общем виде вся история права может быть представлена в рамках двух существующих традиций – западной и незападной. Для западной традиции правовая деятельность конституируется индивидуалистическим принципом свободной воли индивида (субъекта права) и верховенством права; неправовая регуляция, по крайней мере, на уровне доктрины, имеет отрицательную оценку, так как противоречит идее правового государства. Данный политико-правовой опыт укоренился в естественно-правовой доктрине. Позже эти идеи закрепились либерализмом в качестве основополагающих в «Декларации прав и свобод человека и гражданина» и в Конституции США.

Для незападных культур с коллективистским вектором развития – правовая деятельность и юридическая деятельность преимущественно отождествляются. В этом можно усмотреть параллели с юридическим этатизмом (позитивизмом). Однако и здесь не всё так просто как может показаться первоначально. Так, если юридический этатизм просто отождествляет право и законы государства, наделяя их правовым характером, то с точки зрения логики незападной традиции, юридическая деятельность включает в себя правовые и неправовые механизмы. При этом идея свободной воли коллектива активно эксплуатируется государственной, партийной и проч. официальными доктринами. Юридическая деятельность также вполне резонно вписывается в рамки «телефонного», «обычного», «номенклатурного» и проч. права. Доминантой юридической деятельности выступает – целесообразность. Такой вариант понимания юридической деятельности предполагает главенство прерогативы исполнительной власти, партийной, церковной (в широком смысле) либо любой другой суперстатусной группы, имеющей в глазах народа непререкаемый, «священный» авторитет. Такое понимание юридической деятельности делает её в глазах критической массы большинства социально ценной, а колоссальный властный ресурс легитимирует её могущество.

Таким образом, антропологический подход, как мне представляется, является более адекватной стратегией понимания правовой и юридической деятельности применительно к различным модусам бытия права в условиях западной и незападной культур.

С позиций антрополого-правового подхода признание контекстуальности правовой деятельности важный методологический шаг на пути понимания правовой действительности в различных культурных практиках народов, чьи чаяния и идеалы концептуально не совпадают. Снятие идеологических стереотипов и клише, рассмотрение права таким каким оно есть на самом деле, без романтических «рюшек и оборочек» дает возможность нащупать реальное тело права со всеми возможными изъянами и прелестями. Не размывая границ, как это может показаться некоторым, кто видит в праве (только волю государства), или кто уверовал в то, что право – это мерило свободы, антрополого-правовой подход дает основание для понимания того, что право, это реальная нормативная регуляция в социально-значимой сфере. Поэтому правовую деятельность необходимо рассматривать в диалектической связи с юридической деятельностью и неюридической деятельностью в контексте актуальных социально-значимых отношений и потенциальных связей, в которых индивиды, статусные группы и общество в целом (государство) реализуют свои права и исполняют обязанности.

Список источников

1. Беляев В.П., Кузьменко В.И., Холодова Е.И. Понятие и сущность юридической деятельности // Социальные науки, 2018, №4. С. 83 – 85.
2. Дворкин Р. О правах всерьез. Пер. с англ.; Ред. Л. Б. Макеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
3. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989.
4. Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
5. Честнов И.Л. Мифы и магия в правовой постсовременной реальности // История государства и права. 2021. № 8. С. 34-39.

**ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СУБЪЕКТА:
К ВОПРОСУ СМЕНЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ
РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация. На основе анализа специфических характеристик когнитивных технологий в системе «большой четверки» проблематизируется переосмысление частных правовых теорий. Обращено внимание на то, что проектирование поведения человека в рамках КТ является эмпирическим фактом, который оказывает «давление» на интерпретации социолого-правового конструкта «правомерное поведение» индивидуального субъекта – первичного и наиболее реального актора правовой жизни общества, тем более, что правомерное поведение человека (гражданина) актуализируется и в процессе социального проектирования правопорядка в форме правотворчества, и при его объективизации на практике. Наиболее эвристически нагруженной автор считает стратегию междисциплинарного синтеза в границах саморганизованной критичности - она позволяет разрабатывать вопросы правомерного поведения индивидуального субъекта права и правоотношений не по предметному, а по проблемному критерию с привлечением эвристических ресурсов когнитивистики.

Ключевые слов: конвергентные технологии, когнитивные технологии, юридически значимое поведение, правомерное поведение, субъект права, правосознание, субъективная реальность.

1. Когнитивные технологии в «большой четверке», их значение и научные основания. Логика исследования обусловила необходимость вывести на передовые позиции в анализе сюжет, содержательные границы которого устанавливаются двумя взаимосвязанными темами: А) о NBIC - «большая четверка технологий» - она определяет главный тренд в технологических инновациях в перспективе на 50 лет, обуславливает качественную характеристику цивилизационного развития, становится ведущим фактором эволюционной динамики в глобальном масштабе. NBIC объединяет: I) информационно-коммуникационные, II) биотехнологии, III) нанотехнологии; IV) когнитивные. Приращение NBIC – это, с одной стороны, своеобразный ответ на вызовы, связанные с

техногенными, биогенными, социокультурными угрозами современной цивилизации. С другой – показатель основных трендов эволюционной динамики научного знания в рамках самоорганизованной критичности [4]; В) *о когнитивных технологиях (КТ)*. Поскольку КТ – одна из новейших в сравнении с др. группами технологий NBIC, постольку объясняется импульс к изучению их специфики в контексте комплементарности по отношению к другим видам новых природоподобных технологий.

Дискуссии об определении КТ далека от своего завершения, поэтому универсального понятия на сегодняшний день не выработано. В самом общем виде КТ могут быть описаны комплексно и как способы воздействия, и как технологии, и как методы:

❖ способы трансформации человеческого поведения, его свойств и качеств за счет модификации параметров организма (психофизиологических), а также включения человека в гибридные системы и формирование сложных человеко-машинных систем. В этой связи показателен факт: 22 мая 2021 г. Министра обороны РФ проинформировал общественность о начале производства в России боевых роботов – эта информация была размещена на официальном сайте Агентства РИА Новости;

❖ это широкий спектр технологий рационализации и формализации интеллектуальных систем создания и функционирования знаний, экспертизы, коммуникации и принятия решения [1];

❖ совокупность различных методов, алгоритмов и программ, которые моделируют познавательные способности человека и направлены на решение конкретных прикладных задач (распознавания образов, речи, сигналов, изображения и т. д.), а также выявления и идентификации закономерностей в массивах данных, решения задач компьютерного проектирования сложных систем, систем поддержки принятия решений в условиях нечетких входных данных и взаимосвязей и т. д.

КТ в NBIC оцениваются различно: позитивное измерение обусловлено достоинствами, которые состоят в том, что цели, преследуемые при создании когнитивных систем, — это получение новых знаний, принятие решений в сложных ситуациях и интеллектуальная обработка данных и др. Но есть и другая сторона. Поскольку когнитивистика и когнитивные технологии - все, что затрагивает сложные механизмы человеческого поведения в контексте реальных технологических возможностей его программирования, постольку проблематизируется ряд вопросов: 1) о целеполагании такого программирования, например, одной из целей может быть манипулирование поведением человека в интересах властных и провластных структур; 2) о пределах вмешательства в субъективную реальность личности, поскольку программирование позволяет вторгаться в зоны, воздействие на которое в состоянии поставить под вопрос онтологические основания собственно человеческого существования; об инструментах воздействия на структуры сознания в процессе их функционирования (продуцирование процессов мышления, эмоций, волю и др.).

В контексте темы стоит обратить внимание на следующий момент: КТ – результат развития когнитивистики - постдисциплинарного научного направления: под «знаменем» когнитивного, т.е. связанного с мыслительными процессами и познанием с шестидесятых годов XX века стали объединяться психологи, лингвисты, физиологи, математики, программисты и представители др. наук; современная когнитивистика синтезирует достижения в области комплекса научных теорий, таких как (1) теории познания, (2) когнитивной психологии, (3) когнитивной лингвистики, (4) искусственного интеллекта (ИИ).

2. Правомерное поведение индивидуального субъекта: к вопросу о переосмыслении опыта. КТ и обусловившая их когнитивистика в качестве значимого факта способствуют актуализации ресурсов научного знания - частных теорий, а в их системе отдельных научных конструктов, которые позволяют описывать и объяснять явления, непосредственно имеющие отношение к меха-

низмам человеческого поведения, возможностям влияния на него, программирования и др. Для науки – это сюжет не новый, что иллюстрируется примерами:

❖ когнитивные знания, в рамках которых мозг человека рассматривается подобно устройству обработки информации, заложены второй половине XIX столетия У. Джеймсом и Г. Л. Ф. фон Гельмгольцем;

❖ в 1943 г. К. Крэг (последователь Бартлетта) в своей работе «The Nature of Explanation» («Природа объяснения») привел аргументы в пользу научного анализа «мыслительных» процессов, таких, как: убеждение и постановка цели. Крэг обозначил для субъекта три этапа деятельности, основанной на знаниях: 1) действующий стимул необходимо преобразовать во внутреннее представление; 2) с этим представлением с помощью познавательных процессов необходимо выполнить манипуляции для выработки новых внутренних представлений, 3) последние должны быть снова преобразованы в действия [7];

❖ в 1960-е гг. в Кембриджском университете, на факультете прикладной психологии Ф. Бартлеттом были организованы работы в области когнитивных технологий (моделирования).

В юридической доктрине проблемы программирования в правовой сфере решается на основе содержания общетеоретической категории правового регулирования и, в частности, первой стадии этого процесса - нормирования общественных отношений. Сконструированные правотворцом и выраженные в нормах-предписаниях правила поведения «адресуются» субъектам, которые располагают соответствующими витальными (жизненными) ресурсами для трансформации идеального образа права в реальный. Таким субъектами являются люди, поскольку никто кроме них витальными ресурсами материализации права не располагает. Витальные (физические) ресурсы индивидуального субъекта права, его свойство конгениальности [2, с. 219-234], возможности правосознания как основы субъективной реальности(ментальные), пси-

хической энергии -воли позволяют «перевести» содержание нормы из области должного в область сущего. Массовое правомерное поведение – это основной инструмент установления в обществе правопорядка, поэтому на стадии конструирования правопорядка индивидуальный субъект права - тот, кто в состоянии продуцировать акты правомерного поведения - признаются сотворцами правопорядка в обществе.

Детализируем изложенное выше и подчеркнём: в процессе социального проектирования творец идеального правопорядка конструирует стандарты и правила, которые адресованы не столько субъекту как абстракции, сколько и прежде всего, сознанию индивидуального субъекта - доминантной основе субъективной реальности человека (гражданина). Едва ли стоит специально доказывать, что именно правосознание первично по отношению и к отдельным актам правомерного поведения, и к юридически значимому поведению субъекта права в целом. Поэтому и актуализируются эвристические ресурсы такого общеправового конструкта, как «правосознание» [3]. Но не только его. Вместе с ним актуализируются и смежные с ним, те, которые используются преимущественно при описании внутренней стороны актов правомерного поведения: мотивы- личностные побуждения к совершению поведенческого акта, целеполагание, субъективное отношение к акту поведения и его результатов, установки и др.

Принимая во внимание, изложенное выше, отметим: по крайней мере в границах частной теории правомерного поведения индивидуального субъекта права востребованы ресурсы когнитивистики, которая развивается в логике междисциплинарного синтеза - он открывает перспективы для продуктивного диалога между различными сферами научного знания в границах самоорганизованной критичности. Самоорганизованная критичность в интерпретации П. Бака [4] по отдельным параметрам взаимосвязана с идеей междисциплинарности академика В. С. Степина [5, с. 180–19; 6], что предполагает не только определение состава возможных междисциплинарных проблем и средств их решения, совме-

щение предметных образов одной и той же реальности и выработку интегральных представлений, синтезирующих эти образы, но и «перенос» концептуальных средств и методов из одной науки в другую. Это позволяет правомерное поведение индивидуального субъекта права и правоотношений разрабатывать не только по предметному признаку, но и по проблемному критерию, привлекая эвристические ресурсы смежных областей научного знания.

Список источников

1.Десятов И. В., Малинецкий Г.Г., Маненков С.К., Митин Н.А., Отоцкий П.Л., Ткачев В.Н., Ши-шов В.В. Когнитивные центры как информационные системы для стратегического прогнозирования. Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. 2010. № 50.

2.Крупеня Е.М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода // Парадигмы юридической герменевтики: коллективная монография / под общей редакцией Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017.

3.Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020.

4.Пер Бак. Как работает природа. Теория самоорганизованной критичности: пер. с англ. М.: УРСС, Книжный дом «Либроком», 2017.

5.Хабриева Т. Я. Вячеслав Семёнович Стёпин и рациональная картина права. Академик В.С. Стёпин. Тайна долгого пути: Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; сост., отв. ред. А.Н. Данилов; редкол.: А.Н. Данилов и др. Минск: Беларуская навука, 2019.

6.Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. — М.: ИНФРА-М, 2020.

7.Craik K. The Nature of Explanation. Cambridge, 1967.

ПРАВОВОЙ ЧЕЛОВЕК ИЛИ СЛУЖЕБНЫЙ СУБЪЕКТ?

Аннотация. Рассматривается новое понимание человека в связи с развитием науки и техники, четвертой научной революции, изменяющимися социальными отношениями. Отмечается, что в современном мире все больше внимания уделяется манипуляции общественным, в том числе правовым сознанием. На передний план выдвигаются попытки конструирования личности, превращение ее в служебного человека. Открытие конвергентных технологий вызывает озабоченность в научном мире в связи с возможностью еще большего манипулирования человеком. Появление гибридного человека в правовой реальности актуализирует вопрос о самоидентичности индивида. В связи с этим на передний план помимо традиционных правовых ценностей свободы, справедливости и достоинства человека выдвигается принцип правовой ответственности с целью укоренения права в духовном мире индивида.

Ключевые слова: конвергентные технологии, гибридный человек, постмодерн, правовая ответственность, ценности, конструирование личности.

Современные болезни мировой цивилизации касаются не только отношений с природой, неравномерности экономического развития, демографических проблем и военных конфликтов, но и собственно изменений, трансформаций, связанных с природой человека и его личностных качеств. Классическое представление о человеке как *homo sapiens* дополнилось новыми версиями человека: *homo faber* (У. Джеймс, прагматизм), *homo ludens* (Й. Хейзинга), *homo academicus* (П. Бурдьё), *homo degenerativus*, *homo symbolicus* (Э. Кассирер) и др.

Современная техника, небывалый подъем научно-технического прогресса внес в понимание человека такие коррективы, которые связаны с необходимостью осмысления удивительных последствий технического бума XX столетия. Но кризис европейской культуры, способствующий переосмыслению понятия человека, начался не сейчас, а существенно раньше. Уже во вто-

рой половине XIX столетия в связи с утверждением о «Смерти Бога» происходит трансформация традиционных ценностей, составляющих основу классической европейской культуры. Концепция Сверхчеловека Ф. Ницше, широко внедрившаяся в контекст европейской культуры начиная с эпохи модерна, внесла сумятицу в интеллектуальные умы грядущего времени, показала ограниченность и неудовлетворенность прежними ценностными установками на классическую рациональность и мораль. Сверхчеловек с его «волей к власти» не может быть ограничен традиционными обычаями, ценностями и установками. Требуется новый человек, выполняющий определенные функции, управляемый искусственно созданными приемами. И если в западном мире контролируемый человек все же должен быть жить и действовать в поле права, то в России в силу глубоких традиций деспотизма и единоначалия, отсутствия ориентации на права человека, неуважения права и частной жизни субъекта доминировало понимание униженного и оскорбленного индивида с несчастным сознанием (Ф.М. Достоевский).

Формируется человек-массы (Х. Ортега-и-Гассет), который представляет собой продукт массовой культуры, возникшей в том числе благодаря стремительному развитию науки и техники. Как отмечает В.М. Розин, «личность – это человек, действующий самостоятельно, но массовая личность движется по «рельсам», заданным правом и другими культурными нормами...» [4, с. 130]. Это создает удобные условия для манипуляции массовым сознанием и отдельной личностью, которая принимает постепенно возникающие новые культурные нормы безоговорочно и не подвергая критике. Конструирование личности нашло выражение в евгенических опытах, которые нацеливались на создание человека, выполняющего определенные функции, играющего конкретные роли в рамках служения государственным целям.

Но в середине XX в. наметился новый поворот в культуре, который, во-первых, связан с кризисом европоцентризма, во-вторых, с появлением глобальных проблем мировой цивилизации,

в-третьих, с формированием общества потребления, в-четвертых, с возникновением четвертой научной революции, благодаря которой возникла новая картина мира и новые формы коммуникации.

Современный человек живет в состоянии осцилляции (термин, введенный в социально-гуманитарный контекст теоретиками метамодернизма), колеблясь подобно маятнику между миром собственного «Я» и миром своей национальной культуры, между идеей личностной культуры и универсалиями культуры мировой цивилизации. Ускользающее бытие, колебания усиливают ощущение неопределенности и относительности, зыбкости человеческого бытия. Критически мыслящая личность современности все больше попадает в плен мифологизации, виртуализации и релятивизации социального мира.

Индивид погружается в правовой мир, ощущая себя его винтиком, объектом манипуляции, поглощающей индивидуальное начало в условиях постоянно формализуемого права. В ситуации редукции личного к социальному человек пребывает в праве, утрачивая с ним экзистенциальную связь. Т. Бьюз называет состояние современного человека цинизмом: «Циник – типичный персонаж постмодерна, одинаково отчужденный как от общества, так и от собственной субъективности» [2, с 9].

Сегодня в связи с появлением конвергентных технологий как никогда встает вопрос о месте человека в современном мире, о смене системы ценностей и создании определенных типов людей, выполняющих запрограммированные функции, или «квазиобъектов». В.И. Аршинов в связи с этим пишет: «О том, что трансформация происходит в форме ее *практического* осознания сообществом «*наноученых*» достаточно красноречиво свидетельствует утверждение одного из участников первого NBIC-*workshop*: «Если *когнитивный ученый* может помыслить это, *нанолюди* смогут построить это, *биолюди* смогут внедрить (*implement*) это и, наконец, *IT люди* смогут мониторить и контролировать это». Здесь мы находим превосходный пример квазисубъектов, имеющих дело с квазинанообъектами» [1, с. 47–48].

Эти и другие научные проекты актуализируют вопрос о сохранении человека в его определенности (М. Фуко), об адекватной рефлексии научных открытий и утверждении самооценности человека с его автономией и креативностью.

Возникает вопрос, что или кто может прийти в социальный мир вместе с триумфальным шествием человека, с проектами создания постчеловеческих существ, «нечеловеков»? (Б. Латур).

Указанные в связи с развитием конвергентных технологий перспективы, конечно, не единственные. Но рассматривать их с чувством однозначного оптимизма вряд ли придется. Тем более, что мы уже невольно и с просвещенческим пафосом оказались перед лицом глобальных катастроф, решение которых все еще остается в большей степени предметом частых и всесторонних дискуссий. Какие же ценности диктует нам новый виток цивилизационного развития? Как поставить преграду постоянной релятивизации традиционных ценностей? Опасность утраты своей национальной идентичности четко осознается представителями отечественной юридической науки. Неслучайно различные группы ценностей нашли отражение в конституционных поправках к действующей Конституции РФ: «Общероссийская культурная идентичность», которая является следствием «тысячелетнего» многонационального союза и на которую указывает ч. 3 ст. 69 Конституции, – одно из важнейших социокультурных достижений российского общества и государства, впервые закрепленное в новой редакции Конституции» [6, с. 65].

Помимо возможности появления гибридного человека, выполняющего определенные функции в качестве «человека-машины», для современной эпохи постмодерна характерна мозаичность нормативности, энтропия правовой реальности, призывы к абсолютизации свободы, безмерность толерантности и апология насилия. Правовой человек деантропологизируется, превращается в симулякр «нечеловека», в объект манипуляции с жонглированием такими понятиями, как «свобода», «справедливость», «права человека». Это умаляет его гражданскую активность. Он вовлека-

ется в виртуальный политико-правовой мир, следует навязанным целям, ажитируют в зоне конфликтов, не верит в реальность избирательного права.

Спекуляции на внерациональном в человеке, уподобление правового человека стадному субъекту, использование всех возможных, в том числе и технических средств для превращения субъекта в послушного исполнителя чужой воли путем сотворения новых мифов, фальсификаций и фабрикаций данных наряду с примитивной содержательностью способствуют вовлечению масс в имитацию соучастия в избирательной системе, реализации своих прав.

Время стремительно меняется, прогрессистские бега способны роботизировать правового человека, превратив совокупность правовых норм в зафиксированные документы, которые следует заполнить в соответствии с жесткими правилами бюрократии. Атомизация субъекта превращает его не в цель, а средство для реализации чьих-то целей. Человек прежде всего должен сохранить свою природу – физическую и психическую, для него «в иерархии ценностей на первом месте находятся такие ценности, как *достоинство личности, справедливость*. Кроме того, к ним можно отнести *свободу и равенство*» [5, с. 279]. Помимо этих важнейших ценностей правового человека, у которого право становится формой экзистенции, следует особенно выделить правовую ответственность. Г. Йонас в связи с принципом ответственности пишет: «Сберечь целостность его (человека – авт.) сущности, что подразумевает также и целостность окружающей среды; пронести эту вверенную ему ценность в необезображенном виде через все опасности, которым подвергает его время, и по большей части опасности со стороны его собственных чрезмерно величественных деяний – вот не утопическая цель, однако и не такое уж скромное задание ответственности для будущего человека на Земле» [3, с. 408].

Список источников

1. Аршинов В.И. Конвергентные технологии в контексте постнеклассической парадигмы сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2015. № 3. С. 47–48.
2. Бьюз Т. Цинизм и постмодерн; пер. с англ. С.А. Зеленского. М.: ИД «КДУ», 2016.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Перевод с нем., предисловие, примечания И.И. Маханькова. М. : Айрис-пресс, 2004.
4. Розин В.М. Личность и ее изучение. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
5. Современное правопонимание: курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.
6. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: ИНФРА-М, 2020.

Лановая Галина Михайловна

ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРАВОНАЧИМОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: В статье решается вопрос о том, какие изменения в механизме детерминации правозначимого поведения происходят в условиях развития конвергентных технологий, а также формулируются проблемы, которые в этой связи приобретают актуальность для теории юридической ответственности. Вследствие активного внедрения в правоприменение новых технологий, ухудшения когнитивных способностей и навыков средне-статистического человека, изменения условий формирования правового опыта как основы правовой интуиции возникает опасность размывания границы между ответственным поведением, являющимся результатом сознательно-волевого выбора, и решением, которое лишь отчасти зависит от него. В этой связи есть основания полагать, что с дальнейшим развитием конвергентных технологий далеко не все решения, приводящие к наступлению общественно опасных последствий, можно будет считать достаточно осмысленными и самостоятельными для того, чтобы признавать справедли-

вым привлечение к юридической ответственности человека, их принимающего.

Ключевые слова: правозначимое поведение, правозначимое решение, правовой выбор, вина, юридическая ответственность.

Признание правозначимого поведения осознанно-волевым подразумевает, что внутренним (причем именно интеллектуально-волевым, а не психологическим) факторам в механизме его детерминации отводится первостепенно значимая роль. Любому лицу, для того чтобы быть субъектом правоотношений, необходима среди прочего способность самостоятельно и осознанно принимать правозначимые решения. Постулирование того, что правозначимое решение – результат осознанного самостоятельного выбора человека, лежит в основе функционирования системы юридической ответственности, выступающей неотъемлемым элементом механизма правового регулирования общественных отношений. Справедливость как один из базовых принципов юридической ответственности подразумевает, что человек может нести ответственность только за то, что зависело от его интеллектуально-волевых усилий. Казус не влечет за собой наказания. Лицо, которое в момент совершения деяния не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, освобождается от юридической ответственности.

Признание интеллектуально-волевых факторов ведущими в механизме детерминации правозначимого поведения имеет под собой объективные основания. По своей природе право может воздействовать на реальные отношения, лишь проходя через сознание людей, – тогда, когда поведение субъекта является результатом добровольного сознательно делаемого правового выбора в пользу правомерного или неправомерного. Там, где то или иное требование позиционируется как общеобязательное, но при этом не оказывает воздействия на сознание людей, право не действует. При этом заставить человека действовать определенным образом под угрозой наказания в случаях, когда он лишен воз-

возможности сделать ответственный выбор, невозможно: юридическая ответственность может быть эффективной, лишь когда наступает за виновно совершенные деяния.

Вследствие развития современных технологий происходят изменения как в правовой жизни, так и в сознании человека. В этой связи можно прогнозировать, что в условиях быстрого развития конвергентных технологий и их активного внедрения в социальную практику могут произойти важные изменения в механизме детерминации правозначимого поведения человека. Высокая вероятность таких изменений делает актуальным осмысление целого ряда проблем, связанных с оценкой правозначимых решений, а также юридической ответственностью за их принятие и претворение в жизнь в ситуациях, когда их следствием оказывается причинение вреда охраняемым правом интересам.

Во-первых, в условиях взаимовлияния информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки основной акцент делается на совершенствовании инструментов, рассчитанных на то, чтобы существенно облегчить интеллектуальную деятельность человека. Не случайно, пожалуй, самой вожделенной технологией будущего для современного человека оказывается так называемый «сильный» искусственный интеллект.

В этих условиях складываются предпосылки для постепенной замены систем, в которых технологии помогают человеку, на такие сложные саморазвивающиеся системы, «в которые сам человек включен в качестве особого компонента» [1, с. 27]. Очевидно, в случае внедрения таких систем в те сферы деятельности человека, которые связаны с принятием правозначимых решений, последние вряд ли можно будет рассматривать как результат именно интеллектуально-волевой деятельности человека.

Во-вторых, постепенное увеличение значимости технологического фактора в принятии правозначимых решений создает предпосылки для увеличения количества трудноустраняемых правоприменительных ошибок. Даже если статистическая вероятность ошибок не будет расти, более широкое применение новых

технологий приведет к увеличению их количества. Это особенно опасно в силу того, что в условиях высокой динамики современной жизни и быстрого устаревания законов правоприменение может «получить определенный приоритет» по сравнению с правотворчеством [3, с. 58-59].

Уже сейчас имеются примеры, свидетельствующие о том, что влияние технологического фактора на принятие правоприменительных решений может иметь крайне негативные последствия. 2 января 2005 г. Рахина Ибрагим была арестована в аэропорту Сан-Франциско, но затем ей разрешили вылет. Спустя два месяца ей, на тот момент находящейся в Малайзии, сообщили в аэропорту, что ее американская студенческая виза была аннулирована без уведомления и она не сможет вернуться в США. Рахине Ибрагим понадобились 9 лет и 4 миллиона долларов от волонтеров на юридическую поддержку, прежде чем американский окружной судья Уильям Элсап признал, что внесение в «черный список» пассажиров и аннулирование визы стало следствием технической ошибки: возможно, в результате путаницы между Jemaah Islamiyah, террористической группировкой, и Jemaah Islah Malaysia, профессиональной ассоциации жителей Малайзии, которые учатся за рубежом [4, с. 226-227].

В-третьих, нельзя не понимать того, что уже сейчас технологии, призванные облегчить интеллектуальный труд, все чаще играют роль своеобразных «интеллектуальных костылей», и это имеет негативные последствия. «Технологии часто заставляют человека отказаться от использования своих интеллектуальных способностей в полной мере, что может привести к снижению уровня интеллекта среднего человека» [2, с. 137]. Очевидно, чем более сложными становятся технологии и чем больше интеллектуальных операций они выполняют за среднестатистического человека, тем меньше у него остается стимулов развивать интеллект и тем в большей мере снижаются его когнитивные способности и навыки, в том числе – чрезвычайно важные для принятия решений, имеющих правовые последствия.

О том, что такая опасность реальна, свидетельствуют многочисленные примеры ситуаций, в которых водители, следуя указаниям GPS-навигаторов, вели свои машины туда, где дорога отсутствует, грубо нарушая правила дорожного движения и подвергая опасности не только себя, но и пассажиров.

В-четвертых, одним из парадоксов внедрения сложных технологий, призванных облегчить интеллектуальный труд, является то, что в условиях их стабильного эффективного действия с ними может долгое время работать неопытный пользователь – не обладающий знаниями и практическим опытом, необходимыми для эффективного контроля над искусственным интеллектом. Отсутствие фактического контроля над искусственным интеллектом со стороны человека может вскрыться лишь тогда, когда в условиях серьезного технологического сбоя «оператор» продемонстрирует свою неспособность управлять развитием событий. Однако, сложно даже предположить, сколько в реальности ошибок до этого момента проигнорирует правоприменитель.

Автомобилисты все чаще жалуются на ошибочные штрафы, выписанные за нарушение правил дорожного движения на основе данных технических средств фиксации парковки и камер, установленных для контроля за дорожным движением. Возникает вопрос: почему вообще такие жалобы появляются, если «оператор» обязан выявлять ошибки и исправлять их? Вряд ли с уверенностью можно утверждать, что всякий обжалуемый случай неправомерного привлечения к административной ответственности в действительности является первым. Возможно, что в тех же самых обстоятельствах другим автомобилистам показалось проще оплатить штраф, чем пытаться доказать его незаконность.

В-пятых, там, где принятие правозначимых решений выступает результатом правового выбора, в большинстве случаев человек опирается не на строгие логические рассуждения, а на свою правовую интуицию. В условиях развития конвергентных технологий исчезают факторы, благоприятствующие развитию правовой интуиции. Пользуясь «интеллектуальными костылями», чело-

век уже не так, как раньше, нуждается в накоплении правового опыта, без которого механизм правовой интуиции не может функционировать. Кроме того, накопление правового опыта оказывается затруднено в условиях постоянного изменения правовой реальности.

Самостоятельной проблемой становится то, что в условиях развития конвергентных технологий расширяются возможности для манипулирования сознанием. Чем более эффективны такие технологии, тем более острым оказывается вопрос: в какой мере интеллектуально-волевые факторы, влияющие на правовой выбор человека, в реальности играют первостепенно значимую роль? Не превращается ли в действительности такой выбор в промежуточный программируемый акт?

Принимая во внимание изложенное, вполне можно представить себе, что интеллектуальные способности среднестатистического человека в недалеком будущем снизятся настолько, а его правовой опыт окажется столь ничтожным, что принимаемые правозначимые решения, по крайней мере, в некоторых случаях уже нельзя будет считать достаточно осмысленными для того, чтобы это позволяло возложить на человека ответственность за тот выбор, который он сделал, – самостоятельно или доверившись компьютеру.

Сегодня одним из базовых принципов использования искусственного интеллекта является его применение под контролем человека. Но, если машины, принимающие решения, будут «умнее» человека, справедливо ли с точки зрения права будет требовать от людей осуществлять контроль за действиями и решениями машин и нести ответственность за них?

Специфика механизма действия права такова, что он не сможет быть эффективным, если дееспособность и деликтоспособность человека из правовых презумпций превратятся в юридические фикции. Стирание границ между ответственным поведением, являющимся результатом сознательно-волевого выбора, и решением, на принятие которого интеллект и воля человека лишь вли-

яют наряду с другими факторами, может лишить смысла правовое регулирование в его классическом виде – в том виде, в котором значимым элементом его механизма выступает юридическая ответственность.

Список источников

1. Аматова Н.Е. Социальные риски внедрения конвергентных технологий как факторы эволюции научного сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 27-29.
2. Горбачева А.Г. Человеческий интеллект: возможные изменения под влиянием информационных технологий и высокотехнологичных устройств // Идеи и идеалы. 2014. № 1(19). Т. 2. С. 135-142.
3. Пашенцев Д.А. Субъект правоприменения в цифровом обществе // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2021. С. 58-64.
4. Харфорд Т. Хаос. Как беспорядок меняет нашу жизнь к лучшему. М., 2018.

Купцова Ольга Борисовна

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ И ТОПИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена анализу приоритетного в настоящее время совершенствования различных оснований правового поведения в условиях технологического развития. Научная и практическая значимость работы предопределяется тем, что интеграция и унификация различных цифровых технологий предполагает возникновение сфер общественных отношений, в которых поведение субъектов характеризуется как юридически значимое и нуждается в качественном нормативном правовом обосновании. Среди разнообразного инструментария, используемого в данных процессах, следует особо выделить технико-юридические способы и средства, а также топическую организацию нормативного материала, которые и получили освещение в данном произведении. В результате исследования можно сде-

лать вывод о том, что правовое поведение в современных условиях нуждается в технико-юридическом обосновании в русле совершенствования юридической терминологии, а также использовании таких конструкций, как «идея законопроекта» и «концепция законопроекта», существенное значение имеет развитие топической организации нормативной правовой регламентации.

Ключевые слова: правовое поведение, технологическое развитие, юридическая техника, юридическая топика

Современные условия конвергенции технологического развития диктуют пересмотр существующих постулатов, на которых основывается общественное и государственное взаимодействие. В этом отношении правовое поведение в первую очередь испытывает на себе влияние данных трансформационных процессов. Исходя из широкой его трактовки, которая является устоявшейся в современной правовой доктрине, и включает в себя в качестве разновидностей правового поведения: правомерное поведение, противоправное поведение, злоупотребление правом и объективно-противоправное поведение, все эти составляющие нуждаются в переосмыслении в русле развития нового технологического уклада. В частности, в русле цифровизации общественных отношений будут формироваться и получать свое правовое закрепление новые разновидности правомерного поведения в возникающих юридически значимых сферах; также появляются и будут в дальнейшем возникать новые составы правонарушений, которые потребуют качественного технико-юридического и иного обоснования, ряд деяний будут находиться на грани между правомерным и противоправным поведением и будут нуждаться как в правотворческой, так и в правоприменительной конкретизации; кроме того, достаточно сложной задачей будет определение тех сфер, которые будут нуждаться в правовом опосредовании, а в каких-то - достаточно будет иных социальных регуляторов.

Важнейшей основой развития правового поведения служит качественный базис его нормативного правового регулирования. В русле данного развития лежит специфика и изменение важней-

ших сущностных характеристик права в целом. Специфика понимания права в настоящее время такова, что оно позиционируется сегодня как сложный саморазвивающийся феномен, который получает свою детализированную трактовку в русле современной концепции постклассической рациональности. С этой точки зрения нормативные системы должны рассматриваться не как определенное одностороннее воздействие на субъекта, а как результат интеракции (предопределенного взаимодействия) разных субъектов, в ходе которой и появляются разные эклектичные, регулятивные модели.

Сегодня актуален поиск путей партнерства между государством и обществом для повышения уровня вовлеченности общества в принятие государственно-властных решений, возрастание роли социальных институтов в формировании и корректировке существующей нормативной системы (тем не менее, эти процессы осуществляются в установленном властно-принудительным способом в русле баланса публичных и частных интересов). Также следует отметить, что сегодня осуществляется пересмотр привычных нормативных правовых положений и устоявшихся постулатов правового регулирования, возможности для осуществления данных процессов дает активно развивающаяся цифровизация общественных отношений [4, с. 32-33].

Особое значение в качестве важнейших технико-юридических оснований современного правообразования играют совершенствование юридической терминологии и развитие технико-юридических институтов «идея законопроекта» и «концепция законопроекта».

Приоритетной проблемой является своевременное обновление юридической терминологии, что позволит снижать уровень негативной правовой неопределенности, повышать качество юридической квалификации и в целом совершенствовать точность и объективность правовых установлений. В этом отношении важно учитывать два момента: во-первых, определить необходимость дефинирования на правотворческом уровне в аспекте того, имеет-

ся ли необходимость в терминологическом закреплении конкретного определения понятия или анализируемый участок правового регулирования - это все же сфера квалифицированного молчания законодателя, во-вторых, необходимо получить обоснованное представление о том, можно ли определенный термин изначально неюридического характера облекать в правовую материю и называть юридическим термином, будет ли он таковым по своей сущности, содержанию, функциональной характеристике и своей регулятивной природе.

Идея законопроекта представляет собой прием юридической техники, начальный этап правотворчества в частности и правообразования в целом, представляющий собой систему суждений о потребности в этом документе, в правовой регламентации, о целях данного акта и об ожидаемом результате [2, с. 9-10]. Применительно к реалиям действительности есть основания полагать, что формирование идеи законопроекта осуществляется и должно осуществляться в тесном взаимодействии с общественными институтами. Возможно несколько вариантов: идея законопроекта разрабатывается и предлагается государством; идея законопроекта разрабатывается и предлагается обществом; идея законопроекта разрабатывается и предлагается в рамках совместного диалогического взаимодействия государства и общества.

Данная вариативность предопределяется в первую очередь развитием цифровой сферы общественных отношений, которая упрощает осуществление диалога государства и общества, а также создает условия для осуществления вариативности функционирования общественных институтов. Важно отметить, что предложение и разработка идеи законопроекта только органами государственной власти конструктивной будет лишь в сфере императивного правового регулирования. В иных случаях своевременным и уместным видится общественно-государственное взаимодействие в данной сфере.

Концепция законопроекта представляет собой в большей степени исследованный технико-юридический феномен и рассматривается как прием юридической техники, начальный этап

законотворчества, который представляет собой официальное выражение правовых позиций ее составителей в форме системы знаний прогнозного характера, которые являются обоснованием необходимости подготовки и принятия конкретного закона [3, с. 24]. В данном случае необходимо отметить значимость осуществления взаимодействия органов государственной власти и общественных институтов. В этом русле особо следует выделить потенциал применения аутсорсинга и краудсорсинга. В первом случае высвобождаются финансовые и организационные ресурсы органов государственной власти, принимаются более эффективные решения за счет выполнения определенных функций специализированными и обладающими необходимыми навыками структурами. В случае применения краудсорсинга прогрессивное развитие общества и научно-технический прогресс определяют тот факт, что лица, обладающие государственно-властными полномочиями, не всегда могут обладать необходимым уровнем знаний в узкоспециализированной сфере, что не может не повлиять на уровень конструктивности и эффективности принимаемых управленческих решений. Развитие информационных технологий способствует появлению и совершенствованию форм осуществления данной деятельности и возможностям осуществления качественного контроля за ее эффективностью.

Кроме того, также следует отметить, что сегодня необходимо быть готовым к трансформации привычных положений и устоявшихся постулатов и на перспективу прорабатывать варианты оперирования нормами права, которые объединяются в определенные комплексы наднормативного системного характера и использовать в своей работе иное структурирование нормативного материала. Нет сомнений, что сегодня этого еще не произойдет, но развитие данного направления – всего лишь вопрос времени.

Как отмечается в современных исследованиях, в настоящее время право перенастраивается на обслуживание нового технологического уклада жизни общества. Т.Я. Хабриева весьма своевременно отмечает наличие существования и функционирования в

системе права нетипичных нормативных массивов и переходе системы права к новой структурной организации, в том числе формирования в ней «циклических правовых массивов» [5, с. 157]. Есть основания полагать, что в русле указанных правовых трансформаций конструктивными и своевременными будут исследования топики в праве. Топы юридического языка как структурно-смысловые модели языкового характера обладают существенным потенциалом совершенствования юридико-технических составляющих правовой материи. Унификация, глобализация и цифровизация права определяют изменения в содержательных и формальных характеристиках формулируемых положений нормативного характера. В этом плане топическая юриспруденция представляется актуальным направлением развития юридического языка в целом. К топам юридического языка следует относить структурные элементы текста правового акта, которые имеют свою содержательную наполненность и взаимодействуют между собой, определяя дополнительную внутреннюю структуризацию права, но также и интерпретационных и правоприменительных положений [3, с. 270]. Юридическая терминология как структурный элемент топической организации нормативного текста представляет собой важнейший пласт этой структуры регулятивного массива.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что правовое поведение в современных условиях нуждается в технико-юридическом обосновании в русле совершенствования юридической терминологии, а также использовании таких конструкций, как «идея законопроекта» и «концепция законопроекта», существенное значение имеет развитие топической организации нормативной правовой регламентации правового поведения.

Список источников

1. Баранов В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2 (134). С. 9-17.

2. Баранов В.М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 15-29.

3. Купцова О.Б. Проблемы модернизации современной юридической терминологии / Юридическая терминология: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 20-21 мая 2021 года) / Под общ. ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород, Нижегородская академия МВД России. 2021.

4. Пашенцев Д.А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 31 – 39.

5. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М. 2021.

Попова Наталья Николаевна

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье показана взаимосвязь правосознания и правового поведения. Прослеживается, как изменения правосознания в цифровую эпоху влияют на правовое поведение. Подчеркивается необходимость в более эффективном использовании потенциала правового воспитания и просвещения.

Ключевые слова: правосознание; правовое поведение; цифровизация; деформации правосознания

В условиях современного рационального объяснения человеческой деятельности нередко на второй план отходят мотивы, связанные с сознанием человека, а также влияющими на него иррациональными факторами. В то же время, важное место среди детерминант человеческого поведения занимают мысли, чувства, эмоции, традиции, обычаи, мифы и религиозные верования. Определить баланс поведенческих реакций в условиях усложняющего-

ся мира и сложно структурированных общественных отношений возможно через критерий правосознания.

Правовое поведение – важный элемент процесса конструирования правовой реальности, который в значительной мере определяется коллективным и индивидуальным правосознанием. В соответствии с положениями теоретико-правовой науки, правосознание состоит из двух элементов: правовая идеология и правовая психология. Соединяясь, они формируют целостное восприятие окружающей человека правовой действительности. При этом правосознание неразрывно связано с мировоззрением личности, а также с конкретно-историческим этапом развития социума. Ученые подчеркивают социальные детерминанты правосознания. В частности, Г.М. Азнагулова пишет: «Правовое сознание является одним из компонентов в структуре правовой системы общества, который, находясь в диалектической взаимосвязи с иными ее компонентами во взаимодействии с политической идеологией, оказывает существенное влияние на эволюцию самой правовой системы на конкретных исторических этапах развития общества» [1, с. 76].

В современных условиях важным фактором, определяющим трансформации правосознания и, как следствие, правового поведения, выступает цифровизация: «она объективно видоизменяет право и потому требует иного, адекватного данным процессам, понимания права, всей его идейно-ценностной основы, т. е. правосознания» [3, с. 39].

Цифровизация формирует новую, непривычную для человека реальность, которая, в свою очередь, оказывает влияние на личность человека как носителя правосознания. Размеры и силу воздействия цифровизации на психику и интеллект человека еще только предстоит в полной мере оценить, но уже сейчас многое становится очевидным. Цифровые технологии инициируют появление нового типа мышления, которое часто именуют клиповым. Такое мышление связано с поверхностным восприятием информации, с утратой аналитических навыков.

Под влиянием цифровизации изменяется и сама система ценностей, которая присуща членам общества, включая тех, которые наделены правоприменительными полномочиями [4, с. 6]. При этом в социологической теории права давно уже доказано, что на судью, которые выносит решение по конкретному делу, оказывает воздействие целая совокупность факторов, как внешних, так и внутренних, связанных с его убеждениями, ценностными ориентирами, менталитетом.

Совокупность внешних факторов влияет на внутренние убеждения и установки, определяет направленность мыслительных и эмоциональных процессов, приводит к трансформации правосознания. Следствием изменившегося правосознания становится и изменение правового поведения. В случае с субъектами, наделенными правоприменительными полномочиями, это может заметно проявиться в конкретных правоприменительных решениях. В динамике можно увидеть, как изменяется судебная практика, что отражает изменения в правосознании судей.

Таким образом, совершенствование механизма правового регулирования неизбежно предполагает целенаправленную работу по формированию правосознания участников общественных отношений, субъектов правоприменения, преодолению деформаций правосознания: правового нигилизма и правового идеализма. Для этого следует более полно задействовать имеющийся богатый потенциал правового воспитания и просвещения [2, с. 43], в том числе, с использованием современных цифровых технологий.

Список источников

1. Азнагулова Г.М. Вопросы соотношения правовой идеологии и правовой психологии в правовой системе общества // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3. С. 76-78.
2. Корчагина Т.В., Николаев А.И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 42-47.

3. Малахов В.П., Азнагулова Г.М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2. С. 37-44.

4. Пашенцев Д.А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права // Право и образование. 2019. № 7. С. 4-9.

Николаев Андрей Игоревич

РОЛЬ ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: В силу активной роли цифровых технологий современное общество существенно меняет свои параметры, превращаясь в цифровое. Правовое регулирование поведения людей в цифровом обществе имеет определенные особенности, которые проанализированы в статье. Сделан вывод, что в условиях цифровизации роль права в регулировании поведения людей не снижается.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровизация, поведение в обществе, право

В современных условиях важным фактором общественного развития, определяющим его направление и темпы, выступает цифровизация. Она связана с широким использованием цифровых технологий во всех сферах государственной и общественной жизни [1, с. 42]. В сфере права цифровизация влияет как на правотворчество, так и на правоприменение, предоставляя новые инструменты, возможности, но также и неизвестные ранее риски [2, с. 11]. Эти технологии стали привычными почти для каждого человека, что неизбежно сказывается на повседневном поведении людей, в том числе, в рамках регулируемых правом отношений.

Степень и характер влияния цифровизации на социум позволяют говорить о цифровом обществе как новом его типе. Ученые также пишут о постиндустриальном обществе, информационном обществе [4, с. 63-64], но есть основания полагать, что формулировка «цифровое общество» на современном этапе развития в

большей мере соответствует сущности и направлениям происходящих в социуме процессов. Она подчеркивает, что сегодня именно цифровизация в наиболее заметной степени влияет на динамику и характер общественных отношений, прежде всего, тех, которые попадают в сферу правового регулирования.

Под влиянием цифровизации общество меняет не только темпы, но и направленность развития. Часть взаимодействий между людьми переходит из реального мира в виртуальное пространство, которое также приобретает черты реальности. Юридически значимые действия также все чаще совершаются в сети «интернет», что позволяет говорить о «сетевом» правовом поведении, феномен которого пока еще не изучен в достаточной степени.

Сетевое правовое поведение имеет ряд особенностей. В этом отношении стоит прежде всего отметить иллюзию скрытости, неуязвимости перед законом. Но это только иллюзия. По мере развития соответствующих правовых норм регулирование онлайн-отношений усиливается, повышается степень его эффективности. Все чаще мы видим случаи, когда лица, совершающие противоправные действия в сети «интернет», привлекаются к юридической ответственности. При этом пока сохраняется тенденция назначения менее строгих наказаний за экономические преступления, если они совершены в сети, по сравнению с преступлениями в офф-лайн режиме. Эта тенденция представляется временной, она постепенно будет преодолена в судебной практике, с осознанием правоприменителями того факта, что, если кража или мошенничество совершены с использованием цифровых инструментов, они не перестают с точки зрения уголовного законодательства оставаться кражей и мошенничеством.

Вопрос о роли права в цифровом обществе связан, в числе прочего, с расширением сферы правового регулирования. В эту сферу должны попадать все отношения, возникающие в сети «интернет», и по своей природе являющиеся правовыми. В этом плане возникают объективно обусловленные сложности, связанные со спецификой регулируемых отношений. Можно вспомнить

неудачную попытку блокировки мессенджера «телеграмм», а также смарт-контракты, которые по своей природе вообще не требуют правового регулирования [3, с.32]. В то же время, необходимо стремиться к тому, чтобы ни один случай противоправного поведения не остался безнаказанным, вне зависимости от того, совершено правонарушение в привычной реальности или в сети «интернет». В этом случае можно будет говорить о сформированном цифровом правопорядке и укреплении законности.

Список источников

1. Корчагина Т.В., Николаев А.И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 42-47.
2. Николаев А.И. Права человека в условиях информационного общества // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 1. С. 10-14.
3. Пашенцев Д.А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 31-39.
4. Пашенцев Д.А., Чеботарев В.Е., Шкурко Н.М. Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России // Юридический мир. 2015. № 8. С. 62-67.

Раздел 2

ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Беляев Максим Александрович

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА КАК ПРИЧИНА ТРАНСФОРМАЦИИ НОРМАТИВНОСТИ

Аннотация. В работе исследована связь неопределенности социального порядка и индивидуализации правового поведения с точки зрения оснований принятия субъектом решения о выборе того или иного способа действия. Нарастающая множественность нормативных систем, имеющих лишь фрагментарные пересечения между собой, выявляет тенденцию к самоорганизации любого межсубъектного взаимодействия в рамках правового поля, поскольку формальная определенность права остается универсальной и самолегитимирующейся ценностью. Целесообразно говорить о плюрализации правопорядка как конечном результате тех движущих начал и причин, которые обнаруживаются познающим субъектом в современных средах обитания.

Ключевые слова: социальный порядок, правовое регулирование, юридическая эпистемология, неопределенность, релятивизм, логика права, нормативность

Социальную неопределенность можно истолковать двояко: либо речь идет о хаосе (область социальной онтологии), либо о релятивизме (сфера социальной эпистемологии). При этом наличие регулирования препятствует нарастанию хаоса, но одновременно ни одна нормативная система не избавлена от релятивизма (хотя лишь некоторые случаи или формы релятивизации права имеют значение для его познания и применения).

Вопреки адептам синергетического миропонимания [1], следует заметить, что хаос не может служить источником порядка, если вести речь о социальной действительности. Нет ни одной интерпретации феномена порядка, совместимой с хаосом как первопричиной. Если мы понимаем порядок как определенность отно-

шений между элементами системы, то самоорганизация представляет собой лишь усложнение порядка, но не возникновение его *ex nihilo*. Если же считать порядком следование рациональных агентов некоему правилу, т.е. полагать отношения производными от норм, то создатель данных норм тем более мыслит и действует упорядоченно. Даже когда мы говорим о рыночной экономике в ее идеальном исполнении (спонтанная организация, как кажется, означает невозможность персональной идентификации создателя порядка и смысла), мы и в этом случае сохраняем за разумным индивидуумом способность к рефлексии, самооценке, расчету, планированию и всему прочему, что в готовом и развернутом виде уже дано в социальной материи. Поэтому подлинно научный анализ способов социальной организации должен иметь дело лишь с трансформацией одного порядка в другой, т.е. исходить из принципа естественности и общества как субстанции, и всех его атрибутов, а не полагаться на чудо. Из этого следует, что научной в данном ракурсе может являться лишь проблематика релятивизма, которая действительно актуальна в наше время, в особенности в связи с активизацией негосударственных участников публичной сферы и ростом популярности новых форм коммуникации, опережающих возможности официальных регуляторов по контролю и надзору.

Как представляется, для права важной стоит считать только одну неопределенность (специально-юридическую) – ту, при которой одно и то же дело может быть решено разными, но равно законными способами. Будем считать два решения одного и того же спора разными, если данные решения по-разному влияют на правовой статус субъектов, либо выступающих сторонами спора, либо связанных со спором. Можно продемонстрировать, что, если любая неопределенность ведет к специально-юридической неопределенности, на нее право каким-либо образом реагирует, а если какая-либо неопределенность не выступает причиной специально-юридической неопределенности, право не берет ее в расчет. Это по-своему рационально: в этом случае границы правовой си-

стемы не смогут расширяться бесконтрольно, а сама система не приобретет проактивного характера, т.е. сохранит за собой чистую реактивность как принцип расширения. При этом устраняется, как легко заметить, именно следствие, но не причина. Такое решение проблемы имеет и положительные стороны, и отрицательные. Положительные стороны состоят в том, что все способы повышения определенности права достаточно унифицированы, т.е. любой субъект, если он профессионал, способен включиться в данную практику. Отрицательные стороны состоят в том, что внешние причины не исчезают, т.к. для их устранения у права нет внутренних возможностей, а если оно задействует внешние возможности, оно мутирует в политику.

Итак, ликвидация неопределенности в праве – это замещение ситуации множественных решений единственным допустимым. Такое замещение осуществимо, например, посредством особых приемов толкования текста. Но каждая интерпретация создает новую концептуальную рамку, а каждая рамка – новый релятивизм. Поэтому устранение юридической неопределенности релятивизирует правовые суждения, вовлеченные в данный спор, что дает возможность возникновения нового спора.

Идеальное избавление от неопределенности в праве возможно только лишь при введении наряду с нормами в обычном смысле этого слова таких правил, у которых явно отсутствует конституирующее свойство формальной определенности или возможности многократного применения. С другой стороны, индивидуальные нормы, как представляется на первый взгляд, не несут с собой никакой «материи нормативности» или «регуляторного заряда». На таком основании невозможно создать ни единого документа с признаками нормативного акта, равно как и вынести судебное решение. Однако, в какой-то момент настройки нормативной системы на объективную картину мира без индивидуальных или, что аналогично, неформальных норм не обойтись.

В философии не раз обсуждался тезис о том, что становление субъекта права неотделимо от его вовлеченности в соответствующую

щие практики и дискурс [2]. Но символическое начало не исчерпывается субъектностью, равно как и последняя не поглощает символизм реальности без остатка. Помимо социализирующего коммуникативные действия имеют также культуuroобразующий эффект, так что нормы или принципы, нуждающиеся в оправдании или легитимации, всегда оказываются в ситуации множественности, столкновения культур (центра и периферии, традиционной и обновленной, автохтонной и заимствованной и пр.). Взаимодействие символических систем, кодирующих культуру того или иного сообщества, делает актуальным проблемы выражения значения и трансляции, т.е. перевода. Как только мы планируем распространить регулирование на новую социальную среду, мы должны быть готовы к переводческим трансформациям и сопутствующим этому мучениям, равно как и невыразимости. Полноценный символизм правового общения предполагает именно коллективность, сформированную как условие своей собственной противоположности, т.е. индивидуальности. Между «социальными атомами» правовое общение невозможно, невозможен и перевод с одного нормативного языка на другой.

Приметой нынешнего времени становится формирование новых квазисубъектов права, главенствующую роль среди которых играют алгоритмы искусственного интеллекта. А если представить себе, что данные алгоритмы помещаются еще и в некую среду, своего рода экосистему, называемую метавселенной³, то становится понятной проектная сложность, которая ожидает представителей заинтересованных сторон или экспертов-исполнителей того или иного государственного заказа в данной области. Здесь, как замечает проф. Д.А. Пашенцев, сфера правоприменения получает приоритет по сравнению с правотворчеством [3, с. 154]. Это

³ Различие между метавселенной и экосистемой является существенным только для определенного класса задач, не имеющих прямой связи с вопросами регулирования и саморегулирования, где как раз целесообразно опираться на сходство указанных явлений.

абсолютно верно, поскольку степень неопределенности не позволяет просто экстраполировать готовые законодательные решения. Их нужно поистине изобретать и экспериментально настраивать.

Мы полагаем, что, если новая коллективность, опосредованная цифровыми интерфейсами, будет отличаться от привычных свойств социальных общностей, выработка правовых регуляторов не будет успешной, и никакого становления полноценной индивидуальности в цифровой среде также не следует ожидать. Если же по мере развития виртуальных отношений, их результирующее качество будет таковым, что социализирующее воздействие будет преобладать над дезинтеграцией (не в моменте, а в тенденции), есть шанс имплементировать традиционные юридические инструменты в новую среду. Вероятнее всего, неопределенность, порождаемая виртуальными коммуникациями, будет регулироваться как формальными, так и неформальными способами, баланс которых возникнет не благодаря заранее заданной теоретической модели, а в виде некоего консенсуса заинтересованных сил. Из правовой философии нам известно, что разному содержанию по мере развития нормативной системы сопоставляется одна и та же форма, так что формальные и неформальные регуляторы начинают переходить друг в друга, что косвенно подтверждает именно легитимность этих регуляторов. Поскольку нормы права конструируются как сложные суждения условного вида, каждое такое новое суждение словно бы порождает множество возможных миров, в котором по крайней мере всегда присутствуют два элемента. В одном возможном мире эта норма применяется, поскольку наступают обстоятельства, указанные в её диспозиции, в другом же возможном мире норма, соответственно, не выполняется. Тогда и иные нормативные суждения могут быть чисто гипотетически доведены до уровня импликаций и порождать возможные миры. Это в какой-то степени упрощает ситуацию, позволяя состыковывать между собой формальные и неформальные институты и процедуры. Безусловно, в этом двустороннем взаимодействии более

устойчивой к изменениям оказывается именно правовая система, она вбирает в себя нормы иной природы, вследствие чего правопорядок в целом кажется более плотным и обоснованным.

В заключение отметим следующее. Чтобы процедуры легитимации новых социальных регуляторов были успешными, нормативность должна подвергнуться неоднократной плюрализации. В рамках единственного правопорядка устраивать обсуждения принятых для виртуальной среды решений, исследуя их на предмет обоснованности, лишено практического смысла. Ссылка на неформальную практику является все еще довольно слабым аргументом, а указание на нормативные факты, напротив, довольно сильным, но ни то, ни другое не востребовано. Иная картина открывается при столкновении формальных регулирующих систем, т.е. разных правопорядков. В этом случае участники обсуждения могут оставаться на позициях конструктивизма и приходиться к единому решению – не потому, что нормативная система делима на части вплоть до атомарных, а в силу того, что не требуется аргументов, высказывая которые, субъект вынужден занять некую исключительную (и потому исключаящую дальнейший диалог) позицию с точки зрения метафизики или эпистемологии. Более того, когда осуществляется выбор между функционально сходными формальными элементами из разных правопорядков, обоснование окончательного выбора нивелирует саму дилемму реализма и конструктивизма, поскольку в этой ситуации нет претензии на замещение неформальных практик четко установленными процедурами.

Список источников

1. Вележев С.И. Юридическая синергетика как методологическая основа познания правовых явлений // Вопросы экономики и права. 2012. № 44. С. 261-266.

2. Глебова В. К. Преодоление кризиса социализации правовых норм с позиции теории Юргена Хабермаса // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 217-220.

3. Пашенцев Д. А. Влияние цифровизации на субъект правоприменения // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского / Под общ. ред. В. В. Строева, Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. М., 2021. С. 154-157.

Бабаева Юлия Григорьевна

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Аннотация: Публичная власть играет важную роль в создании рамок правового поведения, а также в пресечении поведения противоправного. В статье раскрыты основные аспекты, связанные с воздействием публичной власти на правовое поведение. Сделан вывод о приоритетном значении принципа законности для деятельности органов публичной власти.

Ключевые слова: правовое поведение; публичная власть; государство; разделение властей; законность

Правовое поведение осуществляется в условиях конкретного государства, которое принимает нормативные правовые акты и с помощью существующих властных институтов устанавливает рамки проявления активности своих граждан в правовом пространстве. В связи с этим, особенности организации и реализации публичной власти неизбежно сказываются на правовом поведении, занимая важное место среди его детерминант. В то же время, влияние публичной власти на модели правового поведения проявляется не изолированно, а в тесной взаимосвязи с экономической и социальной ситуацией в государстве.

Само понятие публичной власти является достаточно новым для российского законодательства, при этом его легальное определение отсутствует.

Конституционные поправки 2020 г. ввели в текст Основного закона понятие публичной власти, установив, что органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Все элементы системы публичной власти осуществляют свои функции во взаимодействии, которому способствуют координирующие полномочия главы государства. Составляя единую систему, органы публичной власти, вместе с тем, делятся на три ветви в соответствии с принципом разделения властей. Кроме того, можно говорить о разделении публичной власти по уровням, включая уровень местного самоуправления [1, с. 19].

Влияние публичной власти на правовое поведение проявляется в следующих аспектах:

- принятие нормативных правовых актов, определяющих границы правового поведения;
- осуществление мер по правовому просвещению населения и правовому воспитанию [2, с. 42];
- осуществление контроля и пресечение противоправного поведения участников общественных отношений.

Названные аспекты, в целом, укладываются в рамки такого понятия, как конструирование правовой реальности, которое развивается представителями постклассического направления в юридической науке. В соответствии с юридическим конструктивизмом, правовая реальность конструируется, при этом первоначальным моментом такого конструирования выступает акт первичного произвола, который затем забывается в результате социальной амнезии [3, с. 9]. Решающую роль в данном процессе играет публичная власть, имеющая необходимые ресурсы для конструирования правовой реальности. Каждая из ветвей власти имеет особенности, которые проявляются в разных аспектах регулирования правового поведения. Законодательная власть устанавливает правила поведения людей в обществе; исполнительная власть через

систему правоохранительных органов контролирует соблюдение запрещающих норм права, принимает меры юридической ответственности в случае правонарушений.

Особенно важную роль в применении правовых норм к правонарушителям играет судебная власть. Прежде всего, это относится к таким отклонениям в правовом поведении, которые связаны с совершением преступлений, предусмотренных уголовным законодательством.

Преступления выступают наиболее серьезными нарушениями норм права, регулирующих поведение участников общественных отношений. Публичная власть в силу своей природы заинтересована в пресечении противоправного поведения, в снижении уровня преступности. Поэтому важным направлением политики государства, реализуемым органами публичной власти, выступает борьба с преступностью, имеющая комплексный характер.

В целом, позитивное воздействие органов публичной власти на правовое поведение возможно при соблюдении следующих принципов: законность, планомерность, систематичность, целесообразность, демократизм, гуманизм. Среди них приоритетное значение имеет именно принцип законности, играющий основополагающую роль в деятельности органов публичной власти и моделировании правового поведения.

Список источников

1. Бабаева Ю. Г. Управление и самоуправление на местном уровне в фокусе координации деятельности органов в системе публичной власти // Социально-гуманитарное обозрение. 2021. № 2.

2. Корчагина Т.В., Николаев А.И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4.

3. Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8.

Давыдова Марина Леонидовна

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ РЕГУЛИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ УМНОГО ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА**

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

Аннотация: Развитие современных научных исследований требует опоры на классические и новейшие разработки отечественных и зарубежных ученых. Используемые ими понятия могут при этом существенно отличаться друг от друга либо иметь аналогичное содержание при разных традициях словоупотребления. Поиск терминологических соответствий позволяет более продуктивно анализировать зарубежные источники, оценивая степень новизны используемых в них понятий. В статье проводится соотношение нового для отечественной юриспруденции понятия «умное регулирование» с традиционными терминами «регулирование», «управление», «правовое регулирование», «правовое воздействие». Делается вывод о том, что правовое регулирование в рассматриваемом понятии не подменяется управленческим воздействием. Идея умного регулирования не в том, чтобы регулировать каждую ситуацию в отдельности, а в том, чтобы усилить целеполагание в процессе создания правовых норм, разработать методики, позволяющие максимально учесть все значимые факторы, способные повлиять на эффективность будущей нормы.

Ключевые слова: регулирование, управление, правовое регулирование, правовое воздействие, умное регулирование

Умное регулирование подразумевает такое выстраивание регуляторной политики, которое позволяет достичь максимального эффекта минимальными средствами, включая как традиционные средства правового регулирования, так и нерегулятивные средства правового воздействия. Данная концепция, распространенная в зарубежной юридической науке [8] и правотворческой практике [10], включает в себя ряд требований по организации регуляторного воздействия, позволяющих существенно повысить эффективность последнего [1]. Ключевыми из них являются: (а) исполь-

зование комплекса разнообразных средств, включая такие, которые традиционно не считаются собственно правовыми, и (б) концентрация внимания не на процессе регулирования, а на его результате, который должен быть достигнут наименее обременительным для всех участников способом. Первое позволяет заключить, что, пользуясь классической для отечественной теории права терминологией, под «умным *регулированием*» фактически мы подразумеваем «умное правовое *воздействие*», включающее, как регулятивные, так и нерегулятивные – информационные, психологические и пр. инструменты.

Второе из перечисленных требований говорит о необходимости более четкого целеполагания в процессе осуществления регулирования. Такое смещение акцента на цель воздействия, как представляется, ставит вопрос о соотношении рассматриваемой концепции «умное регулирование» с близкими, но не тождественными понятиями «регулирование» и «управление».

Управление и регулирование представляют собой определенные виды социальной деятельности. Как и любые социальные процессы, они предполагают взаимодействия людей друг с другом, изменяющие отношения между людьми или отношения между составными элементами общности. В обоих рассматриваемых случаях такое взаимодействие носит преимущественно односторонний характер, подразумевая целенаправленное воздействие на объект регулирования/управления. Речь, безусловно, идет о терминах одного синонимического ряда. В словаре русских синонимов аналогами термина «управление» названы: руководство, регулирование, господство; начальствование, контроль, координация, администрирование [5]. В числе английских синонимов словарь предлагает варианты «management, control, governance, oversight, regulation, running, stewardship, supervision» [9]. Тем не менее, акценты в данных понятиях расставлены по-разному.

Под регулированием в русском языке понимается приведение в надлежащий порядок, упорядочивание [6, 3, 4]. В англий-

ском «регулировать» тоже значит «привнести порядок, метод или единообразие во что-либо» [9].

Управление представляет собой деятельность субъекта по изменению объекта для некоторой цели; совокупность целенаправленных действий одних людей (управляющих), которые организуют деятельность других людей (управляемых) для достижения назначенных первыми целей [7]. В английском менеджмент – это мобилизация и использование физических и человеческих ресурсов для достижения организационных целей либо координация и администрирование задач для достижения цели [9].

Если в понятии «регулирование» на первый план выходит «порядок», то для управления определяющим элементом является «цель». На данное различие указывает и этимология рассматриваемых терминов. Русское по происхождению слово «управление» происходит от древнерусского «правити» - править, направлять. Заимствованное из английского слово «менеджмент» - от латинского «manus» - рука (сравн. «руководить»). Оба варианта подразумевают под собой властное, направляющее начало. В отличие от них термин «регулирование» связан с другими коннотациями и происходит от латинского «regula» - правило.

Таким образом, если для управления важно достижение цели, возможное посредством множества разных средств, то для регулирования определяющим является именно средство достижения цели – установление правил или порядка. По природе своей, поэтому, «управление» тяготеет к государству (сравн.: «государственное управление»), а регулирование – к праву («правовое регулирование»).

Суть права состоит не в решении конкретных оперативных задач, а в установлении общего порядка, задающего определенные параметры развития общества, обеспечивающего тем самым баланс в существовании социальной системы. Нормативность права, его способность выступать равной мерой для различных жизненных ситуаций отражает основной смысл правового регулирования

в его отличии от управленческой деятельности органов государства.

Предложенный вариант соотношения этих понятий не является единственно возможным. В широком смысле вся деятельность государства рассматривается как управление обществом. И тогда правовое регулирование выступает лишь одним из средств этого глобального государственного управления. С другой стороны, управленческая деятельность государственных органов всегда осуществляется в соответствии с установленными правилами, процедурами и нормами. Правовое регулирование в этом контексте должно рассматриваться как основа и обязательное условие качественного государственного управления. Не вдаваясь, однако, в такие детали, ограничимся приведенными выше наиболее общими понятийными отличиями между регулированием и управлением.

Итак, управление представляет собой воздействие субъекта на объект с целью обеспечения требуемого поведения. Обязательным признаком управления является заранее заданная цель, на достижение которой направлены все управленческие действия. Управление может, таким образом, носить индивидуальный, ситуативный характер. Для процесса регулирования цель также важна, но она имеет более общий характер: внести порядок, поддержать равновесие в регулируемой сфере, задать условия, при которых система сможет существовать без непосредственного вмешательства. Ценность права как нормативного регулятора, его способность противостоять произволу как раз заключается в установлении абстрактных правил, не допускающих исключений ради достижения конкретных (управленческих) целей. И в этом смысле управление и регулирование – понятия, противоположные друг другу.

Суть правового регулирования заключается в установлении общего порядка, установлении рамок, внутри которых должны происходить социальные процессы. Процесс регулирования нельзя сужать только до нормотворчества (хотя в отечественной тео-

ретики-правовой литературе есть и такие подходы [2]), однако и правоприменительная, и правореализационная деятельности (индивидуальное правовое регулирование) заданы правовыми нормами, выступают как их логическое продолжение.

Возвращаясь к понятию умного регулирования, стоит признать, что включение в него положения о максимально эффективном достижении целей таит в себе опасность смешения регулирования с управлением, отказа от нормативности права в пользу решения конкретных задач. Может сложиться впечатление, что «умный» эффект достигается за счет подмены общих правил точечным ситуативным воздействием.

Такая интерпретация умного регулирования была бы в корне ошибочной, противоречащей природе права. Ценность идеи умного регулирования, как представляется, не в том, чтобы регулировать каждую ситуацию в отдельности (подменить регулирование управлением), а в том, чтобы усилить целеполагание в процессе создания правовых норм, разработать методики, позволяющие максимально учесть все значимые факторы, способные повлиять на эффективность будущей нормы и, в этом смысле, сделать регулирование более гибким, более чутким к социальной среде.

Список источников

1. Давыдова М.Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 14-29. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>
2. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018.
3. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865. Цитируется по сайту Академик https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/31188/
4. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 1907. Цитируется по сайту Академик https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/31188/

5. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/185840
6. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. Цитируется по сайту Академик https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/31188/
7. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. — М.: Дело. Л. И. Лопатников. 2003. https://economic_mathematics.academic.ru/4652
8. Gunningham N., Sinclair D. Smart regulation. In Drahos P, editor, Regulatory Theory: Foundations and applications. Canberra, Australia: The Australian National University. 2017. P.p. 133-148 <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>
9. Merriam-Webster Logo, <https://www.merriam-webster.com/dictionary>
10. Smart regulation. (n.d.). Eurofound. Retrieved May 26, 2021, from <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/smart-regulation>

Долинская Владимира Владимировна

ПРИЧИНЫ НЕПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Аннотация: Недостаточный уровень юридической техники, противоречивая правоприменительная, в том числе судебная практика, большое количество правонарушений обуславливают актуальность исследований неправомерного поведения и его причин. Целью работы поставлена систематизация причин неправомерного поведения для нужд законодательства и правоприменительной практики. В статье на основе анализа нормативных правовых актов различного уровня и отраслей, актов высших судебных органов, правоприменительной практики предложена классификация причин неправомерного поведения на таковые объективного и субъективного характера. Первые связаны с дефектами права, например, оценочными категориями и отсылочными нормами. Следовательно, они требуют повышения юридической техники. Вторые обусловлены недобросовестным поведением участников отношений. В связи с этим необходимо совершенствование

норм о добросовестности и последствиях недобросовестного поведения, ужесточения санкций.

Ключевые слова: злоупотребление правом; недобросовестность; неправомерное поведение; отсылочные нормы; оценочные категории

С момента возникновения государства и права предпринимаются попытки дать определение последнего [См., например: 6]. Это имеет как доктринальное, так и практическое значение, например, при разграничении источников права и источников законодательства, квалификации поведения как правомерного или неправомерного, законного или противозаконного и выбора адекватной формы реагирования на него общества и государства, включая привлечение лица к ответственности. Среди различных проблем выделим причины неправомерного поведения. На взгляд автора, их можно условно разделить на две группы: причины объективного и субъективного характера, - требующие разной реакции.

В качестве примера неправомерного поведения по причинам субъективного характера приведем применение норм о прекращении или ограничении горячего и холодного водоснабжения, водоотведения (п.8 ч.3 ст.21 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. №416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении», Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. №354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (далее - Правила №354) и др.). Мы не касаемся здесь проблем противоречия между этими актами, с одной стороны, и ст.7 Конституции РФ, ст.ст.213, 290 ГК, ст.36 ЖК, Федеральным законом от 30 марта 1999 г. №52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Правилами №354, Постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. №491, и т.д., с другой стороны [См. подробнее: 4]. Но помимо прямых нарушений актов, на которые опираются организации, осуществляющие сборы за ЖКУ (порядок предварительного уведомления заинтересованных лиц, порядок расчета задол-

женности по конкретной услуге в общей сумме и др.), в контексте нашего исследования интерес представляют соотношение таких действий с понятиями «право», «правомерность». Кредитору предоставлен широкий спектр способов защиты своих прав (ст.12 ГК), из которых самозащита обычно применяется в вещных, а не обязательственных правоотношениях. Ст.308.3 ГК отдает приоритет судебной защите прав кредитора по обязательству. При установлении т.н. заглушек кредитор не исполняет свои обязанности по установлению причин образования задолженности, ведению переговоров, подчас – направлению уведомлений в предусмотренной законодательством форме. Это довольно ресурсозатратный способ защиты – подчас действия по прекращению / ограничению водоотведения несопоставимы с суммой задолженности, на практике не предоставляется калькуляция стоимости установки и демонтажа специального оборудования, её обоснование. Вопреки п.3 ст.308 ГК (обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон), в частный конфликт должника и кредитора по обязательствам в сфере ЖКХ вовлекаются и другие проживающие в многоквартирном доме лица, нарушаются их права. Создается угроза санитарно-эпидемиологическому благополучию населения. Уклонение от обращения в суд ведет к уменьшению доходов бюджета за счет сокращения государственной пошлины.

Всё это ставит под сомнение соблюдение кредитором принципа добросовестности (п.3 ст.1, п.п.1 и 5 ст.10 ГК) [См.: 1; 3; 5] и склоняет к признанию его поведения неправомерным, но – подчеркиваем – на основании его выбора, его свободного волеизъявления. Но формулировки норм о добросовестности и последствиях недобросовестного поведения требуют совершенствования и ужесточения санкций.

Другую ситуацию мы наблюдаем в случае объективных – для участника отношений – причин неправомерного поведения. В первую очередь это связано с использованием в законодательстве оценочных категорий и отсылочных норм.

Например, в гражданском законодательстве получило широкое распространение оценочное понятие «незамедлительно» (п.3 ст.495, п.3 ст.498, п.1 ст.503, п.2 ст.513, п.1 ст.514, п.1 ст.530, п.2 ст.732, ст.773, п.3 ст.869, п.1 ст.893, ст. 895, п.2 ст.910, п.1 ст.959 ГК и др.). Его раскрытие в судебной практике оставляет желать лучшего, например, в Постановлении ФАС Поволжского округа от 14 апреля 2008 г. по делу №А55-6599/07: «Понятие незамедлительно означает, как только это окажется возможным». А несоблюдение требования «незамедлительного» исполнения ряда обязанностей влечет за собой вполне конкретные санкции вплоть до возмещения убытков. П.1 ст.449 ГК «радует» нас словосочетанием «иные существенные нарушения» порядка проведения торгов, которые могут повлечь за собой оспоримость этих торгов.

Еще хуже обстоит дело с оценочными категориями в уголовном, уголовно-исполнительном законодательстве (например, ст.ст.26, 57, 178.1 УИК), которые препятствуют единообразному правоприменению, а в ряде случаев, как справедливо отмечает А.Г. Антонян, создает *«коррупционные риски, которые всегда сопряжены со свободой усмотрения правоприменителя»* [2, с.4].

В праве корпораций (корпоративном праве) и законодательстве о конкретных организационно-правовых формах мы встречаем сочетание оценочных категорий с отсылочными нормами. Например, согласно п.1 ст.71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. №208-ФЗ «Об акционерных обществах», члены органов управления акционерного общества *«при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей должны действовать в интересах общества, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении общества добросовестно и разумно»*. Аналогичная норма содержится в п.1 ст.44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Попытка раскрытия понятий «недобросовестность» и «неразумность² действий предпринята в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. №62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в

состав органов юридического лица», которое подвергнуто критике в литературе. Однако, за нарушение этих неопределенных требований субъекты несут конкретную ответственность – от возмещения убытков до уголовной, правда, санкции, к сожалению, «разбросаны» по многочисленным законам разной отраслевой принадлежности.

Напомним слова И.А. Покровского: «Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком «праве» не может быть речи» [7, с.91] и согласимся с квалификацией Конституционным Судом РФ подобных ситуаций как неопределенности в праве и дефекта права.

Список источников

1. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР: Отделение экономики и права. 1946. №6. С. 424-436.
2. Антонян А. Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве: дис. ... к.ю.н. Томск, 2016.
3. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. - М., 1972.
4. Долинская В.В., Долинская Л.М. Прекращение/ограничение водотведения («заглушки») и защита прав граждан в жилищных отношениях // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 35-43.
5. Кадурич А.Ю. Злоупотребление гражданским правом: дисс. ... к.ю.н. Минск, 2017.
6. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008.
7. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020.

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОТИВОПРАВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Аннотация: В статье рассмотрено как общественные, финансовые и экономические преобразования изменили методы и рекомендации по противодействию противоправному поведению. На примере противодействия преступлениям, совершенным с использованием криптовалют, показана необходимость учета наряду с изменениями, происходящими в финансовой сфере, конкретных действий по совершению преступлений и возможных рисков.

Ключевые слова: противодействие, противоправное поведение, криминалистическая характеристика, преступления, криптовалюта

Одним из ключевых понятий права является понятие противоправного поведения. Об этом много писали такие видные ученые, как: Н. А. Беляев, П. К. Блажко, М. С. Богданов, В. М. Ведяхин, А. Ф. Галузин, Ю.А. Денисов, С. Н. Кожевников, В. Н. Кудрявцев, Н. С. Малеин, И. С. Самощенко, И. В. Сенина и др. Вопросы противоправного поведения были предметом исследования как теории права, так и разных отраслевых наук: уголовного, административного, гражданского право и т.д. [3, с. 6].

Однако следует иметь в виду, что проблемы понимания противоправности того или иного поведения во многом обусловлены политическими, экономическими, финансовыми и иными отношениями, складывающимися в обществе в тот или иной период его развития [4, с. 3]. Следовательно, в периоды фундаментальных общественных преобразование особенно значимым становится переосмысление ключевых правовых понятий не только с точки зрения теории права, но и практической составляющей.

В юридической литературе существуют разные подходы к пониманию роли противоправного поведения в процессе развития общества. Иногда такие подходы диаметрально противоположны. Так, С.С. Алексеева считает, что противоправное поведение затрудняет и дезорганизует развитие общественных отношений

[7, с. 161]. В то же время Маркова Н. А. в своей диссертации предполагает, что именно непропорциональность в поведении является «показателем динамики общественных отношений» [4, с. 8]. Традиционно же под противоправным понимается поведение, отклоняющееся от установленного в данное время определенными законами, которое угрожает социальному порядку и благополучию людей, и наказывается уголовно в своих крайних проявлениях [5, с. 93]. Думается, что в настоящее время акцент в исследованиях противоправного поведения необходимо делать на практической составляющей данного феномена, что позволит в дальнейшем перейти к вопросам наиболее эффективного противодействия противоправным проявлениям в обществе.

Наиболее опасным видом противоправного поведения является преступление. На протяжении последних десятилетий понимание преступного поведения в России претерпело значительные изменения. Некоторые деяния, такие, как спекуляция, перестали рассматриваться в качестве противоправных. В то же время ряд деяний криминализированы законодателем, например, рассматриваются в качестве противоправных совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества) и др.

С практической точки зрения хотелось бы отметить необходимость четкого разграничения понятия противоправного поведения, установленного на законодательном уровне в качестве преступления и выраженного в составе соответствующей нормы УК, и фактических действий, подпадающих под состав преступления, спектр которых значительно шире. В понимании данного вопроса, на наш взгляд, может помочь криминалистика, разрабатываемые этой наукой понятия и рекомендации, методики расследования преступлений, в частности, криминалистическая характеристика преступлений. Данная криминалистическая категория включает в свою структуру описание непосредственного предмета преступного посягательства, личностных качеств (объективных и субъективных) заподозренных лиц и потерпевших, закономерности фор-

мирования способов преступлений и обстановки, в которой совершается противоправное деяние, а также мотивацию деятельности преступника. Исходя из значения криминалистической характеристики преступления как абстрактной модели преступления, можно констатировать, что она позволяет не только определиться с обстоятельствами, подлежащими доказыванию при расследовании и предотвращении преступлений, но и выявить закономерности преступного поведения и обозначить области общественной жизни, «требующие приоритетного внимания в целях ограничения возможностей для возникновения и реализации противоправного умысла» [2, с. 627]. Так, особо стоит обратить внимание на области жизнедеятельности общества, наиболее часто используемые для преступных целей. В качестве примера можно привести некогда широко распространенные оффшоры и свободные экономические зоны, льготный налоговый режим которых стал широко использоваться в криминальных целях. В настоящее время в связи с преобразованиями на финансовых рынках и развитием блокчейн технологий можно прогнозировать привлекательность указанной сферы для криминала ввиду сложности идентификации эмитентов в силу их анонимности, а также возможности перевода больших финансовых потоков [1, с. 254].

Понятие феномена противоправного поведения, в целом, и преступного поведения, в частности, тесно связано с понятием противодействия. При этом способы и средства противодействия противоправному поведению должны предполагать разработку подходов и рекомендаций, учитывающих вызовы сегодняшнего времени, развитие новых технологий во всех областях жизнедеятельности общества, а также закономерное изменение качественных характеристик личности преступников. В литературе неоднократно отмечалась необходимость устранения или хотя бы минимизации криминогенных факторов, способствующих противоправному поведению, наряду с формированием антикриминогенных условий, обуславливающих невозможность реализации преступного умысла. Так, среди мер противодействия использованию криптовалюты в преступных целях можно назвать формирование

международной базы данных о лицах, занимающихся незаконным оборотом денежных средств с применением цифровых финансовых технологий [6 с. 15]; законодательное регулирование рынка криптовалют; контролирование сервисов для конвертации криптовалюты и так называемых «программ-смесителей» [1, с. 255]. Как видно из перечисленных мер противодействия, они позволяют учитывать наряду с изменениями, происходящими в финансовой сфере, конкретные действия по совершению преступлений и возможные риски.

Список источников

1. Абаканова В.А. Основные тенденции противодействия легализации преступных доходов с использованием криптовалют // Новеллы права, экономики и управления 2020. Сборник научных трудов по материалам VI международной научно-практической конференции. 2021. С. 253-256.
2. Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы/ Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 627–637.
3. Ковалева Е. Л. Правомерное и противоправное поведение (Их соотношение) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : М., 2002.
4. Маркова Н. А. Противоправное поведение в динамике общественного развития: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. Владимир, 2011.
5. Мирошниченко М.О., Тарасенко Г.В. Противоправное поведение// Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 30. С. 92-99.
6. Суходолов А.П., Иванцов С.В., Борисов С.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 13–21.
7. Чернышева Д.В., Лебедев В.С. Противоправное поведение: понятия, причины, профилактика// Социально-педагогическая деятельность в социуме: теория, практика, перспективы. Сборник научных трудов VI Международных социально-педагогических чтений им. Б.И. Лившица: в 2-х частях. Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 160-166.

**АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА**

Аннотация: Уровень российского правосознания может быть повышен только через осуществление систематической, целенаправленной и научно обоснованной деятельности по правовому воспитанию населения всей страны. Цель статьи – рассмотрение наиболее перспективных направлений развития системы антикоррупционного правового воспитания в контексте формирования правосознания российского общества. Сформулированные положения и выводы могут послужить основой политики в сфере формирования зрелого правосознания российского общества, а также реализации эффективных мер по антикоррупционному правовому воспитанию.

Ключевые слова: правосознание, правовое воспитание, коррупция, причины коррупции, противодействие коррупции, правовое просвещение.

Конституция Российской Федерации провозглашает наше государство как правовое и демократическое, что подразумевает в себе уровень высокой правовой культуры и развитое правосознание. Но, к сожалению, с силу различных причин, все же нарушаются законы, ущемляются права и свободы различных граждан, очень часто встречается коррупция и неправомерное поведение в целом. И здесь важно отметить, что именно правовое воспитание граждан может пресечь нарушение различных норм права [2, с. 42]. Под правовым воспитанием понимается целостная целенаправленная систематическая организованная непрерывная профессиональная деятельность, которая направлена на формирование позитивного правосознания и высокого уровня правовой культуры граждан, определяющей их правовое поведение.

В качестве целей правового воспитания выступают:

- формирование здорового правосознания граждан,
- развитие высокого уровня правовой культуры.

Именно это даст возможность гражданам повысить свою правовую активность в обществе.

В юридической литературе сложилось несколько подходов к пониманию сущности рассматриваемого явления. В рамках нашего исследования будут отмечены основные из них. Так, традиционный (идеалистически-философский) подход связывает коррупцию с поведением, отклоняющимся от превалирующих норм и обусловленным определенной мотивацией получения личной выгоды за общественный счёт [5, с. 482]. Сторонники социологического подхода рассматривают коррупцию как сложное социальное явление, охватывающее все сферы взаимоотношений государства и гражданского общества, превращаясь в неофициальную систему регулирования. Экономический (рыночно-центристский) подход объясняет коррупционные платежи как часть транзакционных издержек, а саму коррупцию – как определённую внешнюю форму социального обмена. По мнению представителей данного подхода, чрезмерное вмешательство государства в экономические процессы и приводит к появлению коррупции - разновидности экономического поведения в условиях риска. Проанализированные подходы позволяют констатировать, что коррупция порождается множеством различных факторов, имеющих нравственную, социальную, экономическую, политическую, правовую и иную природу.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, коррупция – это противоправное использование должностным или иным лицом своего положения в целях получения ненадлежащей выгоды для себя или третьих лиц, предоставления другими лицами такой выгоды, а также посредничество и иные формы содействия в совершении указанных деяний [3, с. 7-14]. В связи с этим, немаловажным фактором, способствующим укреплению правосознания, является действенная и результативная работа государства, которая может в современных реалиях развития социума сформировать новую форму поведения в рамках антикоррупционного правового воспитания. Это проявляется не только в разнообразии принимаемых государством и обществом антикоррупционных мер (например, выражается в сочетании разных форм социальных регуляций этического

и правового характера [4, с. 130-141]), но главным образом в воспитании особого антикоррупционного правосознания и правомерного поведения.

При формировании антикоррупционного правосознания и правомерного поведения, прежде всего, необходимо сделать акцент на понимании и осознании условий и причин, по которым возникает коррупция. По мнению многих исследователей, основными причинами и условиями совершения противоправных деяний, имеющих коррупционную составляющую, являются проблемы экономического характера (в том числе, теневая экономика), политическая нестабильность, неудовлетворительные материальные условия государственных служащих, несовершенство законодательства, бюрократизм, отсутствие внешнего контроля за деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления, низкий уровень правовой культуры, падение значимости морали и нравственности в современном обществе и др. Обозначенный перечень причин коррупции не является конечным, поскольку, как уже говорилось выше, коррупция все чаще проявляется в новых формах, а значит, возникают новые причины для её существования.

На необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики акцентируют внимание многие научные исследования, тогда как правовые культурные аспекты в значительной мере остаются неизученными, а заложенный в них гносеологический потенциал – недостаточно востребованным. В целях противодействия коррупции особенно важно сочетание не только правовых, но и неправовых методов регулирования. На наш взгляд, неотъемлемой составляющей профилактики коррупции являются меры, превентивно воздействующие на сознание граждан, способные сделать для них недопустимым коррупционное поведение по причинам исключительно внутренней убежденности.

Антикоррупционное правовое воспитание следует отграничивать от близких по понятиям терминов, таких как антикоррупционное просвещение и антикоррупционная пропаганда. Под «антикоррупционным правовым воспитанием» в литературе предлагается понимать целенаправленную деятельность по формированию и развитию антикоррупционного правосознания личности, её ориентации на общественно полезное антикоррупционное поведение и подготовку её к антикоррупционной деятельности [1, с. 144].

Высокая динамика общественных отношений становится важным фактором, оказывающим влияние на поведенческие аспекты субъектов права, способствует трансформации поведения и его правовой формы, ведет к проектированию и применению новых технологий в данной сфере. Возможности цифровых технологий для создания системы контроля над функционированием органов государственной власти весьма высоки. Цифровизация может существенно повысить прозрачность деятельности данных органов, способствовать выявлению коррупциогенных схем и махинаций, а также ограничить потенциальные возможности коррупционеров.

Также необходимо забывать о личном примере должностных лиц руководящего уровня. Когда гражданское население видит образец антикоррупционного поведения в деятельности своих руководителей, люди начинают следовать этому образцу. Это обстоятельство накладывает повышенную ответственность на подбор и порядок замещения руководящих лиц. Примерами личной скромности, бескорыстного служения обществу, заботы о людях руководители всех уровней закладывают образец взаимоотношений власти и гражданского населения.

Таким образом, антикоррупционное правовое воспитание – важное направление в общей системе противодействия коррупции. Оно логично дополняет и развивает другие меры, в том числе

совершенствование антикоррупционного законодательства и практики его реализации.

Список источников

1. Антикоррупционное правовое воспитание: научно-практическое пособие /Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, Ю. В. Трунцевский [и др.]; под ред. Д. А. Пашенцева. М.: Проспект. 2020. 144 с.

2. Корчагина Т.В., Николаев А.И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 42-47.

3. Хабриева, Т.Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. №7. С. 7-14.

4. Черногор Н.Н., Залоило М.В., Иванюк О.А. Роль этических и нравственных норм в обеспечении соблюдения запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 130-141.

5. Friedrich, C.J. The pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda. – N.Y.: Harper&Row, 1972 — 482 с.

Корчагина Тамара Владимировна

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Современные цифровые технологии оказывают существенное воздействие на развитие сферы образования, изменяя модели правового поведения участников образовательных отношений. В статье показана взаимосвязь правового поведения в сфере образования с возможностью полноценной реализации конституционного права на образование, с его осознанием субъектами образовательных отношений.

Ключевые слова: образование; образовательные отношения; правовое поведение; цифровые технологии; право на образование

В условиях современного общества, развитие которого во многом детерминировано цифровизацией и связано с возможностями новых цифровых технологий, образование является одной

из ведущих сфер человеческой деятельности. От развития образования зависит успешная позитивная динамика экономики и социальной сферы, качество жизни членов общества. Важным фактором эволюции образовательной сферы выступает поведение участников отношений в сфере образования. Субъекты образовательного права своими действиями реализуют нормы соответствующего законодательства, формируют новую правовую реальность. В то же время, поведение субъектов образовательных отношений в значительной мере детерминировано воздействием современных цифровых технологий.

Важным элементом, определяющим специфику правового поведения в сфере образования, выступает право на образование как одно из основополагающих прав человека. Осознание данного права и его значимости для собственного жизненного и профессионального развития во многом определяет выбор субъектом одной из возможных поведенческих моделей.

Отрицательное отношение к праву на образование или к личным возможностям его реализации может послужить причиной противоправного поведения, осуществляемого в образовательной среде. В случае, если такое поведение приобретает крайние формы, средством его корректировки выступают нормы административного или уголовного права. В данном случае речь идет о юридической ответственности, выступающей достаточно эффективным способом скорректировать противоправное поведение в обществе [3].

Напротив, позитивное отношение к праву на образование, стремление использовать все имеющиеся возможности для его реализации, как правило, формирует правомерное поведение субъектов. В данном случае приобретает решающее значение именно мотивация, формирующая основу для правомерного поведения. В связи с этим, важным фактором профилактики противоправного поведения в сфере образования может выступать систематическое информирование участников общественных отношений о имеющихся у них возможностях реализации конституционного права

на образование. В условиях цифровизации появляются благоприятные возможности для организации соответствующей просветительской деятельности с использованием сети «интернет», социальных сетей, разного рода порталов и сайтов.

Кроме этого, цифровые технологии открывают возможности для более полноценной реализации права на образование теми членами общества, которые проживают далеко от крупных образовательных центров [2, с. 12]. Все шире развивается онлайн-обучение, все большее распространение получают соответствующие интернет-ресурсы.

В то же время, не стоит переоценивать образовательное значение цифровых инструментов. У цифровизации образовательного процесса существуют не только выраженные преимущества, но и явные риски. К ним относится, во-первых, необходимость высокого уровня мотивации для успешного обучения. Второй риск связан с отсутствием выраженного воспитательного воздействия во время онлайн-обучения. Но именно воспитание как составная часть образовательного процесса обеспечивает полноценное, гармоничное развитие личности, и это сохраняет свою значимость в цифровую эпоху [1, с. 43]. Третий риск обусловлен потенциальным негативным воздействием цифровизации образования на когнитивные способности обучающихся, на формирование у них навыков аналитического мышления [4, с. 440].

Преодоление указанных рисков может быть связано с дозированным сочетанием цифрового и контактного обучения. Нахождение оптимального баланса между ними будет способствовать более полной реализации права каждого на образование, что, в свою очередь, позитивно скажется на правовом поведении в образовательной среде.

Список источников

1. Корчагина Т.В., Николаев А.И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 42-47.

2. Николаев А.И. Права человека в условиях информационного общества // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 1. С. 10-14.

3. Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. Социальные основания гражданско-правовой ответственности. М.: РуСайнс, 2015. 144 с.

4. Пашенцева С.В. Проблемы реализации права на образование в условиях цифровизации и пандемии // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. М., 2021. С. 438-441.

Евламбиева Екатерина Владимировна

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В современном динамичном мире все больше исследований проходят в рамках феномена конвергенции – активного включения новых технологий в различные сферы жизни. Проблема правового поведения все больше включается в систему правового образования. Именно сейчас, когда современные цифровые технологии включены в процесс обучения, уделяется большое внимание к такому явлению, как дистанционное обучение. Одним из основных направлений деятельности современного университета является активное развитие инновационной деятельности, частью которой является дистанционное обучение.

Ключевые слова: конвергенция, правовое поведение, образование, образовательное право, наука, дистанционное обучение, информационные технологии.

В современном обществе в условиях появления и внедрения новых знаний, процесс конвергенции подразумевает взаимное влияние, также взаимопроникновение технологий, когда границы между отдельными технологиями исчезают, а многие интересные результаты возникают именно в рамках междисциплинарной работы на стыке областей. Становится неотъемлемым внедрение элементов конвергенции в образовательном процессе, в том числе

при формировании правового поведения. Современные технологии становятся основой при дистанционном обучении в рамках правового образования.

Формирование правового поведения определено рядом экономических, политических и духовных факторов развития российского общества, при которых распространение неправомерного поведения в массовом сознании исключает какую-либо возможность реформирования тех или иных сфер общественной жизни, являясь следствием отсутствия единой рационально организованной системы правового воспитания [2, с. 42].

Важно отметить, что именно всестороннее и устойчивое развитие российского государства, которое соответствовало бы изменениям потребностей современного общества, может быть достигнуто только при наличии и успешном функционировании целостного механизма правового образования. Все это становится основой для внедрения новых современных технологий в правовое образование [4, с. 30].

Важнейшей частью правового обеспечения профессиональной подготовки в современном образовательном пространстве в условиях быстрого внедрения дистанционных технологий является правовое обеспечение дистанционного образования.

Быстрые изменения в социальных и экономических отношениях в глобальном масштабе сегодня требуют:

- создания особых нормативно-правовых условий для формирования в образовательных процессах гибких образовательных траекторий, обеспечения адекватной реакции системы профессионального образования на динамично изменяющиеся потребности личности, корпоративных структур предпринимательской среды, общества, экономики;

- придания образовательной среде открытого характера по отношению к новым образовательным технологиям, новым организационным решениям, к новым формам и методам реализации процесса образования.

В современном динамичном мире все больше внимания уделяется дистанционному образованию.

Дистанционные образовательные технологии стали рассматриваться как эффективное средство решения социально-экономических проблем в нашей стране в 90-е годы XX века. Конец 80-90-х гг. XX века – это сложная экономическая ситуация, не позволявшая многим жителям разных достаточно отдаленных регионов получить высшее образование. Данное обстоятельство способствовало фактическому ограничению конституционных прав граждан России, которые заключаются в обеспечении гарантий каждому гражданину права на получение образования на конкурсной основе в любом государственном или муниципальном образовательном учреждении России.

Оценив необходимость и перспективы применения дистанционных образовательных технологий в российской системе образования, Коллегия Госкомвуза России приняла Решение от 09.06.1993 г. “О создании системы дистантного образования в Российской Федерации”. В этом решении Коллегии следует выделить важные положения о централизованном характере управления системой дистанционного образования и введении новой формы обучения – дистантной [1].

В Российской Федерации правовую регламентацию дистанционного образования на федеральном уровне составляют:

1. Ст. 43 Конституции РФ (подтверждается, что «каждый имеет право на образование»);
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;
3. Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 N 816 "Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ";

4. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. N 1642;

5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 7 апреля 2014 г. № 276 «Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность».

Но, несмотря на стремительный рост популярности (а в последнее время и необходимости) дистанционного обучения в России, его нормативно-правовое обеспечение отстает от реалий [3].

Решение основных вопросов организации этого процесса отнесено к компетенции образовательной организации, в то время как федеральные законы и постановления, а также нормативные правовые документы регионального уровня лишь рамочно обозначают некоторые ограничения.

Тем не менее, пандемия внесла свои коррективы. В российских ВУЗах в 2020-2021 учебном году образовательный процесс по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, магистратуры, подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре был организован с частичным применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий.

В настоящее время, произошел переход вузов к реализации моделей смешанного обучения, сочетающих организацию онлайн и оффлайн образовательного процесса. Разрабатываются электронные учебные курсы с применением видеолекций.

Смешанный формат обучения уже показал уже свои особенности. Письменный метод обратной связи со студентами накладывает дополнительное ограничение на способ изложения материала и ответы на вопросы.

В частности, после просмотра видеолекций у обучающихся возникают вопросы, которые они пишут в чате при связи с преподавателем. Разбор практических ситуаций (кейсов в рамках зада-

ний) тоже требуют ответа преподавателя. Увеличивается время ожидания ответа на вопросы и комментарии.

В рамках взаимодействия со студентами посредством видеосвязи, видеоконференций также возникают свои особенности. По опыту преподавателей после примерно через 20 минут видеоконференции часто падает вовлеченность обучающихся в рамках занятия в связи с некоторой отвлеченностью от процесса, минимального взаимодействия с аудиторией. Не у всех есть техническая возможность видеосвязи также.

Тем не менее, по нашему опыту можно сказать, что такой формат работы оказался удобен для студентов, которые по темпераменту не всегда успевают работать в аудитории, но с применением дистанционных технологий в сегодняшней ситуации смогли более вдумчиво работать с материалом.

Также для лиц с ограниченными возможностями стало удобнее изучать материал. Иностранные студенты тоже получили возможность изучения курса в режиме смешанного обучения, не приезжая к месту учебы.

На наш взгляд, существенный опыт разработки и внедрения различных программ, в том числе дополнительного образования в условиях быстрого включения в дистанционное обучение дает возможность предложить:

1. В условиях развития новых возможностей дистанционного образования становится актуальным внедрение и развитие тематических курсов.

2. Дистанционное обучение дает огромную возможность для проведения тематических лекций со специалистами разных отраслей. Юристы-практики, адвокаты, предприниматели, политики, педагоги и многие представители отраслей имеют огромный практический опыт, который, несомненно, будет полезен для обучающихся.

3. В условиях современной социальной ситуации будет возрастать потребность в специалистах, обеспечивающих под-

держку, разработку, внедрение дистанционных технологий в образовательный процесс.

Все эти направления могут успешно работать в рамках сетевых связей образовательных учреждений, представителей сфер бизнеса, права, политики.

Список источников

1. Бочков В.Е., Мартынова Т.Н., Кочерга С.А. Проблемы формирования институциональной и правовой среды для развития дистанционного образования в условиях реформирования системы образования. <https://refdb.ru/look/1018941.html> (дата обращения: 14.02.2022)

2. Корчагина Т.В., Николаев А.И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4.

3. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.09.2017 (дата обращения: 14.02.2022)

4. Пашенцев Д.А, Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование // Право и образование. 2020. № 8.

Писарев Александр Николаевич

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА И ПРИНЦИПЫ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 г.

Аннотация. В статье на основе анализа положений ст. 75 Конституции предлагаются новые правовые механизмы, призванные действительно гарантировать повышение уровня жизни граждан, придать социальным обязательствам государства реальность и исполнимость. Такие механизмы должны формулироваться в соответствии с принципами социальной политики государства, закрепленными в ст.ст. 75 и 75.1. Конституции. В соответствии с ними обосновывается необходимость закрепления социальных обязательств государства.

Ключевые слова: конституционная реформа; социальные обязательства государства; принципы социальной политики; социальное партнерство.

В условиях современных вызовов, в том числе, глобального и технологического характера, важное значение приобретает полноценная реализация конституционных норм о социальном характере российской государственности, соответствующей духу отечественных правовых традиций [4, с. 24-25].

Системно-правовой анализ соответствующего данной проблематики научного и правового материала показывает, что закрепленные в новой редакции ст.75 Конституции социальные обязательства государства фактически дублируют соответствующие правовые нормы действующего федерального и регионального законодательства, не предусматривают дополнительные социальные гарантии реализации прав граждан и расходы бюджетов всех уровней публичной власти в целях обеспечения достойного уровня жизни, а поэтому в большей мере носят декларативный характер.

В частности, закрепленные в ч.5 ст.75 Конституции социальные обязательства государства по гарантированию минимального размера оплаты труда и правовые механизмы его выполнения в настоящее время в полном объеме закреплены в положениях Трудового кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов о минимальном размере оплаты труда, федеральном бюджете на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 годов, Федеральном конституционном законе о Правительстве Российской Федерации.

Порядок индексации пенсий не реже одного раза в год для различных категорий граждан определяется Федеральным законом о государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации. Реализация бланкетных норм ч.6 и 7 ст.75 Конституции осуществляется в полном объеме в соответствующем законодательстве и прежде всего в Федеральном законе об основах обязательного социального страхования. Положения ч.7 ст.75 Конституции о гарантиях адресной социальной помощи детализируются и конкретизируются в Федеральном законе о государственной социальной помощи.

В отраслевом законодательстве представлены в полном объеме положения, предусматривающие ежегодное увеличение денежных компенсаций, порядок исчисления размеров установленных пособий и выплат, что исключает необходимость закрепления в законодательстве новых правовых механизмов реализации положений ч. 5 и 6 ст. 75 Конституции об индексации пенсий и других социальных выплат.

С учетом отмеченной выше декларативности закрепленных в новой редакции в ст. 75 Конституции социальных обязательств государства, представляется важным закрепить в действующем законодательстве правовые механизмы, призванные действительно гарантировать повышение уровня жизни граждан, а значит придать указанным обязательствам реальность и исполнимость. Такие механизмы должны формулироваться в соответствии с принципами социальной политики государства, закрепленными в ст.ст. 75 и 75.1. Конституции.

Это тем более важно, поскольку в данной области в настоящее время имеются существенные проблемы, которые отчетливо видны при сравнении, например, основных показателей, учитываемых при определении оплаты труда в Российской Федерации и зарубежных странах.

В частности, Российская Федерация имея в 2020 г. минимальный размер оплаты равный 12 130 руб. в месяц, занимала 95 место среди 172 стран (Венгрия занимала 38 место, а Латвия и Чили соответственно 49 и 50 место). В индустриально развитых странах, таких как Великобритания, Германия, Франция, Канада и США, минимальный размер оплаты в 6-10 раз выше принятого - в Российской Федерации [6].

При этом понятно, что повышение минимального размера оплаты труда в России в 2022 г. до 13 890 руб. особо не повлияет на указанное соотношение.

Еще одним показателем, непосредственно влияющим оплату труда граждан, является его доля в валовом внутреннем продукте страны. В ведущих индустриально развитых странах она состав-

ляет в среднем 70 %, в Российской Федерации по прогнозу социально-экономического развития Минэкономразвития на 2021-2023 гг. такая доля составляла в 2021 году - 47,9 %, в 2022 и 2023 гг. должна быть – 47,5 %.

По данным Минфина России, предусмотренными в пояснительной записке к проекту федерального закона «О федеральном бюджете Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов», доля оплаты труда в ВВП составляет в 2021 г. 24,1 %, а в 2022 и 2023 гг. – 24 %

По обоснованному мнению В.И. Павлова, в случае установления в Российской Федерации доли оплаты труда в валовом внутреннем продукте страны примерно такой же как в индустриально развитых странах в размере около 70%, минимальный размер оплаты труда должен вырасти до 25-28 тыс. руб., а средняя заработная плата – до 100-112,5 тыс. руб. в среднем по всей стране [3, с. 99].

К числу новых правовых механизмов реализации конституционных гарантий социальных прав граждан можно было бы отнести подлежащие закреплению в ст.133 Трудового кодекса Российской Федерации и ст.1 Федерального закона "О минимальном размере оплаты труда" правовые нормы о том, что в "Российской Федерации при определении минимального размера оплаты труда учитываются положения Конвенции Международной Организации Труда о том, что размер минимальной заработной платы должен быть равен стоимости жизни на конкретной территории, а его размер исходить из экономических соображений, включающих в себя стабильный уровень занятости населения и требования устойчивого экономического развития государства и быть не ниже 3 долларов в час.

Кроме этого, такого рода правовые механизмы могут быть связаны с закреплением в соответствующих нормативных правовых актах положений о том, что государством гарантируется минимальный размер должностного оклада не менее величины прожиточного минимума [2].

Необходимость закрепления таких правовых механизмов объясняется тем, что после того, как из минимальной зарплаты вычитается предусмотренный законодательством налог на доходы физических лиц, уровень реальных доходов граждан, становится меньше прожиточного минимума и прежде всего у лиц, труд которых оплачивается в пределах минимального размера оплаты труда.

Такого рода несоответствие можно было исключить при наличии в ст.129 Трудового кодекса положения о том, что служебный оклад работника не может быть менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

Кроме этого, необходимость закрепления указанного правового механизма реализации конституционных гарантий социальных прав и свобод именно в такой редакции объясняется тем, что на практике работодатели часто единолично манипулирует фиксированным минимальным размером оклада и тем самым ограничивают социальные и трудовые права, пользуясь отсутствием в законодательстве нормы запрещающей им определять величину должностного оклада (минимальной тарифной ставки) ниже минимального размера оплаты труда.

В контексте разработки новых правовых механизмов реализации конституционных гарантий социальных прав граждан заслуживает внимания предложение Л. К. Самойловой и А. А. Ольхи о “разработке комплекса мер, направленных на снижение бедности и предусматривающих как повышение минимального размера оплаты труда, так и повышение среднего размера трудовой пенсии по старости, повышение эффективности социальной поддержки с учетом адресности и нуждаемости” [5, с.70].

Представляется, что реализация принципа всеобщности при формировании системы пенсионного обеспечения способно положительно отразиться на мерах поддержки работающих пенсионеров, которые в настоящее время неравны в правовом положении с работающими пенсионерами. Соответственно в целях устране-

ния такого неравенства потребуются дополнительные источники бюджета для обеспечения, в том числе ежегодной индексации пенсионных выплат.

Реализация закрепленного в ч.6 ст.75 Конституции принципа всеобщности, справедливости и солидарности поколений при формировании системы пенсионного обеспечения граждан вызывает необходимость внесения серьезных изменений в отечественное пенсионное законодательство как в части регламентации порядка расходования денежных средств, аккумулируемых в бюджете Пенсионного фонда России, так в части изыскания дополнительных доходных источников для обеспечения его сбалансированности.

Правотворческая и правоприменительная деятельность в соответствии с конституционным принципом экономической, политической и социальной солидарности должна осуществляться, в том числе путём установления в законодательстве: запрета концентрации собственности в руках отдельных лиц; требования об использовании национальных богатств страны только в интересах всего общества; правила о справедливом распределении доходов; требований о сокращении неравенства в получении доходах; детализацию в законодательстве конституционных положений о социальном государстве др. [7, с.236].

Реализация в действующем законодательстве указанного конституционного принципа предполагает, реализацию социальной (перераспределительной) функции путём, в частности, введения прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических и юридических лиц, частной собственности, а также средств, полученных в порядке наследования и дарения.

В этой связи абсолютно прав Е. И. Колюшин, называющий отказ России от налоговой прогрессии среди факторов, препятствующих отнесению России к социальным государствам” [1, с. 64].

Список источников

1. Колюшин Е.И. Конституционная проблема социального государства. // Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования. Сборник научных трудов. / отв. ред. Е. В. Алферова, И. А. Умнова (Конюхова). М.: ИНИОН РАН, 2019.
2. Лада А. Д. Право на достойную оплату труда в контексте послания Президента Российской Федерации // Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию – 2020 и его значение для развития Дальнего Востока России. Материалы круглого стола. Хабаровск, 2020. С. 64–68.
3. Павлов В. И. Минимальный размер оплаты труда как индикатор благополучия и социально-экономической безопасности / В. И. Павлов // Развитие и безопасность. 2021. № 1(9).
4. Пашенцев Д.А. Преамбула в структуре Конституции: нормы права или политические декларации? // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33.
5. Самойлова Л. К., Оляха А. А. Влияние поправок в Конституцию Российской Федерации на Отдельные институты финансового права / // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1(89).
6. Тюлягин С. Рейтинг стран мира по МРОТ в 2020 году – [Электронный ресурс]. URL: <https://tyulyagin.ru/ratings/rejting-stran-mira-po-mrot.html> (дата обращения 02.03.2021).
7. Чиркин В.Е. Конституция и социальное государство // Конституционный вестник. 2008. № 1(19).

Израелян Валентин Борисович

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ИНДИВИДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы цифровизации современного общества на примерах использования информационных технологий в системе поиска и обработки информации, способных негативно отразиться на интеллектуальном благополучии индивида. Автор указывает на недостаточный уровень развития критического мышления в обществе при поиске и обработке информации, что способно привести как к

внутреннему конфликту, так и отразиться на негативном отношении индивида к отдельным фактам и обстоятельствам правового характера без их должной проверки и осмысления. Отдельной проблемой при анализе правовой информации и уяснении ее содержания следует признать такой информационный ресурс как контекстный поиск, сводящий на нет все интеллектуальные усилия индивида в анализе содержания конкретного текста.

Ключевые слова: правовая защита, информация, критическое мышление, цифровизация, интернет, интеллект

Бесконечные рассуждения о всех достоинствах цифровизации и плюсах развития информационных технологий, якобы существенно обогативших и упростивших нашу жизнь, постепенно превращаются в миф, который с каждым новым днем общество системно развеивает, убеждаясь и в негативном влиянии, оказываемом как на общество, так и на индивида, с позиции лишения базовых интеллектуальных начал. К примеру, речь идет об утрате свободного поиска и обработки информации в современном мире.

К сожалению, парадокс влияния информационных технологий на интеллект человека вскрыл удивительную зависимость - чем больший объем информации нам доступен, с возможностью оперативного поиска в этом массиве необходимых сведений, тем примитивнее становится мышление человека, довольствующегося своей находкой, не подвергая ее содержание критическому осмыслению, с позиции не только достоверности, но и объективной реальности полученных данных.

Если указанная модель информационного осмысления будет применяться в системе отечественного образования, то зависимость мышления и обработки информации индивидом окажется в прямой зависимости от использования им информационных технологий, но не от собственных интеллектуальных возможностей.

Можно с уверенностью утверждать, что цифровизация системы отечественного образования уже постепенно реализуется. Правовой основой здесь выступает не только Федеральный Закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», закрепивший право образовательных организаций на при-

менение в их деятельности различных цифровых образовательных технологий, но и Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», согласно которой к 2024 году должна быть создана цифровая образовательная среда, обеспечивающая качество и доступность образования.

Отдельно следует отметить Государственную программу Российской Федерации «Развитие образования» на 2018-2025 годы, которая ставит перед собой следующие цели: высокое качество, доступность образования, применение дистанционных технологий. В рамках данной программы предполагается реализация нескольких проектов: «Вузы как центры пространства создания инноваций», «Создание современной образовательной среды для школьников» и т.п.

Однако, специфика современного образования постепенно сводится к использованию учащимися ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в качестве одного из основополагающих ресурсов по любым вопросам, не вникая в необходимость критического осмысления полученных данных либо перепроверки их достоверности. На веру, в буквальном смысле, принимается любая информация, которая в будущем формирует интеллектуальное начало индивида, не приспособленного к осознанному мышлению.

Одним из важнейших навыков, который все реже применяется сегодня в системе образования, является развитие критического мышления, которое следует рассматривать как способ интеллектуальной и духовной деятельности, направленный на анализ, всестороннюю оценку воспринимаемой информации, а также выявление ее сильных и слабых сторон в процессе использования [2, с. 173].

Реализация критического мышления невозможна без интеллектуальной обработки полученной информации, в том числе, посредством ее оценки с позиции духовности индивида, а точнее его морально-этических принципов. Потребность в критическом мышлении обусловлена сложностью выбора, с которым может

столкнуться индивид в процессе осуществления своей профессиональной деятельности.

Критическое мышление - это навык, который освобождает от условности догматизма и расширяет интеллектуальный кругозор индивида, вследствие рационального сомнения, основанного на поиске ответов на вопросы, то есть постоянного изучения данных, даже в случае их очевидного противоречия. Речь идет о достижении истины, не продиктованной свыше, а сформированной индивидом самостоятельно в рамках собственного поиска, анализа и осмысления.

И важно понимать, что профессионализм и компетентность индивида в будущем непосредственно связаны с уровнем развития у него критического мышления, побуждающего быть внимательным к деталям, различным аспектам полученной информации, умением не только вникать в ее содержание подвергая критическому анализу, но и строить версии развития событий.

Но если абстрагироваться от критического мышления, то можно в качестве примера угрозы интеллектуального благополучия индивида привести анализ деградации осмысления прочитанного материала.

Одним из очевидных достижений цифровизации является возможность использования текстов не в привычном, бумажном формате, а в формате электронного документа, воспроизведение которого возможно, опять-таки, благодаря современным технологическим достижениям на любом стационарном и мобильном устройстве, отвечающем минимальными техническим требованиям.

С одной стороны, в этом можно проследить колоссальное количество плюсов, начиная от буквального освобождения книжных полок, что в глобальном смысле имеет под собой и важный экологический аспект, до массовости распространения источников информации и снижения их себестоимости, поскольку исключаются издержки на типографию, тираж и способы реализации. На лицо, мы имеем дело с воплощением технологического прогресса, обеспечивающего наши интересы как потребителей, у которых в

памяти смартфона, планшета или электронной книги может находиться объем научной и художественной литературы, сопоставимый с ресурсами крупной библиотеки.

Однако, такое явление, как контекстный поиск информации, алгоритм которого обеспечивает мгновенное обнаружение заданной фразы, слова или словообразования, незаметно для психики индивида обучает его вырывать из контекста нужную мысль, а точнее, ответ на вопрос, и апеллировать им, не утруждая себя изучить весь источник информации.

Важно признать, что на законодательном уровне отсутствует необходимое условие защиты, обеспечения и поддержания интеллектуального благополучия общества и индивида в условиях цифровой реальности. Проблема заключается в том, что негативные последствия прогресса менее ощутимы в настоящее время, по сравнению с очевидными достижениями. Однако, не обратив должного внимания на условия формирования личности в эпоху цифровизации, и ее обучения [1, с. 30], в будущем мы рискуем жить в обществе, где только искусственный интеллект будет обладать интеллектом.

Полагаем, что на законодательном уровне необходимо закрепление не только оснований применения достижений развития информационных технологий в системе образования в условиях цифровизации, но и предупреждение очевидных рисков, угрожающих обществу, от необдуманного использования технологий в угоду удобства получения образования.

Список источников

1. Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Влияние цифровых технологий на развитие образования и его правовое регулирование // Право и образование. 2020. № 8.

2. Русинов Р.К. Формирование критического мышления у студентов юридических вузов // Российский юридический журнал. 2013. № 5.

**Иванова Светлана Анатольевна
Ганичева Екатерина Севериановна**

О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящее время семейное предпринимательство является наиболее распространенным видом бизнеса в странах с развитой рыночной экономикой. Целью исследования является правовой анализ основных тенденций реализации государственной политики в сфере семейного бизнеса на основе пореформенного правового регулирования в Российской Федерации. Сделан вывод, что высокая социальная значимость семейного предпринимательства и необходимость адресной поддержки со стороны государства являются достаточными основаниями для отдельного законодательного выделения такой категории, как семейный бизнес или семейное предпринимательство.

Ключевые слова: имущественные права, семейный бизнес, супруги, семейное предпринимательство, семейные связи, государственная политика, пандемия.

Тема семейного предпринимательства, семейного бизнеса, а также вопроса о важности законодательного закрепления указанных понятий на сегодняшний день является предметом научных дискуссий [1].

Эта проблема приобрела особую актуальность в условиях пандемии коронавируса в мире и в России. Меры, принятые российским государством по борьбе с пандемией COVID-19, привели не только к закрытию значительного количества малых и средних предприятий, но и к сокращению объема деятельности большого количества самозанятых граждан. Развитие семейного предпринимательства дает возможность ответить на ряд существующих в настоящее время экономических и социальных вызовов, включая вовлечение молодежи в предпринимательство и старшего поколения в наставничество.

Идея семейного бизнеса имеет глубокие исторические корни. В России традиционно ремесленники передавали знания и навыки

из поколения в поколение, таким образом сохраняя свое ремесло в семье.

В течение длительного времени представления о предпринимательской деятельности изменялись и дополнялись в зависимости от распространенности различных форм собственности, уровня развития производственных сил, научно-технологического прогресса, денежного обращения и развития рыночных отношений в целом [6].

Растущая потребность современного российского общества в развитии семейного бизнеса сталкивается с отсутствием правовой формы его осуществления в нашей стране. Применительно к действующим организационно-правовым формам - это организации малого и среднего бизнеса: компании, товарищества и товарищества на вере; производственно-потребительские кооперативы; сельскохозяйственные домохозяйства⁴.

Термины «семейный бизнес», «семейное предпринимательство», «семейное предприятие» не имеют в настоящий момент легальной дефиниции в федеральном законодательстве, а общественные отношения, связанные с ведением членами семьи предпринимательской деятельности, регулируются «на стыке» гражданского, семейного, корпоративного, предпринимательского и налогового права в части совместного учреждения юридических лиц, реализации правового режима общего имущества супругов и определения действительного состава налоговых обязательств в сделках между налогоплательщиками в совместном бизнесе.

Торгово-промышленная палата России в рамках проекта по развитию и поддержке семейного предпринимательства в регионах, провела предварительную аналитическую работу, включая

⁴ По содержанию три организационно-правовые формы коммерческих и некоммерческих организаций (община коренных малочисленных народов; казачьи общества; крестьянские хозяйства) близки к термину «семейный бизнес», но выходят за его рамки, поскольку позволяют существовать и развивать бизнес независимо от семьи (семейный бизнес) или без нее.

опрос представителей бизнес-сообщества, результаты которого подтверждают необходимость введения понятия «семейное предпринимательство». По данным опроса 74 % малого и среднего бизнеса России – семейные компании, 76 % предприятий указали на необходимость корректировки трудового законодательства, наследственного права, а 94 % опрошенных отметили важность скорейшего принятия закона о семейном предпринимательстве [2].

Семейный бизнес это в первую очередь бизнес супругов, поэтому представляется особо важным решение вопросов, возникающих как в процессе их совместной предпринимательской деятельности, так и в случае ее прекращения по причине расторжения брака. Однако, необходимо отметить, что гражданское и семейное законодательство не содержит на настоящий момент положений, которые адекватно отражали бы правовой режим семейной предпринимательской деятельности с точки зрения распределения доходов и раздела такого имущества. Включение в законодательство такого рода норм смогло бы разрешить многие вопросы, сделав семейное предпринимательство более привлекательным.

На сегодняшний день по этому вопросу существуют лишь разъяснения Верховного суда РФ, согласно которым имущество, приобретенное в период брака, доходы от предпринимательской деятельности в этот период являются общим совместным имуществом (ст. 34 Семейного кодекса РФ). А вот сама предпринимательская деятельность разделу не подлежит, так как гражданское законодательство не относит ее к объектам гражданских прав [4].

Проблема возникает, когда семья распадается и возникают споры по поводу их общего бизнеса. Вышеописанная позиция Верховного суда, да и в целом законодательство по вопросам, связанным с разделом имущества супругов, опирается на общие нормы. Однако, полагаем, что в этом вопросе необходимо выработать специализированный подход к регулированию указанных правоотношений. Если исходить из общих норм, то в случае возникновения имущественного спора супругов, разделу подлежит только

имущество, бизнес, как следствие, будет разрушен. А это негативно скажется на материальном благополучии бывших супругов, которые не смогут договориться между собой по условиям дальнейшего осуществления предпринимательской деятельности. Поэтому при определении характеристик и условий семейного бизнеса необходимо четко указать правовые последствия утраты статуса супруга в семейном бизнесе.

Представляется, что семейный бизнес может быть прекращен или преобразован только при условии согласия всех его владельцев. Один или несколько владельцев, пожелавших выйти из участия в семейном бизнесе, могут рассчитывать только на компенсацию своей доли в денежном выражении. Компенсация в виде выделения части актива семейного предприятия или иная форма компенсации, затрагивающая непосредственно бизнес, может производиться только с согласия оставшихся владельцев семейного предприятия.

Также стоит отметить, что компании, в которых работают члены семьи, сталкиваются с рядом характерных только для таких предпринимателей проблем. В частности, многие предприниматели не заключают трудовые договоры с членами своей семьи, с которыми фактически совместно осуществляют предпринимательскую деятельность или привлекают на работу в качестве сотрудников.

Данная проблема обусловлена множеством факторов, например, необходимостью подготовки значительного числа кадровой документации: трудовой договор, график отпусков, правила внутреннего трудового распорядка и прочие. Еще одним немаловажным фактором является существенная фискальная нагрузка на фонд оплаты труда, а также административные издержки, связанные с подготовкой соответствующей налоговой отчетности.

Семейные связи выступают в качестве индивидуализирующего признака семейного предпринимательства, позволяющего отличить его от малого и среднего предпринимательства в класси-

ческих его проявлениях, которые имеют законодательную форму закрепления.

Правительством РФ был подготовлен проект изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятия «семейное предприятие», порядок и условия признания субъекта таковым в целях дальнейшего оказания им поддержки. Однако указанный проект федерального закона *не был внесен* на рассмотрение в Государственную Думу РФ.

Очевидно, государству на законодательном уровне необходимо проработать проблемы, связанные с ведением семейного бизнеса, и вернуться к вопросу о принятии поправок⁵, которые определили бы понятие семейного бизнеса, критерии отнесения к нему субъектов предпринимательской деятельности, и внедрить систему взаимосвязанных мер поддержки семейного бизнеса.

Создание законодательной основы для семейного бизнеса даст новый толчок к его развитию, что упрочит экономическую и социальную стабильность.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что в Российской Федерации развивается практика создания и применения правовых механизмов, позволяющих семейному предпринимательству получить государственную адресную поддержку.

Во многих странах семейные предприятия считаются одним из экономических двигателей в эпоху постиндустриального роста. Они составляют более 70% всего бизнеса, обеспечивают 50-80% рабочих мест и создают 70-90% мирового ВВП. Например, в Испании 75% всех предприятий являются семейными и приносят стране 65% ВВП [3].

⁵ Такого рода дополнения могут быть внесены, например, в Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»

Зарубежный опыт показывает, что развитие семейного бизнеса в системе малого и среднего предпринимательства является необходимым условием для успешного экономического роста государства, прироста ВВП и стимулирования структурных изменений в экономике. В частности, эффективные с точки зрения налогообложения трансферты между поколениями одной семьи способствуют сохранению семейного капитала, стимулируя тем самым расширение бизнеса, внедрение инновационного подхода в деятельность фирмы и создание новых рабочих мест.

Поэтому во многих странах применяются различные механизмы поддержки семейных предприятий как со стороны государства, так и со стороны бизнес-сообществ.

В настоящее время семейное предпринимательство все больше привлекает к себе внимание общественности и политических деятелей в Российской Федерации [5].

Основанием для этого является более глубокое понимание вклада семейных компаний в экономическое и социальное развитие страны. Также это связано с определенными преимуществами, которые выделяют семейный бизнес из сектора малого и среднего предпринимательства.

Список источников

1. Гутников О.В., Оболонкова Е.В. К вопросу о закреплении закрытого перечня некоммерческих организаций в Гражданском кодексе Российской Федерации // Гражданское право. 2020. № 5. С. 18 - 21.
2. URL: <http://alttpp.ru/ru/news/356535/> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Нерсисян, М.В. Проблемы и перспективы развития семейного бизнеса / М.В. Нерсисян, О.В. Сагинова // Человеческий капитал и профессиональное образование. - 2017. - № 3 (23). - С. 39.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10, октябрь, 2020; Ганичева Е.С. Особенности доказывания по делам о защите имущественных прав супругов и пути совершенствования обеспечивающего их реализацию законодательства // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 126 - 140.

5. Путин В.В. предложил создать патент на семейный бизнес [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://delovoymir.biz/putin-predlozhil-sozdat-patent-na-semeynyy-biznes.html> (дата обращения: 13.01.2022)

6. Смена технологических укладов и правовое развитие России: историко-правовое исследование: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Норма, 2021.

Калмыкова Анастасия Дмитриевна

КАТЕГОРИЯ «ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье на основе анализа норм действующего законодательства показано правовое содержание категории «врачебная ошибка», выявлено влияние врачебных ошибок на реализацию права на охрану здоровья. Исследование категории «врачебная ошибка» проведено в контексте правового поведения, так как такие ошибки неразрывно связаны с поведением субъектов отношений в сфере оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: врачебная ошибка; право на охрану здоровья; уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность

В статье 41 Конституции Российской Федерации зафиксировано право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Более подробно вопросы доступности и качества оказания медицинской помощи регламентированы ФЗ от 21 ноября 2011 года №323 – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Реализация права на охрану здоровья и медицинскую помощь в значительной мере зависит от субъектов оказания данной помощи, их правового поведения, его соответствия существующим законодательным нормам. В условиях современного технологического развития реализация права на охрану здоровья связана с использованием в необходимых случаях высокотехнологичной помощи, которая, помимо прочего, нередко оказывается очень дорогостоящей.

Одним из вариантов, при которых право на охрану здоровья может быть нарушено, является врачебная ошибка. Законодательного определения данной категории в настоящее время нет. Такие ошибки возможны на любом этапе оказания медицинской помощи и обусловлены халатностью или небрежностью действий медицинского работника, либо ненадлежаще-исполненными действиями, либо бездействиями медицинского сотрудника, повлекшие за собой ухудшение здоровья пациента или его смерть. Таким образом, врачебные ошибки неразрывно связаны с правовым поведением. При этом единого подхода к определению данного понятия нет ни в российском, ни в зарубежном законодательстве.

В медицине используется более широкий подход к различению видов таких «врачебных ошибок»: это и ошибки в постановке диагноза, и ошибки, связанные с неверным выбором способа лечения либо метода лечения, с неправильной интерпретацией полученных результатов исследований, возможны ошибки организационного характера, связанные чаще с некачественным укомплектованием рабочих мест, либо с отсутствием необходимого оборудования, связанные с неправильным ведением медицинской документации, а также ошибки, связанные с пренебрежениями принципами этики и морали в отношении пациентов, что в свою очередь может повлечь ухудшение состояния здоровья, либо более тяжелые последствия. Официальных данных по количеству таких медицинских ошибок в Российской Федерации нет, но исходя из различных источников информации (судебная практика, научная литература, статьи, монографии и др.), можно сделать вывод о высоких показателях в данной сфере. При этом чаще, на первом месте фигурируют неправильный выбор лекарства и его дозировки.

В современный период данная проблема приобретает достаточно серьезную значимость, в связи с быстрым развитием медицины, появлением высокоэффективных методов диагностики и лечения заболеваний, внедрением компьютерных технологий, информатизации данной сферы. Острота данных проблем дополня-

ется отсутствием единого и общепринятого понимания врачебных ошибок, трудностями, возникающими при проведении юридической квалификации и установлении причинно-следственной связи между последствием и деянием. Поэтому важное значение приобретает правильная квалификация действий врачей, «диагностирование» их с позиций права.

В соответствии с УК РФ, юристы с врачебной ошибкой связывают ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей, последствием которого является причинение смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 109 УК РФ) или тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 2 ст. 118 УК РФ), либо заражение другого лица ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ). Актуальной статьей является статья 124 УК РФ – неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать. И также ч. 1 и 2 ст. 238 УК РФ – производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. В главе 22 УК РФ есть также составы преступлений, по которым можно привлечь к уголовной ответственности за чистоту действий, осуществляемых во время государственных закупок (ст. 200.5 и 200.6 УК РФ). Разграничение данных норм в правоприменительной практике происходит в основном по принципу платности оказания медицинских услуг (хотя это и достаточно спорный критерий) – при оказании бесплатных медицинских услуг работники сферы здравоохранения привлекаются к уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью или смерти пациента по ч. 2 ст. 109 или по ч. 2 ст. 118 УК РФ; при оказании платных медицинских услуг – по статье 238 УК РФ. Квалификация деяний медицинских работников со стороны правоохранительных органов возможна и по иным составам преступлений, в частности, например, по статье 293 УК РФ – халатность.

Уголовное законодательство зарубежных стран, направленное на предупреждение врачебных ошибок, по-разному подходит к решению данной проблемы. Уголовное законодательство конти-

ментальной правовой семьи устанавливает ответственность за причинение смерти или телесного повреждения (вреда здоровью) по неосторожности, небрежности, неопытности; незнания или небрежного исполнения своей профессии; за нарушение по халатности правил и методов оказания медицинской помощи. В одних странах уголовная ответственность наступает по общим нормам (Германия), в других – устанавливается уголовная ответственность при осуществлении профессиональной деятельности (Испания, Голландия), уголовное законодательство третьих стран содержит самостоятельные составы преступлений, совершаемых медицинскими работниками, а медицинские работники выделены в качестве специальных субъектов преступления. Современные Уголовные кодексы стран не используют понятие «врачебной ошибки». Врачебную ошибку в отдельных правовых семьях, и даже странах, относящихся к одной правовой семье, понимают по-разному. Но, на данный момент актуальным является вопрос не содержания данной категории, а является ли совершение врачебной ошибки преступлением или полностью исключает ответственность?

В научной литературе указывается, что существует более 65-ти определений врачебной ошибки, при этом трактуют ее достаточно широко: от небрежных, недобросовестных, неосторожных, неправильных, непропорциональных действий до добросовестного заблуждения без признаков халатности. При этом все представители медицинской и юридической науки единогласно сходятся на том, что в случае совершения врачебной ошибки отсутствует умышленная форма вины. Определенный интерес представляет подход к содержанию данного понятия, предлагаемый зарубежными учеными. Многие из них не рассматривают ее с позиции «добросовестного» или «недобросовестного» заблуждения, как в нашей доктрине, а определяют ее как «системную проблему, неверный выбор плана действия для достижения указанной цели, неудачу, отступление от стандартов медицинской помощи, оказываемой пациенту», но тоже считают, что она может стать результатом, как

виновных, так и невиновных действий медицинского работника [4, с. 59 - 60].

Попытки придать данному понятию правовое содержание предпринимались при составлении законопроекта «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Под врачебной ошибкой предлагалось понимать допущенное нарушение качества или безопасности оказываемой медицинской услуги, а равно иной ее недостаток независимо от вины медицинской организации и ее работников (ст. 92). Законопроект был принят в первом чтении в рамках Государственной Думы, но из редакции, подготовленной ко второму чтению, определение врачебной ошибки было исключено.

Помимо, уголовной ответственности, необходимо обратить внимание и на гражданскую ответственность [3]. В большинстве гражданских дел по врачебным ошибкам ответчиком выступает медицинское учреждение в целом, а не конкретный врач. Данный вид ответственности основывается на нескольких статьях Гражданского Кодекса Российской Федерации и носит, в первую очередь, материальный характер. Так, статьи 1087 и 1085 ГК РФ предусматривают возможные расходы, которые могут быть применены к медицинским учреждениям или работникам вследствие причинения пациенту вреда здоровью или нанесения увечья своими действиями или бездействиями. Это такие виды расходов, как: утраченный заработок потерпевшего, расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии. И также, одна из самых актуальных статей в отношении категории «врачебных ошибок» - это 151 статья ГК РФ, предусматривающая для пациента возможность компенсировать моральный вред в следствие действий медицинских работников, которые повлекли негативные последствия. Истец в данном случае должен предъявить доказательства причинения ему страданий физического или

нравственного характера, а также причинную связь между ними и причиненным вредом.

Помимо, уголовной и самой распространенной гражданской ответственности, к медицинским работникам можно применять дисциплинарную ответственность, выраженную в форме отстранения от работы, выговоре или увольнении. Применяется данный вид ответственности администрацией поликлиник, больниц и вытекает из трудовых взаимоотношений работника и медицинской организации.

Ситуация с самой распространенной гражданской ответственностью, связанной с компенсацией морального вреда, в последнее время усугубляется с точки зрения количества обращений о его компенсации, позицией Верховного Суда РФ, который разрешил взыскивать ее за врачебную ошибку, если даже вреда здоровью не было, а были лишь нравственные страдания пациента. Примером данной позиции может служить разъяснение из Обзора судебной практики ВС № 4 (2016 год) [1]. Анализ судебной практики также показывает, что родственники все чаще судятся с медицинскими учреждениями, предъявляют иски о компенсации вреда, в том числе и морального.

По официальной информации Следственного комитета Российской Федерации в 2019 году им было получено более 6500 обращений о ненадлежащем оказании медицинской помощи и было возбуждено более 2000 уголовных дел, в суды по итогам расследования было передано свыше 330 дел. В 2018 году данный показатель был чуть ниже и равнялся 303 уголовным делам. При этом ранее, в 2016 году СК РФ получил от граждан 4947 сообщений о преступлениях в сфере медицины, в 2017 году – 6050, в 2018 – 6623, а за 9 месяцев 2019 года – уже 4965. В большом количестве случаев (около 90%) в итоге дефекты оказания медицинской помощи не подтвердились. Следовательно, обращений поступает достаточно большое количество, увеличивающееся с каждым годом, но только каждое десятое преступление доходит до суда, а в

большинстве случаев факт совершения неправомерных действий не подтверждается.

Тенденция по увеличению обращений в различные инстанции от пострадавших или их родственников от действий врачей достаточно очевидная и следствием ее является и увеличение количества обращений в суд, но как защитить современных медицинских работников от зачастую необоснованных жалоб и претензий? Вопрос достаточно актуальный в настоящее время и с учетом того, что действия врача в таких случаях не являются умышленными, а связаны с рисками той профессиональной сферы, в рамках которой они осуществляют свои трудовые функции.

Также Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда подтвердила факт того, что медицинская организация должна доказывать правомерность своих действий, и также, причинитель вреда (медицинское учреждение) должно доказать отсутствие своей вины. Так как гражданским кодексом, в отличие от уголовного кодекса установлена презумпция вины причинителя вреда, то опровергнуть ее должен именно ответчик самостоятельно. Ответчик должен доказать отсутствие своей вины, как в причинении вреда пациенту, так и в причинении ей морального вреда при оказании медицинской помощи. Верховный суд особо подчеркнул, что потерпевший должен доказать только факт наличия вреда – физических или нравственных страданий, а все остальное – это суду должны объяснять медицинские организации [2]. Следовательно, медицинские работники оказываются в обстоятельствах, когда времени на оказание помощи пациентам у них не хватает, в связи с тем, что они занимаются защитой своей чести и деловой репутации в связи с доказыванием факта своей невиновности в лечении конкретного пациента.

В качестве предложений для минимизации проблем, необходимо рассмотреть несколько различных вариантов, которые связаны в том числе с совершенством законодательства в данной сфере.

В качестве одного из предложений можно назвать выделение отдельного состава преступления, который в дальнейшем будет применяться к медицинским работникам в УК РФ, чтобы их оградить от составов, распространяющих свое действие на любого субъекта, совершающего преступление по неосторожности, за ненадлежащее оказание услуг, за причинение тяжкого вреда здоровью и по другим общим составам, где по квалифицирующим признакам можно только выделить специального субъекта. Но, обратной стороной данного предложения является тот факт, что качество работы следователей оценивается по количеству дел, направленных в суд, следовательно сторона обвинения заинтересована в увеличении количества документов, передаваемых в суд для разбирательства дела. Но, позитивный эффект в данном случае возможен, так как исключит возможность следователя трактовать действия медицинского работника как умышленные, инкриминируя ему ст. 238 УК РФ.

В качестве еще одного предложения – это создание в рамках статусных медицинских учреждений специальных автономных экспертных советов, с входящими в их состав известными врачами, которые могли бы проводить медицинские экспертизы по данной категории уголовных дел, так как таким образом проведение такого рода экспертиз вышло бы из компетенции бюро судебно-медицинской экспертизы, так как это государственное бюджетное учреждение, подчиняющееся следовательно органам власти субъекта. Передав соответствующие полномочия на уровень профессионального независимого медицинского сообщества, таким образом можно решить и вопросы профессиональной компетенции, и зависимости и подчиненности органам власти.

Также в данной сфере с целью декриминализации некоторых составов можно предложить исключить уголовную ответственность медицинских работников за преступления с неосторожной формой вины, заменив ее административной ответственностью.

Если в российском законодательстве появится термин «ятрогении», подлежащий гражданско-правовой оценке, который пред-

ставляет с точки зрения содержания неблагоприятные последствия медицинского вмешательства вне зависимости от отсутствия вины медицинского работника, то это смягчит ответственность в данной сфере, так как термин преступление всегда подразумевает виновные деяния и выведет данные проблемы в область гражданского судопроизводства.

В настоящее время также отсутствует необходимая нормативная и профессионально-методическая база, регулирующая этапы медицинской деятельности. Обусловлено это обстоятельство многообразием ситуаций, возникающих в процессе оказания медицинской помощи, индивидуальными особенностями организма и каждого отдельного медицинского случая. За что достаточно сложно, с учетом данных факторов, перекладывать всегда всю вину на медицинских работников, тем более в уголовно-правовой сфере. Поэтому только комплекс мер правового, социального, экономического характера способны предупредить и уменьшить динамику такого рода преступлений, связанных с врачебными ошибками.

Человек является высшей ценностью в современном государстве и поэтому возникает необходимость повышенного внимания со стороны и Министерства здравоохранения, и его контролирующих органов, страховых организаций, а не только правоохранительных органов.

Еще один из важных аспектов данной проблемы – это страхование. Данный вопрос не раз поднимался и в научной литературе, и в средствах массовой информации, и среди медицинских работников. Одним из путей защиты врачей от уголовного преследования может стать именно страхование ответственности медицинского персонала. В настоящее время нет точной статистической информации в отношении медицинских организаций, которые страхуют свою профессиональную ответственность. Но, исходя из имеющейся в свободном доступе информации, доля государственных медицинских учреждений ниже доли негосударственных клиник, которые страхуют данный вид ответственности.

Среди негосударственных медицинских организаций данный показатель немного выше. Интересы медицинского сообщества остаются достаточно уязвимыми, тем более в условиях достаточно серьезной уголовной ответственности за медицинские ошибки и увеличивающимся суммам компенсации пациентам.

В случае, если в медицинской организации застрахована ответственность медицинских работников при возникновении ситуаций, когда действительно произошел негативный факт при лечении пациента, страховая компания возместит данный ущерб и также возместит заработную плату пациенту за период нетрудоспособности, а также, если это предусмотрено полисом медицинского страхования моральный вред.

Но, в случае, когда страхование ответственности медицинских работников не осуществляется, и пациент или его родственники считают, что был причинен вред при лечении, начинается бюрократическая цепочка. Пациент пишет претензию в медицинской организации, администрация начинает разбираться в данном факте, требует объяснений от лечащего врача. Лечащий врач поднимает всю историю болезни, тратит достаточно много времени на подготовку различных письменных ответов и в итоге медицинской организацией готовится ответ, что вины медицинских работников в данном случае нет. Но, пациент, продолжает, как правило искать правду в других вышестоящих инстанциях – обращается с жалобами в Министерство здравоохранения, Следственный комитет, полицию, которые по каждому факту обязаны провести расследование.

Многие граждане также не осведомлены в юридических тонкостях подачи таких жалоб, взыскания вреда, в связи с отсутствием у них необходимого объема юридических знаний, не знают, что можно подать гражданский иск о причинении вреда здоровью. По их жалобам врачей начинают вызывать к следователю, в Следственный комитет, начинается расследование заявленных фактов, нарушается нормальная работа медицинской организации. Но, для пациента при осуществлении всех данных действий, в большин-

стве случаев, не является целью – привлечь врача к уголовной ответственности, а основной целью является – получить денежную компенсацию по данному негативному факту. И также - получить квалифицированный ответ на вопрос – верными ли были действия врача в отношении пациента, правильно ли назначено лечение и т.д.

В случае наличия страхования ответственности врач не должен беспокоиться за весь данный процесс. С данными фактами будет разбираться страховая компания, устанавливается связь страховой компании с бывшим пациентом или его родственниками и с помощью привлечения независимого эксперта решается самый главный вопрос – есть ли связь между действиями врача и наступившими негативными последствиями. Если связь есть – страховая компания выплатит соответствующую компенсацию. Если данная причинно-следственная связь установлена не будет – право жаловаться у гражданина остается, но заключение независимого эксперта, подтверждающее отсутствие такой связи практически лишает возможности двигаться дальше. Даже, если в минимально возможном количестве случаев – гражданин, либо его родственники дойдут до судебных инстанций – даже они уже понимают, что выиграть такое дело шансов практически нет. А в случае, наличия страхования ответственности – у родственников будет возможность получить компенсацию, которую можно получить и не доходя до суда.

От последствий уголовного преследования страхование, конечно, полностью не спасет, но в рамках гражданского иска, страховая компания будет возмещать причиненный вред, а в случае отсутствия связи между действиями врача и причиненным вредом здоровью пациента защищать интересы врача в судебных инстанциях.

Таким образом, страхование в сфере медицины можно рассматривать как важное средство, позволяющее минимизировать ущерб от врачебных ошибок, особенно в тех случаях, когда речь не идет о наступлении уголовной ответственности.

Список источников

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016 год) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 года) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (дата обращения: 18.12.2021).
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации №74-КГ19-5 от 24 июня 2019 года // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=590652#p9UMyrSPHАhJycаH> (дата обращения: 18.12.2021).
3. Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. Социальные основания гражданско-правовой ответственности. М.: РусСайнс, 2015.
4. Понкина А.А. Врачебная ошибка в контексте защиты прав пациентов. М.: Консорциум специалистов по защите прав пациентов, 2012. С. 59-60.

Чернявский Александр Геннадьевич

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ И ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. В данной статье автор предполагает, что так как каждый закон по своей природе есть уже ограничение, то государственный порядок должен непременно ограничивать гражданскую свободу, и таким образом влиять прежде всего отрицательно. Многие зависят от правильного понимания реальных обстоятельств в тот или иной период времени и соотношения государственной цели и политической свободы в конкретном государстве.

Ключевые слова: природа государства, политические свободы, нравственные цели, правовое поведение, анализ истории

Свобода человека составляет жизненную и образующую силу в государстве, оказывающую влияние на его внутреннее бытие. Человеческая свобода проявляется в государстве двояким образом. С одной стороны, она состоит в праве каждого индивидуума развивать и пользоваться своими силами и способностями, и может быть названа гражданской свободой; с другой – в праве вли-

ять на сами государственные дела, и составляет политическую свободу. Очевидно, что эти две стороны свободы вытекают из различия гражданского и государственного общества, и потому также, как и эти общества, хотя и находятся во взаимной связи, но сами по себе так различны, что там, где одна из них достигает высшей степени развития, другая в то же время может быть мало развита. В небольших греческих государствах граждане пользовались политической свободой в такой мере, в какой с тех пор никогда не пользовались граждане других государств; но гражданская свобода была незначительна, и в Спарте достигла минимума, так как там государство регулировало даже семейную жизнь. В наших современных государствах граждане пользуются политической свободой в меньшей мере сравнительно с гражданами классических республик, но зато большей гражданской свободой.

Так как каждый закон по своей природе есть уже ограничение, то государственный порядок должен непременно ограничивать гражданскую свободу, и таким образом влиять прежде всего отрицательно. Это ограничение переходит в гарантию; и если действия гражданина в известных случаях ограничены, то, зато в том, что дозволено ему законом, он охраняется им, и в различных учреждениях государства, как, например, школах, почтах и т.д., он находит вспомогательные средства для своего развития и деятельности. Если таким образом государственный порядок в отношении к гражданской свободе является вместе с тем ограничивающим, охраняющим и способствующим, то очевидно, что он властвует над нею, и хотя эта власть должна быть разумна и снисходительна, но тем не менее она все-таки власть. Поэтому гражданская свобода в государстве может быть очень велика; но как бы велика она не была, она всегда подчиняется государственному порядку. Такое подчинение свободы существует и должно существовать во всех государствах, иначе государственный порядок был бы нарушен.

Если гражданская свобода находится в подчинении, то может казаться, что политическая свобода граждан, напротив того,

состоит в праве их властвовать над государством. Чтобы исследовать этот вопрос, рассмотрим, каким образом складывается жизнь человека в государстве.

Мы рождаемся и воспитываемся в государстве, без всякого участия в этом нашей свободной воли, и когда достигаем зрелости сознания и в состоянии уже объяснить себе наши отношения к государству, то находим, что как потребностями нашего материального существования, так и семейными узами, и самой привычкой мы связаны таким образом, что о свободном выборе государства вообще сложно говорить. Таким образом большая часть людей живет и умирает не в свободно избранном ими государстве, но в том, в котором они фактически находятся и которое, по отношению к ним является необходимостью. И как бы широка не была политическая свобода, можно сказать, что она всегда коренится в несвободе, потому что прежде чем мы достигаем возможности избрать себе государство, мы уже давно принадлежим определенному государству. В этом заключается основа политической свободы.

Право людей влиять на установление государственных отношений вытекает из природы самого государства, суверенитет которого есть самосознание человеческого общежития, составляющего государство. Это право подтверждается сознанием и историей всех народов, которые во все времена, выказывали притязание изменять свое государственное устройство. Но над этим правом стоят нравственная обязанность, побуждающая нас, под страхом снова погрязнуть в одичалом состоянии, из которого вывел нас государственный порядок, сохранить субстанцию государства, которое, как необходимая форма человеческого общежития, составляет существенную опору цивилизации. Вместе с государством разрушаются всякие узы благоговейного страха, чему представляет пример французская революция [3], когда люди обратились в полуживотных. Субстанция государства заключается в публичной власти со всеми учреждениями, регулирующими ее

действия на публичную жизнь и обратно – влияние граждан на публичную власть [4], что все вместе взятое, составляет государственное устройство. Поэтому нравственная обязанность повелевает людям в своих политических стремлениях держаться законного пути, потому что всякое отступление от него есть подкоп под государственный порядок, последствия которого нельзя наперед просчитать. От такой обязанности сообразоваться с законом можно было бы считать себя разрешенным только в таком случае, если бы само государственное устройство было установлено против законов нравственности и своим механизмом препятствовало бы развитию нравственных принципов. Существует ли такое положение в данном случае, об этом люди могут судить только, руководствуясь своей совестью. Это служит новым доказательством тому, что последняя гарантия устройства государственного порядка заключается в религии. Если религиозное сознание людей возбуждено в такой степени, что для них является нравственной необходимостью бороться против известной формы публичной жизни, – то какая власть может устоять против этого? Причина падения Карла I заключалась не только в нарушении им прав парламента, но гораздо скорее в его религиозных стремлениях, возмущивших совесть пресвитерианцев. Кто больше: Христос или король? – спрашивали они, и эти слова создали силу, опрокинувшую все здание английского государственного устройства.

Если мы должны держаться законного пути, потому что иначе падет государство, которое мы обязаны сохранять, как необходимую форму нравственного общежития, то не должно также забывать, что общежительный союз охватывает не только живущих в данное время, но должен связывать существующие поколения с поколениями, предшествующими и грядущими. Государство не есть создание минуты, а дело столетий, и существование его предназначено не продолжительное время, оно – подобно большой национальной галерее, в которую вносятся все памятники великих дел, или же скорее собственно государство составляет та-

кую национальную галерею. Единство нации проявляется не только как акт воли временно живущих людей, но действия этих последних неразрывно связаны со стремлением поколений отживших и составляют вместе одну непрерывную волю, которая получает свой отпечаток в национальном характере и осуществляется в публичных институтах. И потому всегда, когда мы имеем в виду, что-нибудь изменить или создать вновь в государстве, мы должны стремиться сохранить непрерывность связи с предыдущими учреждениями, иначе мы ослабим национальную силу и новым учреждениям, вследствие недостатка этой связи, не будет достаточной необходимой опоры, вследствие чего они будут непрочны, какими и действительно являются государственные учреждения новейшего времени. А так как часто эти конституции не имеют корней в существующих отношениях, то тем более они требуют для своего сохранения искусственных средств; между тем демагоги, прельщавшие и склонявшие народы к введению этих конституций, повсюду обещали несложное и не сопряженное с большими расходами правительство. Государственный организм с каждым изменением конституции становился все сложнее, и общественные издержки делались значительнее. Главнейшим проявлением политической свободы считалось то, что люди, на ее основании, могут совершать радикальные изменения в государстве.

Что же касается настоящей политической свободы, то она проявляется не в изменении государственного устройства насильственными нарушениями его учреждений и внешним их изменением, но в том, чтобы постигнуть дух существующих учреждений, развивать и расширять их по мере необходимости, а также формировать и воспитывать в гражданах внутреннюю потребность к правовому поведению [1].

Таким образом, политическая свобода скорее служит государству, чем управляет им. Только таким путем могут возникать такие учреждения, которые не только сами по себе обладают си-

лой, но вместе с тем поддерживаются общественным мнением, имеющим такое важное значение для государственной власти. Учреждения, развивающиеся из существующих отношений, появляются на свет как бы по внутренней необходимости и примыкают к уже существующему, через что люди легко связываются с ними как в своем мировоззрении, так и в жизни, в формировании своего правосознания. Где же учреждениям не хватает такой основы, там они кажутся произвольными, т.е. чем-то таким, что могло бы быть или не быть; такие учреждения никогда не пользуются уважением, потому что учреждение держится на рациональных основах – всякая доктрина может быть с успехом оспариваема, и мы по опыту знаем, что никогда еще рациональная доктрина не обладала всеобщим и постоянным значением.

Везде, где свобода устанавливается в праве произвольно изменять государственное устройство, а не в обязанности развивать существующие учреждения, государству неизбежно угрожает опасность. Могущественнейшими и сильнейшими государствами были всегда именно те, которые более других оставались устойчивыми в своем развитии. Древние греки, хотя по природе обладавшие подвижным духом, в лучшие дни свои были преисполнены глубокого уважения к государственному порядку; но после того, как они научились от своих демагогов тому, что воля народа может производить с государством все, что ей угодно, - победители при Фермопилах и Саламине сделались окончательно неспособными развивать государственный порядок. Рим непрерывностью своего развития превзошел Грецию и покорила все государства древнего мира; это начало непрерывной последовательности развития сделало город обладателем мира, потому сообщило всем его предприятиям то постоянство и ту прочность, которые характеризуют римлян. Тот же принцип, лежавший в основании развития государственного устройства, руководил реализацией внешней политики, имелся в виду при основании колоний и устройении дорог, развалин, которые не могли уничтожить десятки веков. В

новейшее время Англия более других государств сохраняет консервативное развитие, и благодаря этому принципу, этот незначительный остров достиг в свое время господства в морях и целых континентах. Консервативный принцип государственного строительства заявила и Россия в 20-х годах XXI века.

Внутренняя справедливость, как и внешняя полезность принципа последовательного развития, имеет несомненное значение. Используя этот принцип, нужно, конечно, принимать во внимание обстоятельства. Где непрерывность нарушена, там можно пытаться снова ее восстановить, и такие попытки обыкновенно удаются в тех случаях, когда дело идет только о частном разрыве, который некоторым образом срастается сам, подобно тому, как заживает рана, или, когда старые учреждения упраздняются только на время, не утрачивая вследствие этого своего значения. Так случилось в середине XIX века в Австрии, когда правительство было застигнуто врасплох народным движением, и вследствие этого же была попытка установить парламентское управление; однако импровизированный рейхстаг был вскоре распущен, и хотя все эти события вызвали много изменений, но все-таки монархическая форма правления была не только восстановлена, но вышла даже усиленной из этого погрома. Также было и в Англии. После переворотов, двукратного изгнания Стюартов, наступило время реставрации, по крайней мере в главных отношениях: здесь дело шло не о династическом принципе, а о парламентаризме, составляющем собственно центр английского государственного развития, подобно тому, как в древнем Риме все сосредотачивалось в сенате. Во Франции, напротив того, революция до того потрясла всю совокупность старых учреждений, что реставрация стала невозможной и возобновлявшиеся попытки подобного рода всегда оказывались безуспешными [3]. Следовательно, во Франции последовательность развития прерывается 1789 годом и одно желание вызвать хотя бы тень *ancient regime* приводило только к смутам. Конечно, нужно отметить, что Наполеон III оставался верен

традиционным началам французской политик, и в этом смысле являлся прямым наследником Людовика XIV и кардинала Решилье. Нечто сходное представляет Россия, где гигантской силой Петра Великого была создана новая государственная жизнь, которая безвозвратно расторгла связь с древнерусской жизнью и установила между новой и допетровской Русью преграду, которая была уже непреодолима [2, с. 28]. Еще более потрясла Россию революция 1917 года, когда произошла смена государственного строя на коммунистический, который просуществовал до 1991 года и кардинально разрушила все учреждения царской России. В 1991 году были разрушены все учреждения Советского Союза и общественно-политический строй изменился на капиталистический, конечно со своими особенностями в отличие от западного. Такие значительные факты могут, следовательно, невозвратно нарушить непрерывность развития.

Список источников

1. Малахов В.П., Азнагулова Г.М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2. С. 37-44.

2. Пашенцев Д.А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1. С. 27-34.

3. Ростиславлев Д.А. О причинах революций XVII–XVIII веков в странах Запада // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1. С. 50-61.

4. Чернявский А.Г., Грудцына Л.Ю., Пашенцев Д.А. Государство. Гражданское общество. Право. М.: Инфра-М, 2017.

**СВОБОДА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРАВОТВОРЧЕСТВА:
ДИНАМИКА ФОРМ**

Аннотация: Цель статьи - исследовать динамику форм свободы волеизъявления как важнейшего фактора правотворчества, что обусловлено актуальностью проблемы в рамках самой теории правотворчества и сообразно национальной законотворческой традиции. Основной результат: определены новеллы в механизме развития свободы волеизъявления в правотворчестве и сделан вывод о необходимости более предметного изучения форм ее выражения.

Ключевые слова: правотворчество, формы свободы волеизъявления, мера свободы волеизъявления, референдум, фракция парламента, законотворческая традиция.

Современная юридическая наука сформулировала целый ряд аксиом, которые существенно продвинули в своем развитии теорию правотворчества. Действительно, теория правотворчества как система данных о процессе создания права, конструктивно взаимосвязанных и обоснованных достоверными аргументами, не нуждается в каких-либо дополнительных характеристиках в пользу своего существования. Однако в самой этой теории имеется немало «белых пятен», нуждающихся в научной культивации и предметных обобщениях. К таким малоизученным сторонам правотворчества следует отнести свободу волеизъявления. Свобода волеизъявления неоспоримо относится к юридическим аспектам свободы. Объективным основанием ее, по установившимся представлениям, служит необходимость [3, с. 98-102]. Данный феномен - свобода волеизъявления - выступая фактором правотворчества, отличается содержанием, имеет свои формы выражения и реализации.

К форме проявления свободы волеизъявления, в первую очередь, следует отнести выражение своего мнения народом на референдуме. Согласно Конституции РФ высшим непосредственным выражением власти народа является референдум, что указывает на

закрепление в основном законе государства права народа свободно выражать свою законодательную волю. А согласно Федеральному конституционному закону от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» свобода волеизъявления не только декларируется, но и гарантируется.

Свобода волеизъявления депутата как психический процесс, обусловленный определенными правовыми и иными обстоятельствами, касающимися правотворческой деятельности, является также формой выражения свободы волеизъявления. В практическом плане свобода волеизъявления – это мнение, позиция, отношение депутата, проявляемые в волевом плане применительно к конкретной ситуации правотворческого процесса. Он действует от имени народа. Поэтому свобода его волеизъявления в правотворчестве должна всегда соизмеряться с приобретенными в силу закона полномочиями. То есть формы и мера такой свободы вполне осязаемы и даже predetermined. Некоторые сомнения о народном представительстве парламентариев высказывались специалистами разных стран и в разное время, опираясь на реалии политического бытия. Так, юрист и либеральный публицист, депутат II Государственной думы В.М. Гессен критически характеризовал народное представительство в Англии, которое представлено не только выборной палатой общин, но и наследственной палатой лордов и королем. Для того чтобы и в представительном государстве сувереном являлся народ, необходимо, чтобы воля народа была юридическим титулом представительства. Народное представительство должно выражать не «общественное мнение» страны, а волю народа Уроки прошлого актуальны и сегодня [1, с. 71-72].

Отличной формой свободы волеизъявления следует считать голосование по конкретному законопроекту фракцией парламента. Как известно депутатское волеизъявление формируется с учетом групповых интересов (экономических, политических, идеологических, собственно правовых). И если коллективная воля фракции изъясняется в виде консолидированного мнения, то результат представляется как сумма свободного волеизъявления депутатов фрак-

ции. Однако современные реалии международной правотворческой практики (на государственном уровне, в масштабах межгосударственных коалиций) указывают на обострение кризиса свободы волеизъявления депутата фракционного парламента [2, с. 317-323].

Совсем по - другому представляется форма свободы волеизъявления правительства. Например, согласно Регламенту Правительства РФ, коллективная воля формируется исходя из державного интереса, а свобода волеизъявления, находящаяся в жестких рамках не только материальных и процессуальных норм, обеспечивается только законом.

Анализ практики политической и правовой деятельности последнего десятилетия указывает на резкую активизацию в правотворчестве единоличных органы государственной власти, и в первую очередь, глав государств в статусе президента. Это абсолютно не связано с расширением их конституционных полномочий. Представляется что изменение современной геополитической обстановки потребовало от указанных категорий большего личного участия не только в принятии правотворческих решений, но и в их подготовке. Так, в связи с этим, свобода волеизъявления главы государства в Российской Федерации наполнилась новым содержанием и приобрела более объемную форму. Наравне с уже известными науке формами президентского волеизъявления – указами и распоряжениями – жизненно необходимыми стали законопроекты Президента РФ, касающиеся всех сторон общественной жизни. Ежегодные послания о положении в стране, об основных направлениях политики государства, в том числе и законодательной политики (рекомендует принятие определённых законов) стали новеллами среди форм волеизъявления известных правотворчеству.

Среди факторов правотворчества свобода волеизъявления получила новый импульс в своем развитии в связи с «реанимацией», казалось бы, такой консервативной формы, как решение судебного органа. И если раньше прецедент рассматривался в качестве продукта, а затем и инструмента правовой практики англо-

американской правовой семьи, то современный мир правотворчества уже не способен отказать судье в праве «волить» в интересах будущих подобных случаев. Мера свободы волеизъявления такого правотворчества находится в стадии конструирования и на уровне теории и в практическом плане. Хотя как форма свободы волеизъявления судебного органа уже состоялась.

Таким образом, динамика форм, посредством которых в настоящее время представлена свобода волеизъявления как фактор правотворчества, очевидна. В качестве основной тенденции следует назвать как сближение представленных форм выражения свободы волеизъявления, так и наполнением новыми оценочными категориями, такими как мера. Это вполне объяснимо: по мнению профессора Ю.А. Тихомирова «в силу новых ситуаций в процессе действия права возникают явления и события, ранее находившиеся вне сферы правового регулирования» [5, с. 16]. Они позволяют выявить слабые стороны механизма правового регулирования, консерватизм и ошибки.

Действительно, в современной юридической науке отмечается возросший интерес к правотворчеству. При этом исследуются образцы деятельности правотворческих органов, соблюдение которых создает организационные предпосылки реализации идеала демократического волеизъявления в правовом государстве [6, с. 8]. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена также перспективами развития российской законотворческой традиции в условиях цифровизации, где очевидными становится ряд тенденций, касающихся именно динамики законотворческой деятельности [4, с. 12].

Список источников

1. Гессен В.М. Основы конституционного права. 2-е изд. Петроград, 1918.
2. Крупнова Т.Б. Морфология кризиса волеизъявления депутата фракционного парламента: тенденции и уроки // Кризисные явления в пра-

ве: теория, история, пути преодоления: коллективная монография / Сост. и ред. А.А. Дорская, В.А. Косовская, Н.И. Алексеева. СПб.: Астерион, 2021.

3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юрист, 2004.

4. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2.

5. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2015.

6. Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации российского законодательства // Журнал российского права. 2015. № 8.

Антонова Наталья Владиславовна

ЦИФРОВАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье раскрываются особенности динамики российского законодательства, регулирующего социально-трудовые отношения, в условиях цифровизации общественных отношений. Сделан вывод о необходимости принятия концептуальных решений по целому ряду конкретных вопросов в сфере социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения; работник; нетипичные формы занятости; трудовое законодательство

Промышленные и социальные революции венчают развитие человеческого общества со времен его возникновения. Такие революции следует встречать подготовленными и сознающими неизбежность реформ, которые «всегда являются справедливыми для своего времени как непрерывный естественный общественный процесс» [3, с. 7]. В этой связи отсутствует необходимость говорить о важности создания (в процессе реформирования) благоприятной правовой среды для существования и последующего развития социально-трудовых отношений, которые выступают основой многочисленных связей между людьми – главными субъектами такого взаимодействия. Особую актуальность приобрел дан-

ный вопрос в условиях пандемических ограничений, связанных с использованием цифровых технологий для удаленного труда работников [7, с. 2-3].

Под трудовыми отношениями (в более широком значении – социально-трудовыми отношениями) принято понимать отношения между трудом и капиталом, наемным работником и работодателем: отношения, которые обладают своей сложной внутренней структурой, но всегда формируются как продукт взаимного влияния их сторон, спроса и предложения на рынке труда [4]. При этом важно подчеркнуть, что рынок труда лишь начало таких отношений, поскольку сам процесс труда намного шире и многограннее. Он включает различные вопросы организации и нормирования труда, трудоустройства у конкретного работодателя, оплаты труда и учета рабочего времени, обеспечения условий и безопасности трудовой деятельности, страхования различных рисков жизни и здоровья работников и широкий перечень других вопросов.

С точки зрения правового оформления и внутренней структуры такие отношения всегда предполагают три базовых критерия (или критериальных признака трудового правоотношения) – личный, организационный и имущественный [5, с. 70]. Это выражается в подчинении работника «хозяйской власти работодателя», которая «не ограничивается правами работодателя как стороны трудового договора, а является правовым положением, занимаемым хозяином как главой предприятия, и сочетается с обязанностями, вытекающими из договора и закона...» [9, с. 28-29]. Так государство признает за работодателем, принявшим работника в свою организацию и обустроившим для него рабочее место, право устанавливать нормы поведения в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством о труде, и наделяет дисциплинарной властью, обозначая ее пределы по отношению к работнику путем императива социально-трудовых гарантий и контроля (надзора) за их исполнением. При этом работник, обладая соответствующими трудовыми правами и гарантиями, обязуется лично исполнять

обусловленную трудовым договором трудовую функцию и иные обязанности, исходя из своего правового положения.

Наличие и соблюдение перечисленных критериальных признаков трудового правоотношения, по верному замечанию российских исследователей, тяготеет к эпохе классического индустриального трудового права, сформированного в условиях второй промышленной революции, когда работодателями выступали крупные промышленники, которые предоставляли возможность для единовременного трудоустройства значительным по численности коллективам работников [5, с. 70-72]. Последние старались добиться реализации своих трудовых прав путем закрепления в законодательстве права на объединение в профессиональные союзы и коллективные переговоры.

Промышленные и социальные революции, поэтапная смена технологического уклада и формирование новой постиндустриальной среды, тем более цифрового общества [6], в корне изменили характер труда, сделали его более «партнерским и демократичным», привнесли договорные начала в трудовые отношения, изменили содержание труда в сторону индивидуализации и децентрализации. Как следствие труд становится более творческим, важность приобретает не процесс труда, а его результат.

В этих условиях появляются новые нетипичные формы привлечения к трудовой деятельности, занятость трансформируется в нестандартную и преимущественно неустойчивую. Среди форм неустойчивой занятости можно выделить такие формы привлечения к труду, как работа на основании договора о предоставлении труда работников (персонала) через частные агентства занятости, работа в интернет-приложении и на интернет-платформах (Crowdwork, Work-on-demand via apps и др.), что нередко не оформляется никакими соглашениями сторон такого взаимодействия, а также самозанятость. В итоге все большее число граждан оказывается в отношениях применения труда, которые не регулируются трудовым законодательством, то есть в отношениях, опосредованных гражданско-правовым договором либо отношени-

ях без соответствующего юридического оформления, когда по воле сторон отсутствует один из критериальных признаков трудового правоотношения (личный, организационный или имущественный).

Нетипичные формы занятости весьма привлекательны для работников в связи с появлением свободного времени на развитие творческого потенциала, что находит отражение в повышении уровня образования, формировании профессиональных и надпрофессиональных навыков, возможности совмещать несколько видов деятельности и улучшить свое материальное положение при одновременном снижении нуждаемости в различных социальных выплатах и пр. [2]

В то же время явные негативные сценарии чаще всего обусловлены частой сменой или потерей рабочих мест, что предопределено низкой степенью адаптации работников к изменениям структуры занятости и высокой степенью прекаризации или неопределенности относительно длительности занятости, ее негарантированностью и правовой незащищенностью [8, с. 93]. В новых формах привлечения к трудовой деятельности работники чаще обычного сталкиваются со снижением уровня социально-трудовых гарантий и отсутствием реальных правовых оснований для защиты своих трудовых прав, с различного рода дискриминациями, главным образом, по возрасту как старшего, так и молодого поколений.

Нетипичные договоры о труде или «квазитрудовые» договоры, когда речь идет не о выполнении работ, а чаще всего о предоставлении услуг, позволяют говорить и о новых субъектах таких отношений – предпринимателях и самозанятых, которые оказываются вне трудовых отношений и приобретают статус «квазирабочники». Такие лица представляют собой переходную группу от наемных работников к предпринимателям. С одной стороны, они испытывают преимущества работы в неформальном секторе, занимая положение «относительно свободного субъекта», с другой, – все недостатки нестандартных трудовых отношений (невозмож-

ность планирования, ненормированный рабочий день, произвол со стороны контрагентов и пр.) [1, с. 546]. Такие лица, как правило, вынуждены уступать потенциальным работодателям при нормальных условиях либо соглашаться на менее выгодные условия труда, меняя свой статус в пользу «квазиработника» и таким образом исключая себя из сферы действия норм трудового и социально-обеспечительного законодательства.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости модернизации российских норм законодательства о труде и социальном обеспечении в направлении распространения их на таких лиц. Однако введение подобной категории «работников» в законодательство о труде, расширение перечня форм и видов привлечения к труду, по верному замечанию российских специалистов и, в частности Т.Ю. Коршуновой, будет противоречить ряду концептуальных положений трудового права, поскольку работник – это всегда лицо, вступившее в несамостоятельные наемные отношения, подчиняющееся хозяйской власти работодателя [5, с. 74]. В то же время законодатель уже обладает достаточным правовым инструментарием для расширения социальных гарантий в отношении данной категории лиц, в частности, посредством предоставления таким лицам возможности добровольно уплачивать взносы на страхование от временной нетрудоспособности и по беременности и родам, возможно и потери трудового дохода, пенсионного страхования.

Нетипичная и неустойчивая занятость может затрагивать любого человека вне зависимости от формы его трудовых отношений с работодателем [8, с. 93], что было неоднократно подтверждено Международной организацией труда [10]. В настоящее время необходима выработка концептуальных направлений по: минимизации негативного влияния для сторон трудовых отношений результатов научно-технологического прогресса; недопустимости рисков ухудшения условий и оплаты труда; расширению социально-трудовых гарантий и возможностей для профессионального роста и развития работников; преодолению цифрового

неравенства и дискриминации; использованию новых методов воздействия на структуру рынка труда в направлении расширения новых форм и видов организации труда при сохранении традиционных для работников гарантий занятости и трудоустройства.

Список источников

1. Анисимов Р. И. Нестандартный труд: кто в выигрыше? Теоретико-методологический анализ подходов к изучению нестандартной трудовой занятости // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
2. Антонова Н.В. Динамика профессий (должностей) на рынке труда: современные вызовы «Индустрии 4.0» // Правовое обеспечение социальной справедливости в условиях цифровизации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во МосГУ, 2020. С.143-148.
3. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика: монография. М.: Юстицинформ, 2017. 280 с.
4. Гимпельсон В.Е., Шарунина А.В. Потоки на российском рынке труда: 2000-2012 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 19. № 3. С. 313-348.
5. Институт социальных пособий и компенсаций в Российской Федерации: генезис правового регулирования: научно-практическое пособие / отв. ред. Н. В. Антонова. М.: Проспект, 2021. 192 с.
6. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др.; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. - М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с.
7. Пашенцев Д.А. Особенности правового регулирования общественных отношений в условиях пандемии (теоретико-правовой аспект) // Российская юстиция. 2021. № 10.
8. Попов А.В., Соловьева Т.С. От прекаризации к неустойчивой занятости: теоретическое осмысление хрестоматийных понятий // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12.
9. Таль Л.С. Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия. М., 1915. 107 с.
10. Non-standard employment around the world: Understanding, challenges, shaping prospects // Geneva: ILO, 2016.

Астаева Марина Григорьевна

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЕ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЯ**

Аннотация. В условиях пандемии и цифровизации приобретают особую значимость нормы законодательства, регулирующие дистанционную работу. В статье проанализированы новые нормы трудового законодательства, показаны возможные направления их совершенствования с учетом современных тенденций развития общественных отношений.

Ключевые слова: дистанционная работа; трудовое законодательство; занятость; работник; работодатель

Коронавирусная инфекция стала новой реальностью, оказавшей значительное влияние на все сферы общественной жизни, включая сферу трудовых отношений. Работодатели вынуждены переводить своих работников на дистанционную или удаленную работу во избежание распространения вируса. Такой перевод (в обыденном понимании - «на дистанционку») носит временный характер, регламентированный органами федеральной власти или власти субъектов Российской Федерации. При этом влияние коронавируса нельзя считать единственной причиной постепенного перехода в дистанционный формат взаимоотношений в области труда. Развитие информационных технологий возрастает с каждым годом [3, с. 31], а вместе с ними медленными шагами меняется и формат занятости работников как в нашей стране, так и во всем мире.

Очевидным преимуществом дистанционной или удаленной работы можно назвать появление у работника свободного времени на развитие своего потенциала, что находит отражение в повышении уровня образования, формировании профессиональных и надпрофессиональных навыков [1], возможности совмещать несколько видов деятельности и улучшить свое материальное положение при одновременном снижении нуждаемости в различных социальных выплатах и пр. При этом для использования таких по-

зитивных сторон дистанционной или удаленной работы необходима соответствующая правовая регламентация нового формата занятости работников и его легализация.

В России в настоящее время данный вопрос регламентирован Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ). В соответствии со статьей 312.1. ТК РФ дистанционной (удаленной) работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования.

Отметим, что понятия «удаленная работа» и «дистанционная работа» считаются равнозначными. Оплата труда дистанционного работника не должна быть ниже, чем работа в офисе работодателя при обычных условиях. Это закреплено в статье 312.5 ТК РФ и является безусловной гарантией, защищающей права дистанционных работников в области достойной оплаты труда.

Применительно к дистанционной работе осуществление работником трудовой функции дистанционно на постоянной основе (в течение срока действия трудового договора) либо осуществление временно (то есть непрерывно в течение определенного трудовым договором или дополнительным соглашением к договору срока, но не более шести месяцев, либо периодически при условии чередования периодов выполнения работником трудовой функции дистанционно и периодов выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте) устанавливается либо в тексте самого договора либо в дополнительном соглашении к нему.

Анализ норм трудового законодательства дает представление о том, кого следует понимать под дистанционным работником (ч. 3 ст. 312.1. ТК РФ): это работник, заключивший соответствующий трудовой договор о дистанционной работе или дополнительное соглашение к трудовому договору, а также работник, трудовая функция которого осуществляется дистанционно в соответствии с локальным нормативным актом работодателя.

Говоря о нормах трудового законодательства о дистанционной или удаленной работе надо отметить, что нормы общего характера появились в ТК РФ сравнительно недавно. Глава 49.1. ТК РФ охватывает собой общие положения о дистанционной работе, ряд особенностей заключения, изменения и прекращения трудового договора о дистанционной работе, включая вопросы регламентации дополнительного соглашения к нему. В рамках главы 49.1 ТК РФ также находят отражение особенности взаимодействия между дистанционным работником и работодателем, особенности режима рабочего времени и времени отдыха, дополнительные гарантии по оплате труда и ряд новых положений, вступивших в силу с 1 января 2021 года об особенностях охраны труда на дистанционной работе, о дополнительных условиях прекращения договора с дистанционным работником и порядке его временного перевода на такую работу.

Последние изменения по большей части коснулись вопросов обеспечения работодателем дистанционного работника техническими средствами: компьютером, принтером, телефоном и пр., порядка временного перевода на дистанционную работу по инициативе работодателя без согласия работника в случаях природных катастроф, эпидемий и в других исключительных случаях, перечисленных в статье 312.9 ТК РФ.

Помимо перечисленного важным нововведением с 1 января 2021 года явилась норма о дополнительных основаниях прекращения трудового договора по инициативе работодателя, в частности речь идет о норме, позволяющей расторгнуть трудовой договор, в случае отсутствия взаимодействия без уважительной при-

чины дистанционного работника с работодателем более двух рабочих дней подряд, если иной порядок не установлен локальным актом (статья 312.8 ТК РФ). Кроме того, одними из важных вопросов является соблюдение прав и обязанностей дистанционного работника, в том числе охрана труда работников при дистанционной работе.

Отметим, что сегодня российское трудовое законодательство о дистанционной работе в части обеспечения работодателем прав на охрану труда дистанционных работников отстает от законодательства большинства развитых зарубежных государств и, главным образом, стран Европейского Союза [4, с. 49]. Можно говорить о необходимости изучения опыта ряда зарубежных стран, таких как Ирландия, Великобритания, Австрия, Бельгия и др., в части правовой регламентации вопросов охраны труда с целью наиболее благоприятного распространения на дистанционных работников норм трудового законодательства и развития института охраны труда в РФ. Например, в направлении возложения на работодателей обязанностей не только по ознакомлению с требованиями охраны труда, но и по обучению, проверке соответствующих знаний и требований в сфере охраны труда, расширению страхования таких работников, а также осуществлению оценки потенциального риска рабочего места.

Поскольку нормы о дистанционной работе в ТК РФ появились относительно недавно, они требуют уточнений в части организации дистанционной работы: контроля и оценки исполнения трудовой функции дистанционного работника, учета рабочего времени, времени отдыха, вопросов социального страхования и др.

Как справедливо отмечают российские специалисты, при дистанционной работе осуществление контроля со стороны работодателя затруднено и может быть достигнуто лишь с использованием сети «Интернет» [2, с. 83]. Полагаем, трудовое законодательство и дальше будет развиваться в заданном направлении по мере перехода к новому технологическому укладу, усложнению цифрового взаимодействия сторон трудового отношения. От-

дельного внимания заслуживает судебная практика по вопросам защиты трудовых прав дистанционных работников, которая в настоящее время в контексте исследуемых проблем только начала свое формирование.

Список источников

1. Антонова Н.В. Динамика профессий (должностей) на рынке труда: современные вызовы «Индустрии 4.0» // Правовое обеспечение социальной справедливости в условиях цифровизации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Т.А. Сошникова. –М.: Изд-во МосГУ, 2020. С. 143-148.

2. Брюхина Е.Р. Дистанционная (удаленная) работа как цифровой сегмент рынка труда: проблемы и перспективы // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 1.

3. Пашенцев Д.А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3.

4. Серегина Л.В., Астаева М.Г. Вопросы обеспечения прав на охрану труда при дистанционной работе в России и за рубежом: сравнительный аспект // Черные дыры в российском законодательстве. 2021. № 4.

Портнова Алена Андреевна

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19

Аннотация. Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 создало угрозу внутренней и внешней безопасности государства. Автором отмечается значительный рост дел, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, что обусловлено введением ограничений для предотвращения роста заболеваемости в стране. Так, например, на фоне всеобщей вакцинацией граждан Российской Федерации против инфекции актуальным стала подделка QR-кодов на сертификатах, отмечается значительный рост IT-преступлений.

Ключевые слова: чрезвычайное законодательство, короновирусная инфекция COVID-19, пандемия, вакцинация, сертификат, QR-код, мошенничество, подделка.

Согласно пп. «у» ст. 11 ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», введенному Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ, органы государственной власти субъектов РФ уполномочены вводить обязательные для граждан правила поведения в условиях «режима повышенной готовности». В ряде регионов был введен режим повышенной готовности [5].

Позже Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ № 316 от 11.05.2020 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», дающий право высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации вводить или отменять ограничительные меры в зависимости от эпидемиологической ситуации на подведомственных им территориях.

За нарушение санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнение санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий предусмотрена административная ответственность по ст. 6.3 КоАП РФ. Также Федеральным законом от 01.04.2020 N 99-ФЗ была введена в действие новая статья 20.6.1 КоАП РФ, которая предусматривает наложение административного штрафа на граждан в случае нарушения санитарно-эпидемиологических предписаний при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации.

Ситуация с привлечением к административной ответственности из-за нарушений ограничительных мер, вводимых в связи с распространением COVID-19 усложнена отсутствием сформиро-

вавшейся судебной практики по данному вопросу, что дает возможность для правоохранительных органов толковать законодательство в своих незаконных интересах. Ряд вопросов привлечения к административной и уголовной ответственности в чрезвычайных условиях требуют детальной научной проработки, с учетом правоприменительной и судебной практики.

Отмечается рост мошеннических действий, связанных с распространением инфекции COVID-19. Так, на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей можно найти перечень актуальных в настоящее время видов мошенничеств [3]. В перечень включены предложения по сбору платного анализа и предложения вакцинироваться на дому с последующей квартирной кражей. Рассылка ложных сообщений о необходимости оплатить штраф за нарушение карантина. Пользуясь вынужденной удаленной работой в период пандемии, мошенники предлагали рабочие места с покупкой обучающего материала. И это лишь часть ковидных способов мошеннических действий.

Одной из основных мер по сдерживанию роста заболеваемости в субъектах Российской Федерации стало обязательное оформление, и использование цифровых пропусков для передвижения по территории города, а также использование QR-кодов, содержащих в себе информацию о вакцинации от новой коронавирусной инфекции. Необходимость получения пропусков и сертификатов вызвали многочисленные вопросы о правомерности принятых мер, в том числе возникла ситуация, связанная с подделкой пропусков и сертификатов в целях их использования или сбыта.

По российскому законодательству за приобретение, хранение и использование заведомо поддельных официальных документов, которые предоставляют права или освобождают от обязанностей, предусмотрен штраф, принудительные работы или лишение свободы на определенный срок. Не стоит забывать, что санкции применяются и к должностным лицам, которые подделыва-

вают сертификаты о вакцинации. Так сотрудниками полиции во втором полугодии 2021 года было возбуждено 503 уголовных дела по факту изготовления и продаже фальсифицированных сертификатов о вакцинации, QR-кодов, результатов ПЦР-тестов, а также поддельных медицинских справок, дающих право не проходить данную процедуру [4].

Остановить рост противоправного поведения в вопросах подделки сертификатов о прививке от коронавирусной инфекции COVID-19 возможно путем разработки и применения специальных мер, направленных на ужесточение контроля за процедурой вакцинации, и проверку подлинности выданных сертификатов. Наиболее продуктивным методом стала блокировка сайтов с предложениями об приобретении поддельных сертификатов о вакцинации. Так 30 декабря 2021 года Президент Владимир Путин подписал закон о поправках, касательно досудебного ограничения доступа к сайтам с предложениями приобрести поддельные документы, предоставляющие право или освобождающего от обязанностей.

В России нет открытой официальной статистики по вакцинации. Однако, существует единый федеральный регистр вакцинированных от COVID-19 [6]. И хотя, содержащаяся на портале информация без специального разрешения не отображается, но наши персональные данные находятся в зоне риска на фоне роста IT-преступлений. Продавцы поддельных сертификатов о прививке могут получить от покупателя множество личных данных, не имеющих отношения к вакцинации, что так же сталкивает нас с проблемой несанкционированного распространения персональных данных в различных сферах.

На фоне роста количества IT-преступлений из-за пандемии в России были созданы специальные подразделения по борьбе с кибермошенничеством [1], но данная проблема остается актуальной и по сей день. Требуется масштабная кооперативная работа государственных и правоохранительных органов, коммерческих и некоммерческих организаций, научного сообщества, активное взаи-

модействие с международными партнерами по созданию многоуровневой институциональной системы кибербезопасности [2].

Вопросы обработки и защиты персональных данных регламентирует Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», а конкретные меры защиты описывает Приказ ФСТЭК РФ от 18.02.2013 № 21 «Об утверждении состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных». Однако, из-за быстро развивающегося информационного пространства необходимо постоянно корректировать правила предоставления персональных данных, их хранения, а также условия доступа к ним в различных областях.

Из-за необходимости в самоизоляции для предотвращения дальнейшего распространения инфекции с 1 января 2021 года Федеральным законом №407-ФЗ от 08.12.2020 «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части регулирования дистанционной (удаленной) работы» были внесены важные изменения, регулирующие порядок временного перевода по инициативе работодателя на дистанционную работу в исключительных случаях. Однако, в целях предотвращения нарушений прав работников, требуются уточнения в части рабочего времени, организации труда работника в удаленной среде, способов контроля качества труда и процедур наложения дисциплинарного взыскания и увольнения. Так, например, вопросы рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника на практике их применение намного сложнее и требует дополнительного внимания.

Еще одной проблемой является особенность в регулировании охраны труда при дистанционной (удаленной) работе. Законодатель устанавливает минимальные требования к работодателю по обеспечению безопасных условий и охраны труда дистанционных работников, специальной оценки рабочего места и условий труда не проводится.

Пандемия COVID-19, и вводимые в связи с этим ограничения, стали серьезным испытанием для нас всех. Сейчас в период борьбы с последствиями пандемии самое подходящее время для исследования проблемных аспектов правового регулирования организационно-правовой деятельности учреждений и органов, обязанных осуществлять специальные виды деятельности в период действия чрезвычайного законодательства. Появляется возможность выявить наиболее важных проблем их деятельности, как существующими в настоящее время, так и с теми, которые могут возникнуть в будущем.

Список источников

1. В СК создали подразделение для борьбы с киберпреступлениями // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/956157/2019-12-19/v-sk-sozdali-podrazdelenie-dlia-borby-s-kiberprestupleniiami> (дата обращения: 14.02.2022 год).

2. Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. №8. С. 46–50.

3. Об основных видах мошенничества, связанных с распространением коронавирусной инфекции // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: [сайт]. – Москва, 2022 – URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 15.02.2022 год).

4. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/26742852> (дата обращения: 14.02.2022 год.).

5. Справочная информация: «Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349932/ (дата обращения: 15.02.2022 год.).

6. Федеральный регистр вакцинированных // Министерство здравоохранения Российской Федерации: официальный сайт. – Москва, 2022 – URL: <https://vaccine.egisz.rosminzdrav.ru> (дата обращения: 15.02.2022 год).

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ АНТИКРИМИНАЛЬНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ
КАК МЕТОД ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Аннотация. Преступность имеет множество детерминант, перечень которых, как представляется, до конца не определен. При этом безусловно то, что на уровень преступности влияют психосоциальные факторы, в частности, психическое состояние субъекта преступления, а также состояние жертвы. Учет психического состояния субъекта преступления весьма важен. Разрешить задачу, выраженную в необходимости осуществлении контроля состояния субъекта преступления представляется возможным путем применения метода лингвистического антикриминального программирования, в частности, в рамках предупреждения распространения преступности.

Ключевые слова: предупреждение преступности, лингвистическое антикриминальное программирование, субъект преступления, жертва преступления, общая превенция, виктимность

В рамках уголовного дела на субъекта преступления со стороны государства на постоянной основе оказывается психологическое воздействие: при задержании, допросах, предъявлении обвинения, проведении иных следственных действий. Причем такое воздействие может принимать как положительный, так и отрицательный оттенок. Здесь следует отметить, что психологическое воздействие не есть психологическое принуждение, однако в рамках воздействия определенно происходит реформирование психического состояния субъекта преступления.

Воздействие на субъекта преступления со стороны государства (органа следствия) может выражаться во множестве действий. Например, путем избрания той или иной меры пресечения, путем сообщения вероятного размера наказания, перечня смягчающих и отягчающих обстоятельств, условий заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, то есть условий взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, представляется, что инструментов воздействия на субъект преступления в целом немало, однако имеются

сомнения в том, что их применение приносит ожидаемые результаты. Основанием таких сомнений является, в частности, не спадающий уровень преступности в период с 2015 по 2020 год: в 2015 году зарегистрировано 2 388 476 преступлений; в 2016 году - 2 160 063 преступления; в 2017 году - 2 058 476 преступлений; в 2018 году - 1 991 532 преступления; в 2019 году - 2 024 337 преступлений; в 2020 году - 2 044 221 преступление; возрастающий уровень рецидивной преступности; снижение доли раскрытых преступлений в общей массе зарегистрированных. [1]

А если государство старается осуществить максимально качественное преследование субъекта преступления, при этом показатели уровня преступности практически не меняются (здесь следует учесть, что естественная убыль населения к 2021 году, согласно данным Росстата, достигла более 700 000 человек), то следует задуматься, как минимум, об иных методах борьбы с преступностью, в том числе, путем психического воздействия на потенциального субъекта преступления, а также на потенциальную жертву преступления и даже очевидца. Необходимо осуществлять борьбу с преступностью не только «внутри» уголовных дел», но и вне отделов полиции. Немаловажную роль в борьбе с преступностью играет организация предупреждения распространения преступности.

Так, профессор С. У. Дикаев в своих трудах указывает на то, что в рамках предупреждения преступности необходимо задействовать возможности различных институтов: семьи, где происходит становление личности, школы, высшего учебного заведения, где протекает процесс дальнейшей социализации личности. [2]

Профессор К. В. Вишневецкий указывает на необходимость выявления виктимогенных детерминант преступности, на целесообразность проведения исследований среди виктимных групп населения с целью снижения уровня виктимности. [3]

Профессор Н. Д. Гомонов указывает на биологические детерминанты преступности, которые необходимо продолжать ис-

следовать, используя полученные данные, в том числе, с целью предупреждения, прогнозирования преступности. [4]

Таким образом, на сегодняшний день имеется масса рациональных предложений для улучшения ситуации с распространением преступности. Но останавливаться на поиске новых методов предупреждения, конечно, недопустимо.

Так, методом, способным занять отдельное место в процессе превенции, может явиться лингвистическое антикриминальное программирование (ЛАП, термин вводится автором), функция которого, думается, должна заключаться в убеждении потенциального субъекта преступления, потенциальной жертвы, а также свидетеля преступления путем демонстрации специально сформированного текста занимать просоциальную позицию в определенных условиях. Цель ЛАП должна заключаться в минимизации риска совершения преступления или последствий преступления совершенного.

Идея, положенная в основу лингвистического антикриминального программирования, как представляется, активно реализовывалась в советское время, посредством распространения плакатов с такими лозунгами как: «Наше условие – долой сквернословие», «Из рабочей гущи выгоним пьющих», «Как работал, так и заработал», «Вон дармоедов с тепленьких мест! Кто не работает, тот не ест!», «Хулигана к ответу». Например, один из наиболее известных исследователей политического плаката Ф. Кэмпфер отмечал, что в других странах «плакат играл на политическом поле лишь эпизодическую роль». Лишь в Германии и СССР плакат был «средством управления массами». [5]

В настоящее же время, как представляется, искусство плаката на территории России недооценено, недооценена его социальная функция. Листовки или плакаты, не превышающие размера А4, посвященные в основном борьбе с коррупцией и наркоторговлей, возможно встретить лишь на территории отделов полиции и в кабинетах особо идеологически настроенных сотрудников правоохранительных органов.

Необходимо возвращать социально направленные баннеры, плакаты, листовки на улицы городов, оформлять их таким образом, чтобы они обращали на себя внимание, убеждали наблюдателя занять просоциальную позицию, избежать вероятности как совершить преступление, так и стать жертвой преступления, а также сообщить о преступлении в случае его обнаружения.

Слово способно воздействовать на психическое состояние субъекта, реформировать такое состояние, как негативно, так и позитивно. Посредством слова точного, уместного, яркого возможно организовать превенцию, причем пассивную, затрачивая человеческий ресурс минимально, насколько это возможно.

Следует освободить определенные общественные зоны от переизбытка рекламных плакатов и афиш в пользу плакатов, способных не только повышать гражданскую ответственность, но и правовую грамотность субъекта, что весьма важно для общества, желающего развиваться и быть конкурентоспособным.

Список источников

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики : сайт. – Москва, 2022. – URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 13.02.2022).
2. Дикаев С. У., Гасанов Р. С. Предупреждение преступлений как функция и задача уголовного закона // Вестник СЮИ. 2015. С. 30-33.
3. Вишневецкий К. В. Программирование виктимологического предупреждения преступности // Общество и право. 2019. № 1 (67). С. 33-38.
4. Гомонов Н. Д. Нейрокриминология: прогнозирование и предупреждение насильственной преступности // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 95-99.
5. Николаева М. Ф. Советское плакатное искусство как материал для культурологического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Том I. С. 323-326.

Раздел 3

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Азизода Убайдулло Абдулло

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования советского права и характерные черты формирования и развития уголовного права в Таджикистане. Проанализированы особенности применения уголовно-правовых норм и правовых актов, имеющих уголовно-правовой характер, принятых верховными органами государственной власти нового Советского государства, на территории Таджикистана. Показано влияние уголовного права на правовое поведение в историческом аспекте.

Ключевые слова: советское право, советское уголовное право, контрреволюционные преступления, институты преступления и наказания, государственные карательные органы

Уголовное право представляет собой важное средство регулирования правового поведения. С помощью правовых норм, которые содержатся в источниках уголовного права, представляется возможным воздействовать на поведение участников общественных отношений, заниматься противодействием развитию крайних форм противоправного поведения. В этом отношении представляет интерес тот историко-правовой опыт, который был накоплен в Таджикистане в советский период, когда с помощью норм уголовного права удавалось в существенной мере корректировать правовое поведение граждан.

В результате проведенного национально-государственного размежевания, на территории Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных советских республик были образованы Узбекская и Туркменская советские социалистические республики, Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика, Киргизская и Каракалпакская автономные области.

На основе договора об образовании Союза ССР и Конституции СССР 1922г., общесоюзный законодательный орган должен был разработать и принять общесоюзное уголовное законодательство. И уже 31 октября 1924 г. в СССР были утверждены Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, которое сыграли огромную роль в развитии республиканских уголовных законов [10, с. 207].

Именно на основе указанного нормативно-правового акта, 16 июня 1926 г. на 4-й сессии ЦИК Советов первого созыва Узбекской ССР был принят Уголовный кодекс (УК) этой республики. С 1 июля того же года кодекс был введен в действие и на территории Таджикский АССР [7, с.69-125]. До этого здесь уголовно-правовые отношения регулировались Уголовным кодексом РСФСР 1922 г.

Наряду с вышеназванными правовыми актами на территории Таджикистана действовали и нормативно-правовые акты, принятые Ревкомом, а затем ЦИК и СНК Таджикской АССР и предназначенные для регулирования отдельных отраслей жизни республики.

В первые годы становления и развития советского уголовного права в Таджикистане определяющее значение имело укрепление советской власти и права на большей части республики. Как известно, в период проведения национально – государственного размежевания и образования Таджикской АССР в регионе все еще оставалось много сторонников восстановления эмирского государственного строя, которые всячески пытались препятствовать образованию таджикской государственности. Вдобавок к этому на территории центральных и южных районов Таджикистана продолжали бесчинствовать басмаческие банды и другие преступные группировки, которые мешали функционированию государственных органов и спокойному развитию таджикского общества [13, с.72]. Свою роль в сложении такой ситуации играли и противники советского государства, которые планировали военную интервенцию и гражданскую войну в Средней Азии и пытались поддержи-

вать противников советского строя вооружением и человеческими ресурсами.

С учетом всего этого государственные органы Таджикистана продолжали принимать соответственно военному положению уголовно-правовые нормы. Излагались они в виде обращения и призывах ко всем трудящимся Таджикистана, в декретах и постановлениях правительства. Самым распространённым в тот период развития института преступления было объявление определенных лиц врагами советского государства, врагами народа. Например, с целью усиления карательной политики против басмачества и его пособников, первый съезд Восточной Бухары принял постановление, в соответствии с которым все лица, тем более представители советской власти и другие советские работники, амлякдары, аксакалы, амины, связанные так или иначе, прямо или косвенно с басмачеством и выполняющие какие бы то ни было приказы басмачей, объявлялись врагами советского государства и народа [4, с.51]. Преступлениями признавались и злоупотребления по службе, и нарушение законов, приказов и положений советского правительства представителями власти, халатное или недобросовестное отношение к исполнению своих обязанностей [4, с.51-52].

В истории советского государства 20-30 – е годы считаются периодом индустриализации и становления советского уголовного права. Именно в это время были приняты многочисленные уголовно-правовые нормы, которые вполне отвечали и требованиям и условиям таджикского общества. Эти нормы и стали основанием формирования советского уголовного права Таджикистана. Постепенно уголовное законодательство республики пополнялось новыми нормами, направленными на защиту социалистического государства и его правопорядка, охрану социалистической собственности, защиту прав и интересов советских граждан и т.д.

С целью вовлечения населения национальных республик в процессе социалистического строительства, в советском государстве, в том числе в Таджикистане были приняты многочисленные нормативно-правовые акты по амнистированию. И это имело свое объяснение. Например, в Таджикистане некоторая часть населе-

ния, запуганная басмачами, помогая им, и даже участвовала в боевых действиях на их стороне.

В решениях первого съезда Советов Восточной Бухары от 2 сентября 1924 г. указывалось, что все рабочие и дехкане, состоявшие в рядах басмаческих банд в качестве рядовых джигитов и даже курбашей и их пособников, добровольно сдавшиеся советской власти, освобождаются от каких бы то ни было преследований и им гарантируются полная свобода и неприкосновенность. Лица же, не сдавшиеся и продолжавшие преступную деятельность, были объявлены врагами народа и подлежали беспощадному преследованию и наказанию [15; 4, с.52].

Карательная миссия уголовного законодательства рассматриваемого периода была направлена не только против контрреволюционеров и басмачей, но и против всех лиц, совершивших другие виды преступлений и посягающих на ценности, находившиеся под охраной уголовного права. Самыми опасными преступлениями в то время считались те преступления, которые посягали на нормальное функционирование государственной власти, должностные преступления, преступления против жизни и здоровья, преступления против государственной общественной собственности и личных имущественных прав граждан и т.д.

В 1925 г. на территории Таджикистана еще сохранялись басмаческие банды, действовавшие в основном в центральных и южных районах. В связи с этим 7 декабря 1924 г., 5 февраля 1925 г. и 26 января 1926 г. Ревком Таджикской АССР обратился с воззваниями к трудящимся Таджикистана, в которых он призывал всех к решительной борьбе с басмачеством [4, с.71].

Согласно постановлению Революционного комитета Таджикской АССР, карательным органам предоставлялось право репрессии вплоть до применения смертной казни в отношении лиц, участвующих в преступных басмаческих организациях, лиц поставщиков им оружия и помогающими им другими способами.

Еще одним источником по уголовному праву была Инструкция по проведению мер карательной политики, [15; 12, с. 457] которая регулировала взаимоотношения всех органов, имеющих ка-

рательную функцию, определяла круг лиц, ответственных за совершение определенных деяний, особенно связанных с басмачеством. В Инструкции был предусмотрен перечень наказаний, подлежащих применению по отношению к лицам, совершившим определенные преступные деяния. В ней же закреплялось положение об уголовном преследовании в отношении таких лиц, как: а) басмачи, захваченные с оружием в руках; б) басмачи, захваченные без оружия; в) снабжающие басмачей оружием и патронами и скупающие для них таковые через посредников; г) добровольно снабжающие шайки фуражом и продовольствием; д) занимающиеся шпионажем в пользу басмачей; е) сообщающие органам власти и частям Красной Армии заведомо ложные сведения о басмачах; ж) состоящие на государственной или общественной службе и имеющие связи с басмачами; з) помогающие басмачам в поддержании их связи с границей; и) доставляющие для басмачей из-за рубежа оружие и огнеприпасы.

В Инструкции предусматривались следующие виды наказаний: а) высылка из пределов местожительства; б) высылка с полной или частичной конфискацией имущества; в) тюремное заключение; г) высшая мера наказания (расстрел).

Сильное сопротивление у таджикского населения вызвала политика советской власти, направленная на борьбу против феодального быта и на раскрепощение женщин. Принцип равноправия по признакам пола категорический отвергался мусульманским правом, и это создало свои проблемы.

Между тем ЦИК СССР в своём обращении от 13 февраля 1925 г. «О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-бытовой» призывал население всех среднеазиатских республик к соблюдению равноправия женщин наравне с мужчинами [10, с.211-212].

В итоге в уголовное законодательство были введены многочисленные нормы, имеющие целью распространение и воплощение в жизнь правовых принципов советского государства. Эти нормы были направлены против раскрепощения женщин, уплаты

калыма (выкуп за невесту), принуждения женщины к вступлению в брак, многоженства, выдачи замуж малолетних девочек, против посягательства на личность и достоинство женщины, воспрепятствования женщине посещать школы, клубы и другие культурно-просветительные учреждения и т.д. [1, с.12-13; 14, с. 12-15].

Так в ст. 274-б УК Узбекской ССР говорилось о том, что противодействие мероприятиям Советской власти по освобождению от всяких видов закрепощения на почве религиозных и бытовых предрассудков, выражающихся в убийстве освобождающейся от означенного закрепощения женщин или причинении ей телесных повреждений, или в учинении насилия над ее личностью – влекло за собой лишение свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией, а при отягчающих обстоятельствах назначалась высшая мера наказания. Также криминализировалась уплата калыма (выкуп за невесту), за что предусматривались наказание в виде лишения свободы или принудительные работы на срок до одного года.

Поскольку на территории Таджикской АССР продолжали существовать преступные организации и лица, недовольные новым режимом государственности, 25 февраля 1927 г. ЦИК СССР принял Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступления против порядка управления) [10, с.220-225].

Из всего вышеизложенного следует, что фундаментальными базовыми источниками, на котором зиждилось уголовное право Таджикистана, были декреты, обращения и призывы ко всем трудящимся, а также законодательные акты СССР, РСФСР, также акты принятыми органами ЦИК Туркестанской АССР и Узбекской ССР, БНСР, ЧКД, ЦИК Восточной Бухары, Ревкома и ЦИК Таджикской ССР.

5 декабря 1929 г. состоялась вторая сессия ЦИК СССР, которая поддержала выход Таджикской АССР из состава Узбекской ССР и непосредственное вхождение ее в состав СССР.

Таким образом, изучение развития уголовного права Таджикистана в данный период показывает, что, помимо преступлений

имеющих бытовой характер, в уголовном законодательстве республики указывались и такие преступления, как террористические акты, направленные против представителей власти, активистов крестьян и дехкан, передовых женщин, должностные преступления и преступления против развития социалистической хозяйственной деятельности.

Список источников

1. Арипов Д.С. Борьба с преступлениями, составляющими пережитки феодального быта и некоторые вопросы квалификации. Душанбе : Изд-во Тадж. гос ун-та, 1962. 48с.

2. Муллаев М.М. История уголовного права Таджикской ССР. Сталинабад : Изд-во Тадж. гос. ун-та, 1960. Ч.1. 159 с.

3. Сборник кодексов Узбекской ССР. Ташкент, Б/г. С. 69-125.

4. Систематическое собрание действующих законов Таджикской ССР. Сталинабад, 1932. Ст. 827.

5. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952. С. 220-225

6. Сборник законов Таджикской ССР, Указов и Постановлений Президиума Верховного Совета Таджикской ССР (1938-1952 гг.). Сталинабад. 1954. 411 с.

7. Тахиров, Ф.Т. История государства и права Таджикистана (1917-1929 гг.). Душанбе: Амри илм, 2001. Т. 2, ч. 1. 494 с.

8. Фаньян, Д. К истории советского строительства в Таджикистане (1920-1929 гг.): сб. док. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1940. 212 с.

9. Хасанов С.Х. Советское социалистическое право и коммунистическая нравственность в борьбе с преступлениями, составляющими пережитки феодального быта (по материалам Таджикской ССР): автореф. дис. ... к.ю.н: 12.00.01. Душанбе, 1973. 21 с.

10. ЦГА РТ, ф.9, оп. 1, д. 71а, л.9; ф. 386, оп. 1, д. 95, л. 79. ЦГАОР МВД Таджикской ССР, ф. 3., оп. 1, д. 9, л. 3-5, Там же, ф. 9, оп. 2, с. 265, л. 8-14, 4-7, д. 97, л.2.; ЦГА РТ ф.9, оп.1, д.23, л. 70.

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗЦОВ ПОВЕДЕНИЯ В НАГРАДНОЙ
ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение»

Аннотация: В статье анализируется наградная политика государств постсоветского пространства, отражающая, какие образцы поведения вызывают со стороны государства и общества поощрение. Показано, что использование наград, появившееся ещё в эпоху крестовых походов, получило научное обоснование в политико-правовой теории во второй половине XVIII века, и если сначала развивалось как противоположность наказанию, то затем превратилось в самостоятельное направление государственной политики. На примере системы орденов бывших республик Советского Союза выявляются государственные и общественные ценности, отражающие современный этап переживания истории и демонстрирующие те поведенческие примеры, которые имеют воспитательный характер. Раскрываются некоторые противоречия в наградной политике стран, свидетельствующие о неоднозначной оценке определённых исторических событий, носящих травмирующий характер, и продолжении их осмысления.

Ключевые слова: наградная политика, образец поощряемого поведения, ордена, медали, почётные звания, переживание истории

Наградная политика представляет собой системную, последовательную, обоснованную деятельность субъектов политической системы общества, направленную на выработку стратегии, созданию механизмов правового регулирования по учреждению и использованию наград как эффективного средства управления и стимулирования к социально полезной деятельности. Она является одной из форм официального отношения к прошлому и конструирования настоящего и будущего [2, с. 390].

Поощрительные практики использовались ещё в Средневековье. Так, награждение орденами появилась ещё в эпоху крестовых походов и символизировало принадлежность к определённой

группе людей, связанных общим обетом. Позже, в эпоху Возрождения, они превратилась в символ признания заслуг и приближённости к монарху. Со второй половины XVIII века данная проблема стала объектом внимания юристов. Например, И. Бентам в 1780-е гг. написал целый трактат «Теория наград» [3]. Причём если сначала учёные обращали внимание на поощрения как противоположность наказанию, то постепенно награды превратились в самостоятельное направление государственной политики и отражали определённые этапы развития общества.

Функции наградной политики называются различные: поддержание идеологических установок государства, фиксация выдающегося исторического события или его юбилея, побуждение к полезной деятельности, моральное поощрение определённых образцов поведения.

Наградная политика каждого государства основывается на определённых принципах. Так, в процессе её разработки в Российской Федерации были сформулированы:

- отказ от учреждения орденов, увековечивающих память руководителей страны, что соответствует дореволюционной российской наградной традиции;

- связь наград с духовным подвигом – посвящение орденов Святому апостолу Андрею Первозванному, Святому Георгию, Святой великомученице Екатерине;

- чёткая иерархия государственных наград, установленная Положением о государственных наградах Российской Федерации, утверждённым Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099;

- возможность совершенствования наградной системы Российской Федерации;

- преемственность в отношении дореволюционной наградной системы России и в меньшей степени советской. В частности, в статуте ордена Святого апостола Андрея Первозванного, который ввёл Пётр I, отмечалось, что «никакие точные заслуги не определяются законом для достижения сего ордена и удостоверение оным зависит единственно от Монаршего внимания к службе и отличии»

ям высших чиновников государственных». В Статуте ордена Святого апостола Андрея Первозванного Российской Федерации говорится об исключительных заслугах, способствующих процветанию, величию и славе России, государственных и общественных деятелей;

- значительное количество орденов, увековечивающих память полководцев и военачальников: Александра Невского, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова, П.С. Нахимова, Г.К. Жукова;

- признание юбилейных медалей Российской Федерации отдельным видом наград, не относящимся к государственным наградам Российской Федерации.

Таким образом, поощряемыми образцами поведения являются: деятельность, направленная на развитие, процветание и прославление страны, духовный подвиг, воинские заслуги, не имеющие привязки к идеологии конкретного исторического периода, связывающие эпохи и поколения.

В ряде республик постсоветского пространства главные ордена посвящены историческим деятелям далёких эпох, олицетворяющих сильное государство. Так, в наградной системе Узбекистана, установленной законом № 176-І от 22 декабря 1995 года «О государственных наградах» в редакции 2018 г., есть орден «Амир Темура», которым могут награждаться как граждане республики, так и иностранцы за особый вклад в укрепление государственной, укрепление межгосударственного сотрудничества, мира и дружбы между народами, а также за развитие зодчества, науки, литературы и искусства (в том числе военного). Интересно, что среди заслуг Амира Темура (Тамерлана), известного, прежде всего, как грозного завоевателя в XIV – начале XV вв., на первое место выдвигаются не военные, а созидательные, способствующие укреплению и процветанию государства.

Ещё одним примером поощряемого образца поведения является борьба за независимость своей страны. Например, в наградной системе Молдовы, установленной законом № 1123 от 30.07.1992 г. «О государственных наградах Республики Молдова»,

среди орденов один посвящён Богдану-основателю – первому независимому правителю Молдовы в XIV веке, а другой – Стефану Великому, который в XV-начале XVI вв. в течение 47 лет своего правления отстаивал независимость Молдавского княжества. Важное место в наградной системе Украины занимает орден Богдана Хмельницкого. Эта историческая личность почитается как на Украине, так и в России, поскольку именно с этим именем связано национально-освободительное движение в середине XVII века, целью которого было освобождение от польско-литовского владычества. Результатом этой борьбы стало присоединение Левобережной Украины к России и окончательное освобождение от влияния Речи Посполитой.

В апреле 1995 г. по поводу учреждения данного ордена в парламенте Украины развернулась бурная дискуссия, однако 3 мая того же года Президент Украины подписал соответствующий указ. 30 января 2004 г. была принята новая редакция Устава Ордена Богдана Хмельницкого. Им награждают граждан Украины за особые заслуги в защите государственного суверенитета, территориальной целостности, в укреплении обороноспособности и безопасности страны [1].

Таким образом, наградная политика, её юридическое оформление отражают главные ценности государства и определяют для общества и его членов те образцы поведения, которые имеют значимость, и, соответственно, поощряются.

Список источников

1.Никольченко Юзеф М. Казачество в контексте наградной политики Украины // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Філософія, культурологія, соціологія. 2011. № 1. С. 93-99.

2.Пашенцев Д.А. Наука истории государства и права в условиях постнеклассической научной рациональности // Правоприменение в публичном и частном праве. Материалы Международной научной конференции. Омск, 2021. С. 389-392.

6. Bentham J. Theorie des recompenses. Oeuvres. Bruxelles, 1840. Vol. 2.

К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ МОДЕЛЕЙ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ
СТАНОВЛЕНИИ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО ПРАВОПОРЯДКА НА
РУБЕЖЕ ВЕКОВ (XIX-XX и XX-XXI ВВ.)

Старые японские художники в своих мастерских на гравюрах по дереву любили изображать знаменитую гору Фудзи, одну из национальных (и мировых) живописнейших жемчужин. Искусство современного фотографа может представить ее нам в ином обличье. Впечатления разные. Но гора та же самая.

Д.Г. Вигмор. [35, р. 525]

Аннотация: В статье на фоне принятия в 2020 г. в КНР Гражданского кодекса, предпринята попытка рассмотреть правовое поведение и его нормативное моделирование сквозь призму правопорядка, конструируемого в Восточной Азии на рубеже XIX-XX вв. в ведущих державах региона – Японии и империи Цин. Автором отмечается, что на волне первой глобализации политические элиты этих государств осуществили грандиозную модернизацию своих государственных институтов и правовых систем. Делается вывод о том, что значение исследованных в статье трансформаций права, правопорядка и через них – правового поведения, заключается во многом в той идеологической компоненте, которую законодатель вкладывает в принимаемые им нормативные правовые акты.

Ключевые слова: модель правового поведения; правопорядок; Восточная Азия; Китай; Япония; правовая система; континентальное право

Модель правового поведения, заложенная в норме права, всегда зависела не только от менталитета народа и традиций государственно-правового развития, но и во многом определялась тем геополитическим пространством, в пределах которого существовало государство: заимствовать у соседей и делиться с ними своими достижениями с давних времен было не только проще, но и целесообразней, поскольку однотипность гарантирует восприятие.

Так принятый в 2020 г. и вступивший в законную силу 1 января 2021 г. Гражданский кодекс КНР, несмотря на его в целом стандартную для континентальной парадигмы структуру и содержание, существенно влияет на устоявшийся в этой стране право-

порядок, закрепляя на законодательном уровне переход к рыночной экономике и формируя связанные с этим ценностные установки, которые в малой степени повлияют на нынешнее поколение 40+, однако имеют шанс в значительной мере повлиять на правосознание китайской молодежи в сторону либерализации ее взглядов, по крайней мере, той ее части, которая получает юридическое образование.

И это не удивительно, поскольку на протяжении всей истории с момента полноценной кодификации, осуществленной в первые годы прихода к власти династии Тан (627-907 гг.), китайская имперская правовая традиция оказывала заметное влияние как сознание и поведение своих подданных, так и на японское [13, с 3-4], корейское [21, р. 15, 31], вьетнамское [26, 27] и монгольское [1, с. 29-33] право, а через него – на поведенческие и ценностные аспекты подданных этих государства. Отчасти данное обстоятельство может служить подтверждением справедливости выделения семьи дальневосточного права, робко обрисованной некоторыми исследователями во второй половине XX в. [7, с. 437-462; 11, с. 198-208, 321-333; 15, с. 428-447] Особенность китайской имперской модели правового поведения на этом этапе было его регулирование относительно малым количеством нормативных правовых актов, которые, в большинстве своем, носили объемный кодифицированный характер, содержали четкие критерии правомерности и неправомерности, дополняемые нормами конфуцианской морали, обычаями местностей проживания и спецификой практики чиновников в области отправления правосудия, формирующих разветвленный государственный аппарат без четкого обособления судебных институтов.

На изломе эпох первая волна глобализации показала властителям этих государства, что мир куда многообразней и в то же время доступней, чем казалось до этого. В том числе и в области права. Поэтому ведущие державы Восточной Азии, открыв свои границы для иностранцев, оказались перед выбором: сохранить

свой правопорядок или трансформировать его, заимствовав лучшее, но сохраняя основы. И выбор этот был сделан правильно.

Процесс заимствования у западных государств способов обеспечения правопорядка включал не только право. Он касался государственного аппарата, где формировалась самостоятельная и профессиональная судебная власть; затрагивал вопрос видов и иерархии источников права; усиливал роль государства в тех сферах, которые обычно имели значительный сегмент саморегулирования – семейные отношения, торговля и т.п.; наконец, он позволил сформировать класс юристов – специалистов, профессионально познающих и применяющих право, чего раньше никогда не было.

В этом ракурсе трансформацию моделей правового поведения, их адаптации и внедрения в свою правовую систему и свой правопорядок удобнее всего рассмотреть на примере отраслей частного права – нового сегмента правопорядка. Оговоримся сразу, что в странах восточноазиатского региона не было деления права на публичное и частное в связи со всепоглощающей ролью двух основных социальных институтов: государства и семьи. Отношение к государству и его чиновникам, в которых, в отличие от традиционного российского менталитета, когда едва ли не каждый государственный служащий ассоциируется со злоупотреблениями, хамством, взятками и прочими нелицеприятными сюжетами, чиновник китайский, например, – это благодетель, осуществляющий самую сложную, но и самую почетную работу [10, с. 64]. В то же время государство не всегда было главнее и важнее семьи, как и нормы права зачастую занимали подчиненное положение перед семейными обычаями: в цинском праве наказание для преступника, приговоренного к смерти или длительному рабству, если он являлся единственной опорой престарелых или немощных родителей, мог быть смягчен различными способами, чтобы он мог оставаться дома и заботиться о родителях [18, р. 41]. Институты, которые мы относим к частно-правовым (семья, брак, наследование, труд, торговля и др.) входили в состав отрасли фискального

права [9, с. 94-202; 25, р. 160-353; 29, р. 79-168; 33, р. 101-168] и тоже имели публичный характер. Отличное от европейских устоев состояние имел институт вины за совершенные правонарушения, поскольку каждое нарушение правового предписания было виновным деянием и предполагало наказание [18, р. 184] и т.д.

Ситуация существенно меняется на рубеже XIX-XX вв., когда подталкиваемые промышленным и военным прогрессом, сначала Япония, а затем и империя Цин приступают к модернизации своего государственного аппарата и права, в результате чего черты последнего приобретают традиционный для континентального права вид и форму и что, в свою очередь, полностью перестраивает поведенческую модель индивидов.

Здесь необходимо оговориться о двух принципиальных моментах. Во-первых, в основу обновленных правопорядков, несмотря на более значительное присутствие в регионе Великобритании, а затем и США, были положены французская и германская модели. Во-вторых, процесс этот был исключительно добровольным и максимально прагматичным, поскольку страны Восточной Азии не испытали на себе колониальное давление со стороны западных держав, а посему во внутренней политике были свободны.

Конкуренцию французского и германского правопорядков удобнее всего рассмотреть на примере становления гражданского права не империи Цин, а Японии поскольку именно этой стране удалось первой в регионе обновить свой правопорядок и сделать его образцово-эффективным и для Кореи, которая с этой задачей не справилась, в результате чего была включена в состав Японской империи, и для Китая, явно опоздавшего с началом реформ, за что в дальнейшем стране и ее населению пришлось расплачиваться революцией, административным хаосом и войной с Японией.

Первый проект Гражданского кодекса Японии был составлен Гюставом Эмилем Буассонадом де Фонтараби, выпустившим в 1880-1890-е гг. обширный комментарий к нему [19]. Однако развернувшаяся кабинетная борьба вместе с «борьбой умов» незадолго до вступления в юридическую силу привели к организации Ко-

митет по пересмотру, который вместо изменений и дополнений, при участии немецкого советника японского правительства Людвиг Германа Лёнхольма, выработал и утвердил новый проект по образцу германского Гражданского уложения.

Знаковой особенностью нового японского права явилось и остается по сей день не только существенное отличие от многих институтов английского гражданского права [23, р. iii], но и своеобразие, свойственное для стран Восточноазиатского региона. Во-первых, это структура Кодекса, которая хоть и восприняла немецкую модель, но в своей структуре осталась верна французской: Первая Книга – Общие положения, Вторая Книга – Вещные права, Третья Книга – Обязательства. Та же самая структура повторяется и в Гражданском кодексе созданного с японским участием государства Маньчжоу-Го [12], чем Япония продолжила традицию «экспорта права», но уже с собственной спецификой и в создаваемые с ее участием политики. Вместе с тем Гражданский кодекс Китайской республики, принимавшийся с 1929 по 1931 гг., во Второй Книге содержит обязательства [2; 3], тогда как вещному праву посвящена Третья Книга [4].

Во-вторых, это традиционные правовые институты и местные обычаи в области семейного и наследственного права, сохраняемые в четвертой и пятой частях Кодекса соответственно как в Японии [24, р. i-iii], так и в Китайской республике [5; 6], при их существенной адаптации и модернизации.

И в-третьих, это особое положение торгового или коммерческого права. Так в правовой традиции т.н. «Шести кодексов» или «Шести законов» [8, с. 136-137] в Японии и Корее данная сфера общественных отношений, как и во французской модели [22] получила не только собственную кодификацию, но отраслевое обособление, тогда как в Китае, по аналогии с германской моделью, она продолжала оставаться частью гражданского права. Торговый кодекс Японии вступил в силу 16 июня 1899 г. Равно как и кодификация гражданского права, систематизация этой отрасли права, происходившая с 1890 г. по французской модели, в итоге

переключилась на немецкую, и к этому процессу также был причастен Л. Лёнхольм [30, р. 0]. Уильям Дрейпер Льюис, первый декан юридического факультета Пенсильванского университета, делавший вступление в 1919 г. к последнему переводу Торгового кодекса перед его глобальным пересмотром, утверждал, что несмотря на германское влияние, Кодекс содержал элементы торговых кодексов практически всех стран континентальной Европы, а также некоторые административные положения, обусловленные японскими условиями» [20, р. vi]. В свою очередь, переводчик Ян Иньхан в обзорной статье о развитии торгового законодательства [36, р. ix-xix] прочертил генеалогию становления европейских континентальных торговых правопорядков, разграничив французскую, германскую и француско-германскую модель, к которой отнес и Японию. Но уже 2 мая 1911 г. Япония получила обновленное торговое законодательство, которое Л. Лёнхольм характеризовал как «по сути, новый Кодекс, в котором немецкая система соблюдается даже более тщательно, чем в прежней» [31, р. 0].

Завершение формируемой восточноазиатской модели правопорядка обеспечивал публично-правовой блок законов, представленный, прежде всего, Гражданско-процессуальным кодексом, вступившим в силу 1 января 1891 г., положения которого были практически идентичны положениям аналогичного германского акта [16, р. 0]. Его перевод, в свою очередь, обеспечил известный японист немецкого происхождения, автор многочисленных работ по обычаям, таможенной практике, добыче полезных ископаемых и др. вопросам Джозеф Эрнест Де Беккер, давший обширный комментарий [17] относительно принципов действия и практики применения ГК Японии. И, наконец, целостность картине Уголовный [32] и Уголовно-процессуальный кодексы сначала французского (1880 г.), а затем и немецкого (1907 гг.) [28] образца, а также модернизированное в начале XX вв. право империи Цин, по многим позициям более эффективное и потому также заимствованное японской стороной.

Современный Китай конца XX – начала XXI вв., равно как и имперский Китай конца XIX – начала XX вв., оказался перед историческим выбором не только в сторону того или иного правопорядка. Отнюдь, ведь право в этой стране никогда не почиталось выше иных социальных регуляторов. Значение наблюдаемых и описанных нами трансформаций права, правопорядка и через них – правового поведения, заключается в той идеологической компоненте, которую законодатель вкладывает в новый нормативный правовой акт столь значительного влияния на своих граждан. Будь то идея демократии или рыночной экономики «с китайской спецификой» [14], будь то идея построения экологической цивилизации [37], следует ожидать изменения правового поведения, однако каков будет характер этих изменений – покажет только время.

Список источников

1. Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии/ Харбин: Оттиск из «Вестника Китайского Права» № 3, 1932. 53 с.

2. Гражданский Кодекс Китайской Республики. Книга вторая: Обязательства. Часть I: Общие положения (опубликована 22 ноября 18 года К. Р. (1929 г.), введена в действие 5 мая 19 года К. Р. (1930 г.) / Перевод с китайского языка Ван Цзэн-жунь; Редакция комиссии под председательством проф. В.А. Рязановского. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1932. 39 с.

3. Гражданский Кодекс Китайской Республики. Книга вторая: Обязательства. Часть II: Различные виды обязательств [ст. 345 – 552] (опубликована 22 ноября 18 года К. Р. (1929 г.), введена в действие 5 мая 19 года К. Р. (1930 г.) / Перевод с китайского языка Ван Цзэн-жунь, под редакцией профессора В.А. Рязановского. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1935. 36 с.

4. Гражданский Кодекс Китайской Республики. Книга третья: Вещное право (опубликована 30 ноября 18 года К. Р., введена в действие 5 мая 19 года К. Р. / Перевод с китайского языка Ван Цзэн-жунь; Редакция комиссии под председательством проф. В.А. Рязановского. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1932. 32 с.

5. Гражданский Кодекс Китайской Республики. Книга четвертая: Семья (опубликована 26 декабря 19 года К. Р. (1930 г.), введена в действие 5 мая 20 года К. Р. (1931 г.) / Перевод с китайского языка Ван Цзэн-жунь, под редакцией профессора В.А. Рязановского. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1934. 31 с.

6. Гражданский Кодекс Китайской Республики. Книга пятая: Наследование (опубликована 26 декабря 19 года К. Р., введена в действие 5 мая 20 года К. Р. / Перевод с китайского языка Ван Цзэн-жунь; Редакция комиссии под председательством проф. В.А. Рязановского. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1933. 21, IV с.

7. Давид Р. Основные правовые системы современности /Пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова.— М.: Прогресс, 1988. 496 с.

8. Дудин П.Н. Политическая история Мэнцзяна (2-е изд.)/ Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. 316 с.

9. Китайское уложение / перевел сокращенно с маньчжурского на русский язык Коллегии иностранных дел майорского ранга секретарь Алексей Леонтьев. – Санкт-Петербург : при Императорской Академии наук : [изд. Собрания, старающегося о переводе иностранных книг], –Ч. 1. – 1778. 291 с.

10. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура/ СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 512 с.

11. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. 448 с.

12. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке / перевод М. Огуси; ред. Е. С. Павликовский, Г. К. Гинс. Вып. 8. Гражданский кодекс. – Харбин, 1938. 129 с.

13. Свод законов «Тайхорё», 702-718 гг., I-XV законы/ М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 369 с.

14. Си Цзиньпин о демократии: Настоящая демократия: народ - хозяин своей страны//Синьхуа – Новости, 19 октября 2021// http://russian.news.cn/2021-10/19/c_1310255563.htm, дата обращения 14.02.2022.

15. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. — Том I. Основы: Пер. с нем. — М.: Междунар. отношения, 2000. 480 с.

16. Becker J.E. de. Preface/ in «(Revised draft of) Code of Civil Procedure»/ by Japan; J.E. De Becker. Yokohama : Kelly & Walsh Ltd. Publ., 1904. 275 p.

17. Becker J.E. de. *The Principles and Practice of the Civil Code of Japan*/ London: Butterworth & Co. 1921. xxix, 853 p.

18. Bodde D., Morris C. *Law in imperial China, exemplified by 190 Ch'ing dynasty cases (translated from the Hsing-an hui-lan) with historical, social, and juridical commentaries*/ Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967. xiv, 615 p..

19. Boissonade G. *Projet De Code Civil Pour L'empire Du Japon. Accompanyé D'un Commentaire. Deuxième édition. Corrigée et augmentée. Tome Premier. Des droits réels*/ Tokio : Kokoubunsha Publ., 1882. 633 p.

20. Draper Lewis W. Preface/ In «*The commercial code of Japan*»/ by Yang Yin Hang (tr.), Boston : Boston Book Co. Publ., 1911. 323 p.

21. Karlsson A. *Law and the Body in Joseon Korea: Statecraft and the Negotiation of Ideology*// *The Review of Korean Studies*. Vol. 16, No. 1, 2013. Pp. 7-45.

22. Lobingier Ch.S. (1930) *The Civil Code of the Republic of China. Book I-General Principles*. Translated in to English by Ching-Lia Hsia and James L . E. Chow. 1929. pp. iv, 57// *The American Journal of International Law*. Vol. 24, No. 4, 1930. Pp. 826-828.

23. Lönholm L. Preface/ in «*The Civil Code of Japan. Vol.1. Translated. Fourth Edition*»/ by L.H. Lönholm, R.H. Lönholm. Tokyo and Yokohama: Maruya & Co., Stück & Lohde, Gelsenkirchen Publ., 1906. 171 p.

24. Lönholm L. Preface/ in «*The Civil code of Japan*»/ by Lönholm, Ludwig Hermann, Tokyo, Yokohama, Shanghai, Hongkong & Singapore: Maruya & Co. Publ., Kelly & Walsh Lim Publ., Kokubunsha Publ., 1898. 321 p.

25. *Manuel du Code Chinois*/ par Père Guy Boulais, S.J.// *Variétés sinologiques* n° 55, Imprimerie de la Mission catholique à l'orphelinat de T'ou-sé-wé, Zi-ka-wei, 1924. Shanghai, Imprimerie de la Mission Catholique, 1924. Reprinted by Ch'eng Wen Publishing Co, Taipei, 1966. Deux fascicules. 8+VI+740+VIII pages.

26. Philastre P. L. F. *Code annamite: nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois ; de nombreuses annotations extraites des commentaires du Code chinois. Tome Premier*/ Paris: Leroux Publ., 1909. 792 p.

27. Philastre P. L. F. *Code annamite: nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois; de nombreuses annotations extraites des commentaires du Code chinois. Tome Second*/ Paris: Leroux Publ., 1909. 778 p.

28. *Second revised draft of the proposed new Criminal Code of Japan*/ by J.E. De Becker (tr.), Yokohama: «Japan Mail» Publ., 1903. 60 p.

29. Ta Tsing Leu Lee : being the fundamental laws, and a selection from the supplementary statutes, of the Penal code of China; originally printed and published in Peking, in various successive editions, under the sanction, and by the authority, of the several emperors of the Ta Tsing, or present dynasty. Translated from the Chinese; and accompanied with an appendix, consisting of authentic documents, and a few occasional notes, illustrative of the subject of the work; by Sir George Thomas Staunton, bart./ Staunton, George Thomas Sir, London : Printed for T. Cadell and W. Davies [by Strahan and Preston], 1810.: lxxvi, 581 p.

30. The Commercial code of Japan and The law concerning its operation. Third edition/ by L. H. Löenhölm (tr.). Tokyo, Yokohama, London, Bremen: Kokabunsha Publ., Maruya & Co. Publ., P. S. King & Son Publ., Max Nossler Publ., 1903. 235 p.

31. The Commercial Code of Japan and the Law concerning its operation. Fifth edition/ by L.H. Löenhölm (tr.). Yokohama, Shanghai, Hongkong, Tokyo: Kelly & Walsh, Ltd. Publ., Maruya & Co. Publ., «Japan Mail» Publ., 1911. 235 p.

32. The Criminal Code of Japan/ by J.E. De Becker (tr.), Yokohama, Shanghai, Hongkong, Singapore: Kelly & Walsh Publ., 1907. 95 p.

33. The Great Qing Code. Translated by William C. Jones, with assistance of Tianquan Cheng and Yongling Jiang [Oxford: Clarendon Press. 1994. xxx, 412, (Glossary) 11 and (Index) 17 pp.

34. The New Criminal Code of Japan/ by L. Lönhölm (tr.), Tokyo, Yokohama: Maruya & Co. Publ., 1907. II, 57 p.

35. Wigmore J.H. (1928) A Panorama of the World's Legal Systems, vol. II/ Saint Paul: West Publishing Company, 1928. 454-870 p.

36. Yang Yin Hang. Historical Introduction/ In «The commercial code of Japan»/ by Yang Yin Hang (tr.), Boston : Boston Book Co. Publ., 1911. 323 p.

37. Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang. (2019) The Contribution of China's Civil Law to Sustainable Development: Progress and Prospects// Sustainability, no. 11(1), 294, pp. 1-19. <https://doi.org/10.3390/su11010294>

Еремина Татьяна Ивановна

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ УЧЕБНОГО ВЕДОМСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье анализируется роль и значение этических норм государственной гражданской службы учебного ведомства в Российской

империи XIX – начала XX века. Рассматривается содержание и предназначение требований этических норм поведения государственных гражданских служащих учебного ведомства, представленных в законодательстве о службе, уставах учебных заведений. Этическое содержание государственной службы в учебных заведениях указанного периода было обусловлено объективной исторической ситуацией, субъективными факторами приоритетов властных структур, личностными взглядами и оценками руководителей ведомств.

Ключевые слова: Российская империя, государственная гражданская служба, учебное ведомство, этические нормы.

Первые этические стандарты службы управления появились еще в Древнем Риме, где была сформулирована сентенция «*justitia regnorum fundamentorum*» – «справедливость есть основа государственной службы» [2, с. 84]. Обеспечение этического и добросовестного поведения современных специалистов, государственных служащих осуществляется путем разработки кодексов этического поведения. Подобные кодексы этики являются сводами отраслевых принципов, правил, стандартов профессионального добросовестного поведения участников правоотношений. Исследование исторического российского опыта включения этических норм поведения государственных гражданских служащих учебного ведомства в уставные требования представляет несомненный интерес и практическое значение.

Этические нормы и правила современных этических кодексов исходят из основных нормативно-правовых актов, определяющих статусное положение служащих, работников той или иной отрасли или ведомства, восполняя пробелы законодательства по регулированию правоотношений. На государственной службе морально-этическая составляющая была особенно важна, поскольку государственные служащие выступали посредниками между властью в широком смысле и народом. Эта деятельность не представлялась возможной без опоры на этические и нравственные основы. Приоритет определения надлежащего или ненадлежащего несения службы принадлежал главе государственной власти [3,

с.156] По своему содержанию этические нормы для государственных служащих направлены на неприемлемость противоправного (коррупционного) поведения как по внутреннему убеждению, так и под воздействием регулятивных факторов [5, с. 137]. В XIX веке формирование нравственного поведения государственных служащих обеспечивалось сложным структурным механизмом. Ядром этого механизма была нормативно-правовая база, которая формулировала нравственные требования к государственным служащим, накопленные многовековым опытом, основанным на христианских традициях [1, с. 23].

В Российской империи XIX века общие требования этического характера к служебному поведению были включены в законодательство (Устав о службе по определению от правительства, статья 705). Нравственный императив служебного поведения, определенный законодателем, детализировался по каждому ведомству. Законодателем были определены требования, направленные на достойную службу, для которой, в частности, будет характерно «радение о должности», человеколюбие, честность, бескорыстие и воздержание от взяток. Государственным гражданским служащим запрещено было дарение вещей, денег в качестве подношения начальству (Указ Правительствующего Сената от 9 марта 1832 года).

Для служащих по учебному ведомству соответствующие этические нормы как составная часть базовых предписаний правомерного поведения преподавателей учебных заведений были представлены в университетских уставах, положениях об учебных заведениях. В соответствии с Университетским уставом 1804 года профессорско-преподавательский корпус имел возможность обсуждать этические аспекты своей службы в университетах, разрешать возникающие конфликты в преподавательской межличностной среде, вырабатывать стиль поведения преподавателей университетов со студентами. Законодательство четко ставило перед преподавателями государственных учебных заведений задачу -

обладать необходимыми нравственными качествами (Уставы учебных и учебных заведений, Приложение к статье 50).

Соответствующими этическими нормами определялся и образ поведения государственных гражданских служащих в частной жизни, в которой необходимо было воздерживаться от «безбожного жития», не пьянствовать, не лгать и не обманывать. Соответствующими инструкциями духовенство было обязано осуществлять надзор за «благочестием учителя», который должен был регулярно посещать церковь, исполнять церковные обряды.

В Уставе о службе по определению от Правительства 1896 года закрепляются морально-этические дефиниции - «добропорядочность», «дурное поведение», «предосудительные поступки» (Устав 1896 г., статья 195). Но уже в 1831 году для гражданских служащих, уволенных со службы за противоправное «дурное поведение» были предусмотрены весьма жесткие меры в отношении их возможного места жительства (Указ Правительствующего Сената от 31 октября 1831 года «О высылке из столицы отставленных от службы за дурное поведение Военных и Гражданских чиновников»).

Проблема этического регулирования государственной службы, формирования нравственных качеств государственных гражданских служащих - одна из актуальных тем, которая исследуется различными общественными науками. Значение этических и нравственных норм в современном обществе несколько недооценивается, иногда просто сводится к антикоррупционным нормам. Тем не менее, определенная часть моральных норм находит отражение в действующем законодательстве и государственных программных документах [4, с. 113]. Интенсивное развитие образовательной сферы современного российского государства обуславливает поиск более совершенных форм государственного регулирования образовательных правоотношений, в том числе и в историческом прошлом нашей страны.

Список источников

1. Жолобова Г.А., Бондарева П.С. История формирования этики государственных служащих в России IX-XX вв. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 3 (49). С. 15-27.
2. Комиссарова Е.Г. Морально-этическая проблематика в нормах о государственной службе // Академический вестник. 2014. № 4 (30). С. 83-94.
3. Куркина И.М., Маркина О.В. Исторические основы содержания этических требований «государевой службы» в России // Вестник Владимирского юридического института. 2017. №2 (43). С. 154-157.
4. Новикова Ю.О. Административно-правовое значение кодексов этики государственных служащих // Право. Общество. Государство. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Редколлегия: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург, 2020. С. 111-115.
5. Черногор Н.Н., Залоило М.В., Иванюк О.А. Роль этических и нравственных норм в обеспечении соблюдения запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 130–141.

Пашенцева Дарья Дмитриевна

АКТЫ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ И ИХ РОЛЬ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье показано значение актов волостных судов для регулирования правового поведения крестьян в Российской империи. Определена природа актов волостных судов, которые характеризуются как правоприменительные акты. Сделан вывод, что волостные суды, являясь словесными судебными-административными органами, способствовали консервации крестьянской общины, что соответствовало политике правительства.

Ключевые слова: волостной суд; Российская империя; крестьянская община; правоприменительный акт; правовое поведение

Правовое поведение определяется целым рядом факторов: экономических, политических, социальных, морально-нравственных, идеологических, а также юридических. Важную роль в формировании моделей и особенностей правового поведения играют государственные институты, осуществляющие правотворческую и правоприменительную деятельность. Такая деятельность, с позиций современной постклассической теории права, может рассматриваться как составная часть постоянного процесса конструирования правовой реальности. Субъекты права осуществляют свои действия в рамках этой реальности, эти действия обусловлены как правовым, так и социокультурным контекстом. В связи с этим, несомненное теоретическое значение имеет исследование исторических аспектов деятельности властных структур, которые в какой-либо конкретный период времени могли существенно влиять на правовое поведение всего населения или его отдельных групп.

В Российской империи преобладающую часть населения составляли крестьяне. Поведение крестьян в значительной мере регулировалось не законодательством, а нормами правовых обычаев, многие из которых формировались веками. Применение этих обычаев поддерживалось и государством, которое считало это целесообразным и даже удобным.

Волостные суды, созданные в первой половине XIX века и получившие широкое распространение после отмены крепостного права, представляли собой сословные органы, наделенные как судебными, так и административными полномочиями. Главная функция волостных судов, по мнению С.В. Лонской, состояла в сохранении крестьянской общины, от которой государство в тот период не могло отказаться [4, с. 80]. Община выступала важным фактором и одновременно механизмом регулирования правового и экономического поведения крестьянства, и волостной суд занимал в этом механизме одно из центральных мест. В частности, полномочия волостных судов позволяли им играть важную роль в

сборе причитавшихся с крестьян податей, при этом для виновных в неуплате могли применяться розги как наказание [5, с. 121].

Существование волостных судов предопределило важную особенность структурирования правового пространства Российской империи: «действие Свода законов Российской империи распространялось не более чем на 13–17 % населения, тогда как основную часть составляло крестьянство, которое жило в соответствии с теми обычаями, которые сложились в их местности» [3, с. 29].

Особенностью деятельности волостных судов стало широкое применение обычаев, на основе которых выносились решения и назначались наказания. Это также позволяло консервировать патриархальные отношения в деревне, сохранять традиционные модели поведения [2, с. 91], присущие крестьянству в период империи.

Представляется возможным отнести акты волостных судов к числу правоприменительных актов. Они оформляли решения по применению конкретных норм права, как правило, содержащихся в обычаях, что позволяло регулировать наследственные, семейные, обязательственные отношения между крестьянами, определяя их поведение в этих сферах. Новых норм права в актах волостных судов не устанавливалось.

Правоприменительный характер актов волостных судов определял особенности и направления их воздействия на правовое поведение крестьянства. При этом круг регулирующего воздействия этих актов определялся сословным характером этих органов – он распространялся только на крестьянство.

Особенности регулирования правового поведения крестьянства актами волостных судов определялись некоторыми характерными чертами их деятельности. Среди них можно отметить мировое регулирование споров (акцент на примирение сторон, их отказ от судебного спора), обращение к идеям милосердия и прощения, ориентация на «живое» право [1, с. 89-90]. В связи с этим, нередко

рассмотрение споров в волостных судах не завершалось созданием какого-либо акта.

В целом, волостной суд, с одной стороны, выглядел определенным пережитком в правовой системе Российской империи пореформенного периода, так как имел сословный характер, не соответствовавший направленности развития общественных отношений. С другой стороны, он достаточно успешно решал возложенные на него задачи, позволял консервировать правовое поведение крестьянства в рамках общинного взаимодействия.

Список литературы

1. Васев И.Н., Синкин К.А., Васильев А.А. Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX века). М.: Юрлитинформ 2019.
2. Дашковская Н.В. Применение правовых обычаев в деятельности волостных судов Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 4.
3. Дорская А.А. Положения Судебной реформы 1864 года и деятельность министерства юстиции Российской империи в 1867–1899 годах // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 4. С. 25-34.
4. Лонская С.В. Российские судебные реформы. XVIII-XX века: Учеб. пособие. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
5. Никулина Н.В. Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2012. № 2.

Ящук Татьяна Федоровна

РАЗРАБОТКА И ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА КОДЕКСА О БРАКЕ И СЕМЬЕ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ. КАК ПРИМЕР ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. Рассматривается процесс подготовки Кодекса закона о браке, семье и опеке в середине 1920-х гг. Выделены причины обновления семейного и брачного законодательства. Отмечено, что главной из них было стремление приблизить закон к реальному поведению граждан. Показано

различие имевшихся проектов, выявлены и объяснены факторы, повлиявшие на поддержку проекта наркомата юстиции. В итоге поддержку получили положения, устанавливающие необязательность регистрации брака, порядок признания отца ребенка, разрешение усыновления детей, общую собственность супругов.

Ключевые слова: советское право, правовая активность, история, права, семейное право, брачное право.

После состоявшейся в начале 1920-х гг. кодификации советского законодательства надлежащее правовое регулирование получили основные отрасли материального права (уголовное, гражданское, земельное и др.), а также общественные отношения в сфере судоустройства и судопроизводства. КЗоТ 1918 г. был заменен в 1922 г. новым кодексом, лучше адаптированным к запросам нэпа. Таким образом, из двух первых советских кодексов, принятых в 1918 г., действующим оставался только Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС) РСФСР, хотя он тоже нес на себе явный отпечаток революционного правосознания. К середине 1920-х гг. сформировалась судебная практика его применения, которая обозначила наиболее проблемные и неоднозначно трактуемые положения и показала, по каким направлениям стоит вносить изменения. В материалах, обобщающих сведения о работе судов, указывалось, что суды, рассматривая споры между лицами, не состоящими в зарегистрированном браке, выносили решения о признании «взаимной обязанности поддерживать друг друга алиментами и о правах на часть имущества при прекращении незарегистрированного сожителства» [7, с.150]. Поскольку действовала ст. 52 КЗАГС о том, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, «судейская мысль искала себе выхода в других направлениях, строя признание прав женщины на долю в имуществе своего сожителя па принципе возмещения стоимости вложенного труда» [7, с.150]. Судебная практика отражала реальное брачное поведение граждан. Перепись 1923 г. зафиксировала более 100 тыс. незарегистрированных браков, то есть на

брачное состояние, не подтвержденное юридически, указали сами граждане. Отмечалось, что свыше 30% таких отношений продолжались длительное время, в них родились дети [8, с.183].

Снижение значимости зарегистрированного брака объяснялось и уравниванием статуса рожденных детей. Ранее дети, родившиеся вне брака, не получали личные и имущественные права отца. Советское законодательство в отличие от церковных норм исключило само понятие незаконнорожденных детей.

Помимо стремления приблизить нормативное регулирование к реально складывающимся брачным отношениям, были и другие причины обновления семейного законодательства. Требовали пересмотра нормы о полной имущественной самостоятельности супругов, об алиментных обязательствах, органах опеки и попечительства. Правоприменительный опыт показал искажение их изначального смысла. Так, практика выдачи актов о происхождении зачатых детей воспринималась как признание их незаконнорожденными, хотя такая норма вводилась совершенно с иной целью – обеспечить материальную поддержку матери и ребенка. Массово, особенно в крестьянской среде, игнорировался запрет усыновления, сирот просто принимали в семью. Вряд ли во всех случаях взрослые действовали недобросовестно и брали ребенка только с целью его эксплуатации.

Эти соображения были учтены при разработке проекта кодекса, чем занимался народный комиссариат юстиции (НКЮ). Внесенный на рассмотрение 2-й сессии ВЦИК XII созыва, на одном из первых заседаний, а именно 19 октября 1925 г., он был в целом одобрен, но его окончательное утверждение перенесено на следующую сессию [3, с.3-4].

Проект активно продвигал и популяризировал нарком юстиции Д.И. Курский, поскольку проект готовился в его ведомстве. Например, в многотиражном журнале «Еженедельник советской юстиции» он опубликовал большую объяснительную записку, в которой доступным стилем и языком изложил наиболее принципиальные новшества проекта: необязательность регистрации бра-

ка; порядок признания отца ребенка, и соответственно, равенство детей независимо от происхождения; разрешение усыновление; введение института общей собственности супругов; отказ от опеки над расточителями [5, с.1230-1232]. То есть давалось довольно полное представление о сути проекта, без необходимости обращения к самому тексту.

С целью уточнения предлагаемых изменений и их оценки проект рассылался во многие наркоматы, иные государственные учреждения [6, с.173-174]. Например, развернутый ответ, а фактически собственный цельный проект представил наркомат внутренних дел (НКВД). Однако концепция НКВД была подвергнута критике на страницах юридической печати. В нем увидели «размытые», декларативные утверждения: например, цель закона усматривалась в том, чтобы «крепить новый революционный быт» [4, с.1010]. Предпринималась неудачная попытка дать единое определение брака, которое бы позволяло считать таковым и зарегистрированный брак, и незарегистрированные фактические брачные отношения. Критику вызвали предложения НКВД передать функции опеки и попечительства милиции, в чем верно усматривали защиту ведомственных интересов, а также допущение только судебного порядка расторжения брака, что было оценено, как совершенно ненужная и технически сложная процедура. (Отметим, что вопрос о подведомственности органов опеки вызывал споры на следующих стадиях прохождения проекта). Выразалось сомнение в целесообразности перенесение из ГК в КЗоБСО норм наследственного права [4, с.1010].

Исходный проект НКЮ также подвергся значительным изменениям, показательно, что инициаторами таких изменений выступала заинтересованная общественность. В публикациях, отражающих прохождение проекта, указывалось, что Комиссия Совнаркома, получив проект НКЮ, привлекла для его обсуждения представительниц Женотдела при ЦК РКП (б), и поддержала выдвинутое ими предложение, отказаться от солидарной ответственности по алиментам, как это допускал ранее КГАГС, алиментные

обязательства возлагать только на лицо, признанное отцом ребенка. Таким образом, прекращалась практика выдачи родившей женщине судебного акта, удостоверяющего факт ее отношений в момент зачатия ребенка с несколькими лицами, что давало ей гипотетическую возможность добиться от всех их алиментов на его содержание. Фактически, как показала практика, получение такого документа объективно возрождало понятие незаконнорожденного ребенка.

Женщины участвовали в рассмотрении всех положений проекта. Они поддержали исключение требования об ответственности родственников по алиментам друг друга (отметим, что круг таких родственников в проекте конкретизировался). Отказ от этой нормы аргументировался тем, что современная семья, как правило, ограничивается родителями и нисходящим потомством и не имеет ничего «общего с понятием семьи дореволюционного быта» [4, с.1010].

На следующей стадии обсуждения проекта была применена нетипичная форма, а именно, организация шефским обществом при Верховном Суде РСФСР диспута о браке и семье. Диспут прошел 1 декабря 1925 г. в Москве в Колонном зале ДOME Союзов. Со вступительным словом к собравшимся обратился член коллегии НКЮ, известный специалист в области семейного права Я.Н. Бранденбургский. Присутствовали и другие видные советские работники, юристы: А.А. Сольц (член Верховного суда СССР), Н.В. Крыленко (заместитель наркома юстиции РСФСР), Н.В. Лисицын (член Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б)). Предметом диспута являлся вопрос о сохранении или отмене обязательной государственной регистрации брака. Сам институт брака не оспаривался. Обсуждалось две позиции. Первую представляло большинство участников. Они приводили разные аргументы, доказывающие, что фактические брачные отношения широко распространены, поэтому законодательство должно следовать за реальным правовым поведением граждан. Приводили факты, подтверждающие, что регистрация брака не гарантирует

обеспечение материальных интересов детей, исполнение алиментных обязательств.

Вторую позицию – за оставление нормы, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, отстаивал А.А. Сольц. Он считал, что в таких отношениях женщина защищена лучше.

Н.В. Лисицын, занимающийся земельным правом и имеющий публикации по этой теме, высказал мнение, что кодекс писался для передового городского населения, и совершенно не учитывает специфику семейно-брачных отношений в деревне. Он поставил правильные вопросы: создают ли фактические брачные отношения право на землю? Каковы в деревне последствия развода в случае фактических брачных отношений?

Помимо ответственных работников выступить смогли и другие участники. В информации о диспуте излагались мнения женщин (работницы, крестьянки), поддержавших позицию большинства. Однако, возможно, в публикации отражены не все прозвучавшие мнения. Статью готовил и опубликовал под своим именем Я.Н. Брандербургский, допускавший альтернативные формы брачных отношений. Хотя он отмечал, что государственная регистрация лучше «защищает права супругов, которые вытекают из брака, ибо...в случае фактического, но не зарегистрированного брака, придется прибегнуть в суду» [2, с.1504-1506].

Обсуждение кодекса показало, что активнее поддерживается позиция о признании брачными как зарегистрированных, так и фактических отношений. Но сами признаки таких отношений, надо определить точнее. Поэтому на заключительной стадии прохождения проекта, Совнарком конкретизировал признаки, доказывающие факт брачного состояния: совместное сожительство; совместное хозяйство; выявление супружеских отношений перед третьими лицами [1, с.1321-1324]. Эти нормы и вошли в текст закона.

Высокая активность, проявленная в период подготовки КЗоБСО различными субъектами (государственными учреждени-

ями, организованной общественностью, отдельными лицами) требует объяснений. Во-первых, она происходила от «близости», понятности и значимости для каждого лица регулируемых кодексов отношений. Как показал опыт последующей кодификации советского права 1960-1980-х гг., когда широкое обсуждение проектов стало обязательной процедурой, наибольшее число окликов поступило на проекты кодекса законов о браке и семье и кодекса о труде [9, с. 387]. Во-вторых, высокая активность, особенно заметная в рамках юридического сообщества, объясняется стремлением к профессиональной реализации в нормотворческой деятельности, возможности которой были ограничены, на что ранее обращалось внимание в литературе [9, с. 268]. В-третьих, подготовка кодекса совпала с максимальным развитием нэпа, когда проявилась очевидная потребность в регламентации гражданских прав и свобод, включая брачно-семейные отношения.

Список источников

- 1.Бранденбургский Я. На III сессии ВЦИК XII созыва //Еженедельник советской юстиции. 1926. №47.
- 2.Бранденбургский Я. Диспут о браке и семье в Доме Союзов// Еженедельник советской юстиции. 1925. №48-49.
- 3.Вторая сессия ВЦИК. Постановления. М.: ВЦИК, 1925.
- 4.Домбровский Е. Новое в проекте закона о браке, семье и опеке // Еженедельник советской юстиции. 1925. №30.
- 5.Курский Д.И. Объяснительная записка к проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке 1925 г. // Еженедельник советской юстиции. 1925. №38-39.
- 6.Развитие кодификации советского законодательства / отв. ред. С.Н. Братусь. М.: Юрид. лит., 1968.
- 7.Рындзюнский Г. К проекту кодекса законов о браке, семье и опеке // Еженедельник советской юстиции. 1924. №7-8.
- 8.Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву/ под ред. Д.И. Курского. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
- 9.Ящук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск: Изд-во ОмГУ, 2021.

Научное издание

**Правовое поведение: классические
и современные модели**

Сборник научных трудов

Под общей редакцией Д.А. Пашенцева

Подписано в печать 09.03.2022 г. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ № 15

Издательство «Саратовский источник»

г. Саратов, ул. Кутякова 138б, 3 этаж.

Тел. (8452) 52-05-93

E-mail: saristoch@bk.ru

Отпечатано в типографии «Саратовский источник»